

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

АНГЕЛЫ - ХРАНИТЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Дин Рэй Кунц

Ангелы-хранители

Серия «The Big Book. Дин Кунц»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48584658

Ангелы-хранители: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2019

ISBN 978-5-389-17531-0

Аннотация

В свой тридцать шестой день рождения Трэвис Корнелл отправляется в горы Санта-Ана. Но вскоре путь ему преграждает грязный, мокрый золотистый ретривер, который не позволяет ему идти дальше.

В то утро Трэвис отчаянно пытался отыскать хоть крупицу счастья в своей одинокой, казалось бы, проклятой, никому не нужной жизни. И вот он встречает собаку, наделенную разумом, и благодаря ей вскоре находит свою любовь и одновременно оказывается в центре событий, связанных с самым темным созданием, которое когда-либо порождало человеческое безумие...

Содержание

Часть первая. Раскалывая прошлое	6
Глава 1	6
1	6
2	28
3	31
Глава 2	41
1	41
2	55
3	57
4	64
5	73
Глава 3	82
1	82
2	90
3	94
4	103
5	107
6	115
7	119
8	132
9	139
Глава 4	142
1	142

2	150
3	157
4	167
5	171
6	177
7	178
8	181
9	183
Глава 5	187
1	187
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Дин Кунц

Ангелы-хранители

*Эта книга посвящается Леннарту Сейну,
который не только лучший в своем деле, но и
отличный парень, а также Элизабет Сейн, такой
же милой, как и ее муж*

Dean Koontz

WATCHERS

Copyright © 1987 by Nkui, Inc.

This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

© О. Э. Александрова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Часть первая.

Раскалывая прошлое

Прошлое – это начало начал. Все, что есть, и все, что было, не более чем предрассветные сумерки.
Г. Дж. Уэллс

Встреча двух личностей подобна контакту двух химических веществ: если есть хоть малейшая реакция, изменяются оба элемента.
К. Г. Юнг

Глава 1

1

Восемнадцатого мая, в свой тридцать шестой день рождения, Трэвис Корнелл поднялся в пять утра. Надел тяжелые походные ботинки, джинсы и синюю клетчатую рубашку с длинным рукавом. Сел за руль красного пикапа и поехал от своего дома в Санта-Барбаре в сторону поселка Сантьяго-Каньон, расположенного на востоке округа Ориндж, к югу от Лос-Анджелеса. С собой Трэвис взял лишь печенье «Орео», большую флягу апельсинового «Кул-эйда» и пол-

ностью заряженный «смит-вессон» 38-го калибра модели «Чифс-спешиап».

За все два с половиной часа пути Трэвис ни разу не включил радио. Он не мурлыкал себе под нос, не свистел и не напевал, как частенько делают мужчины, находясь в одиночестве. По правую руку раскинулся Тихий океан. Тяжелый и холодный, точно сланец, океан угрюмо чернел у горизонта, но ближе к берегу первые лучи солнца уже успели окрасить его золотом одноцентовиков и палевым розовых лепестков. Однако Трэвис даже не потрудился взглянуть на позолоченную солнцем воду.

У Трэвиса, худощавого, жилистого мужчины с глубоко посаженными карими, под цвет волос, глазами, было узкое лицо с римским профилем, высокие скулы и слегка выступающий подбородок. Такое аскетичное лицо скорее подошло бы монаху из какого-нибудь святого ордена, где до сих пор верят, что самобичевание очищает душу через страдание. И, Господь свидетель, за свою жизнь Трэвис действительно страдался. Однако его лицо могло быть и располагающим, открытым и теплым. В свое время улыбка Трэвиса очаровывала женщин, но не сейчас. Он уже давно не улыбался.

«Орео», фляга и револьвер лежали в зеленом нейлоновом рюкзаке с черными лямками, брошенном на переднее сиденье. Время от времени Трэвис поглядывал на рюкзак, словно мог разглядеть через ткань заряженный «Чифс-спешиап».

Трэвис свернул с шоссе, ведущего в Сантьяго-Каньон,

округ Ориндж, на узкую дорогу, затем – на ухабистый проселок. И вот уже в восемь тридцать плюс несколько минут он припарковал пикап на стоянке под колючими ветвями пихты Дугласа.

Набросив на плечи лямки рюкзака, Трэвис направился к подножию гор Санта-Ана. Он с детских лет знал здесь каждый склон, каждую складку, каждое ущелье, каждый хребет. У отца Трэвиса была каменная хижина в верхней части каньона Святого Джима, возможно самого удаленного из всех населенных каньонов, и в детстве Трэвис неделями изучал дикую природу в радиусе многих миль от хижины.

Он любил эти дикие каньоны. Во времена его юности черные медведи бродили по окрестным лесам. Теперь медведи исчезли, хотя чернохвостые олени пока еще водились, правда, уже не в таком изобилии, как двадцать лет назад. Но прекрасные горные складки и впадины, пышная и разнообразная растительность, в частности кусты и деревья, остались неизменными, по крайней мере, так показалось Трэвису, пока он неумоимо шел под сенью калифорнийских дубов и платанов.

Время от времени на пути попадались одинокие хижины или скопления горных домиков. Редкие местные жители были робкими сурвайвалистами, верившими в приближение конца цивилизации, но не решавшимися переехать в еще более заповедные места. Многие из них, самые обычные люди, смертельно устали от суеты современной жизни и теперь от-

лично обходились без водопровода и электричества.

Но хотя каньоны считались местами отдаленными и труднодоступными, рано или поздно им суждено было быть оккупированными неуклонно надвигавшимися окраинами. Ведь население округов Ориндж и Лос-Анджелес, расположенных в радиусе ста миль, уже составляло почти десять миллионов человек, и рост его численности не подлежал сомнению.

Но сейчас безжалостный хрустальный свет словно дождем омывал эту дикую местность, казавшуюся удивительно чистой и первозданной.

На голом горном хребте с жухлой травой, успевшей вырасти в короткий сезон дождей, Трэвис нашел широкий плоский валун и скинул рюкзак.

В пятидесяти футах от Трэвиса на другом плоском камне грелась на солнце гремучая змея. Она подняла свою мерзкую клиновидную голову и уставилась на Трэвиса.

Мальчишкой Трэвис убил в этих горах несметное число гремучников. Достав из рюкзака револьвер, он встал с каменной скамьи. Сделал несколько шагов в сторону змеи.

Гремучник поднялся на хвосте и пристальнее уставился на Трэвиса.

Трэвис сделал еще один шаг и принял нужное для стрельбы положение, обеими руками сжав револьвер.

Гремучник начал свиваться кольцами. Однако вскоре он поймет, что сделать бросок на таком расстоянии нереально,

и попытается отступить.

Абсолютно уверенный, что попадет в цель, Трэвис, к своему удивлению, неожиданно понял, что не может нажать на спусковой крючок. Ведь он приехал к подножию этих гор не только вспомнить времена, когда ему было приятно ощущать себя живым, но и пострелять по змеям, если хоть одна попадется на пути. Страдавший в последнее время от глубокой депрессии, озлобленный вечным одиночеством и отсутствием смысла жизни, Трэвис был словно туго натянутая струна. Ему необходимо было совершить какое-то агрессивное действие, и убийство нескольких змей – право слово, небольшая потеря – казалось идеальным средством выпустить пар. Однако, глядя на гремучника, Трэвис вдруг понял, что существование этой рептилии куда менее бессмысленно, нежели его собственное: она занимала свою экологическую нишу и наверняка получала большее удовольствие от жизни, чем он сам в последнее время. Трэвиса затрясло, дуло отклонилось от цели, и он не смог пробудить в себе желания выстрелить. Трэвис оказался никудышным палачом, а потому, опустив револьвер, вернулся к валуну, на котором оставил рюкзак.

Змея была явно настроена миролюбиво: она снова опустила голову на камень и застыла.

Тем временем Трэвис вскрыл упаковку «Орео». В детстве он обожал его. Но за последние пятнадцать лет не съел ни одного печеньица. Печенье оказалось почти таким же, как

Трэвису запомнилось с детства. Он глотнул из фляги «Кул-Эйда», однако напиток его разочаровал, оказавшись слишком сладким на вкус взрослого человека.

Можно воскресить в памяти невинность, энтузиазм, радость и ненасытность юности, но, увы, все это невозможно вернуть, подумал Трэвис.

Оставив гремучника греться на солнце, Трэвис снова закинул рюкзак на плечо и начал спуск в тени деревьев по южному склону горного хребта в сторону верхней части каньона. Воздух был напоен свежестью молодых побегов вечнозеленой растительности. Там, где дно каньона спускалось вниз в западном направлении, Трэвис свернул в глубоком мраке на запад и пошел по оленьей тропе.

Несколько минут спустя, пройдя под сомкнутыми наподобие арки ветвями двух калифорнийских платанов, Трэвис оказался в том месте, где солнечный свет просачивался сквозь брешь в листве. Оленья тропа на дальнем конце поляны вела в другую часть леса, где ели, лавры и платаны росли еще плотнее. Тропа впереди круто обрывалась – каньон пытался нащупать дно. Трэвис остановился на краю солнечного круга, так что носки ботинок оставались в тени, и посмотрел на крутой спуск, окутанный непроглядной тьмой.

Трэвис собрался было продолжить путь, но тут справа из засохшего кустарника выскочила какая-то собака и, громко пыхтя, побежала прямо к Трэвису. Это был золотистый ретривер, на первый взгляд явно породистый. Кобель. Очевид-

но, псу было чуть больше года: он уже практически достиг нужных размеров, сохранив при этом игривость щенка. В его густой шерсти, грязной, мокрой и свалявшейся, застряли репейники и листья. Остановившись перед Трэвисом, пес сел, наклонил голову и бросил на него заискивающий дружелюбный взгляд.

Несмотря на замызганный вид, собака обладала какой-то странной притягательностью. Трэвис наклонился, погладил ее по голове и почесал за ушами.

Трэвис ожидал, что из кустов вот-вот появится хозяин ретривера, запыхавшийся и сердитый. Но никто не вышел. Тогда Трэвис решил проверить, на месте ли ошейник с жетоном, но ошейника не было.

– Ведь ты наверняка не бродячая собака. Не так ли, малыш?

Ретривер фыркнул.

– Нет, ты слишком дружелюбный для бродячей собаки. Ты потерялся, да?

Пес ткнулся носом в руку Трэвиса.

Трэвис заметил, что у собаки не только вся шерсть в колтунах, но и правое ухо в засохшей крови. Следы свежей крови виднелись на передних лапах, словно ретривер так долго бежал по пересеченной местности, что треснули подушечки лап.

– Похоже, ты проделал тяжелый путь, малыш.

В ответ ретривер тихонько заскулил, будто соглашаясь с

Трэвисом.

Он продолжил гладить ретривера по спине и почесывать за ушами, но через минуту-другую понял, что ждет от пса нечто такого, чего тот никак не мог ему дать: смысла и цели в жизни, избавления от отчаяния.

– Ну а теперь беги. – Легонько хлопнув ретривера по спине, Трэвис поднялся и потянулся.

Собака осталась стоять перед ним.

Тогда Трэвис обошел пса и направился в сторону опускающейся в темноту узкой тропы.

Однако собака обежала Трэвиса и преградила ему дорогу.

– Беги, малыш!

Ретривер оскалился и утробно зарычал.

Трэвис нахмурился:

– Беги! Хороший пес.

Но обойти ретривера так и не удалось: тот снова зарычал и начал хватать Трэвиса за ноги.

– Эй! – Трэвис отскочил на два шага назад. – Какая муха тебя укусила?!

Ретривер перестал рычать, но остался стоять, тяжело дыша.

Трэвис снова попробовал пройти вперед, но пес набросился на него еще яростнее. Он по-прежнему не лаял, а лишь глухо рычал и хватал за ноги, загоня назад на поляну. Трэвис сделал восемь-десять неловких шагов по скользкому коврику из сухих еловых веток и сосновых иголок, споткнулся и

шлепнулся на задницу.

Как только Трэвис оказался на земле, пес тотчас же отстал. Он подбежал к краю крутого спуска, напряженно вглядываясь в темноту. Его висячие уши наострились и чуть-чуть поднялись.

– Проклятая собака! – воскликнул Трэвис, но пес не обратил на эти слова никакого внимания. – Какого черта ты ко мне привязалась, мерзкая шавка?!

Но ретривер, оставаясь в тени деревьев, продолжал всматриваться в уходящую вниз оленью тропу, в черноту лесистого дна каньона. Опушенный хвост был зажат между задними лапами.

Трэвис подобрал с земли пригоршню мелких камешков, выпрямился и запустил одним из них в ретривера. Собака, несмотря на болезненный удар, даже не взвизгнула, а только резко развернулась.

Ну вот, я добился своего, подумал Трэвис. Теперь он вцепится мне в горло.

Пес бросил на Трэвиса осуждающий взгляд и продолжил блокировать оленью тропу.

Что-то в поведении этого ободранного пса – возможно, взгляд широко расставленных темных глаз, а возможно, наклон квадратной головы – заставило Трэвиса почувствовать укол совести за то, что он пустил в ход камень. Чертова пси-на явно разочаровалась в нем, и Трэвису вдруг стало стыдно.

– Эй, послушай, – сказал он, – ты первый начал!

Но собака лишь внимательно посмотрела на него.

Трэвис выронил оставшиеся камни.

Ретривер проводил взглядом брошенные за ненадобностью метательные снаряды, затем снова поднял на Трэвиса глаза, и Трэвис мог поклясться, что прочел явное одобрение на морде собаки.

Конечно, можно было повернуть назад. Или найти другой спуск в каньон. Но Трэвиса охватила иррациональная решимость во что бы то ни стало прорваться вперед, пойти именно туда, куда он хотел пойти, черт побери! Из всех дней именно сегодня он не потерпит никаких преград и его не остановит такая ерунда, как вставшая на пути собака.

Трэвис в очередной раз встал, ссутулил плечи, чтобы надеть рюкзак, и, вдохнув полной грудью смолистый воздух, отважно пошел через поляну.

Пес снова зарычал: тихо, но угрожающе. И снова оскалил зубы.

С каждым шагом решимость Трэвиса мало-помалу таяла, и, оказавшись в нескольких футах от ретривера, он выбрал другой подход. Он остановился, покачал головой и мягко пожурил пса:

– Плохая собака. Ты очень плохая собака. Ты это знаешь? Что на тебя нашло? А? Непохоже, что ты таким уродился. С виду ты очень хорошая собака.

И пока Трэвис увещевал пса, тот, перестав рычать, неуверенно вильнул разок-другой пушистым хвостом.

– Хороший мальчик, – произнес Трэвис заискивающе, очень вкрадчиво. – Вот так-то лучше. Мы с тобой можем стать друзьями, а?

Ретривер примирительно заскулил. Этим хорошо знакомым трогательным звуком собаки выражают свое естественное желание быть любимыми.

– Видишь, у нас с тобой явный прогресс. – Сделав еще один шаг в сторону собаки, Трэвис собрался было нагнуться, чтобы ее погладить.

Пес тотчас же с грозным рычанием прыгнул на Трэвиса, отгоняя его вглубь поляны. Вцепившись зубами в штанину Трэвиса, ретривер яростно замотал головой. Трэвис попытался пнуть собаку ногой. Промахнулся и потерял равновесие. Тем временем пес вцепился во вторую штанину и обещал Трэвиса кругом, таща его за собой. Трэвис начал отчаянно подпрыгивать, чтобы не отстать от противника, но не удержался и снова шлепнулся на землю.

– Вот дерьмо! – Он чувствовал себя ужасно глупо.

Собака заскулила, явно демонстрируя дружелюбный настрой, и лизнула Трэвиса в руку.

– Нет, ну надо же быть таким придурком! – вздохнул Трэвис.

Ретривер вернулся к краю поляны. И остался стоять спиной к Трэвису, уставившись на оленью тропу, уходившую вниз, в прохладную тень деревьев. Внезапно пес пригнул голову и сгорбился. Мышцы на спине и ляжках напряглись,

словно он приготовился дать деру.

– На что ты смотришь? – До Трэвиса внезапно дошло, что пса гипнотизирует не сама оленья тропа, а что-то на тропе. Он встал с земли и спросил, обращаясь к самому себе: – Горный лев?

Во времена его юности в этих лесах водились горные львы, в частности пумы. Так что вполне вероятно, где-нибудь поблизости по-прежнему рыщут представители семейства кошачьих.

Ретривер зарычал, на этот раз не на Трэвиса, а на что-то, привлечшее его внимание. Звук был низким, едва слышным, и Трэвису показалось, что собака одновременно и сердита, и напугана.

Койоты? В предгорьях их было полным-полно. Стая голодных койотов способна насторожить даже такое сильное животное, как этот золотистый ретривер.

Испуганно тявкнув, пес отскочил от затененной оленьей тропы. Затем бросился к Трэвису, пулей пролетев мимо него в сторону деревьев, и Трэвис решил, что ретривер исчезнет в лесу. Но нет. Остановившись под аркой из ветвей двух платанов, из-под которой Трэвис вышел несколько минут назад, пес выжидающе смотрел на мужчину. Затем с озабоченным видом подскочил к нему, стремительно обежал его, вцепился в штанину и попятился, пытаясь утащить за собой.

– Ладно-ладно, сдаюсь, – сказал Трэвис. – Твоя взяла.

Ретривер разжал зубы. И отрывисто тявкнул – звук, скорее

напоминавший тяжелый вздох, нежели лай.

Совершенно очевидно – и это было самым удивительным, – собака намеренно не пускала Трэвиса на темную полосу оленьей тропы, где явно что-то такое было. Нечто опасное. И теперь собака предлагала Трэвису уносить отсюда ноги, поскольку опасное существо приближалось.

Что-то приближалось. Но что?

Трэвис нимало не обеспокоился. Ему стало просто интересно. Что бы там ни было, это могло напугать собаку, однако ни одно обитающее в здешних горах животное, пусть даже койот или пума, не станет нападать на взрослого мужчину.

Нетерпеливо поскуливая, ретривер снова пытался ухватить зубами штанину Трэвиса.

Ретривер вел себя необычно. Если он до смерти напуган, тогда почему не убегает, бросив Трэвиса? Ведь Трэвис не был его хозяином, и пес вовсе не обязан был любить и защищать его. У бродячих собак нет чувства долга по отношению к незнакомцам, у них нет ни совести, ни моральной ответственности. Интересно, что этот пес о себе возмнил: что он – внештатный помощник Лэсси?

– Хорошо-хорошо. – Страхнув с себя ретривера, Трэвис последовал за ним к арке из ветвей платана.

Собака бросилась вперед, вверх по тропе, ведущей к внешнему краю каньона, навстречу яркому свету и расступившемуся лесу.

Трэвис замешкался возле платанов. Нахмурившись, он

окинул взглядом солнечную поляну и черную дыру между деревьями, где тропа круто уходила вниз. Так кто же должен был оттуда появиться?

Пронзительный стрекот цикад внезапно оборвался, будто кто-то резко поднял иглу граммофона. В лесу стало неестественно тихо.

А затем Трэвис услышал, как что-то несется вверх по темной тропе. Странный скребущий звук. Грохот осыпающихся камней. Шелест сухих кустов. Казалось, существо это было ближе, чем на самом деле, поскольку звуки эхом разносились в узком проходе между деревьями. Так или иначе, существо быстро приближалось. Очень быстро.

И тут впервые за все это время Трэвис почувствовал, что ему грозит серьезная опасность. Он знал, что в здешних лесах нет достаточно крупных и смелых зверей, способных на него напасть, но инстинкт оказался сильнее доводов разума. Сердце тревожно забилося.

Ретривер, уже бежавший вверх по склону каньона, почуял смятение Трэвиса и возбужденно залаял.

Пару десятков лет назад Трэвис наверняка решил бы, что по тропе поднимается разъяренный черный медведь, обезумевший от боли или болезни. Однако обитатели горных хижин и приезжающие на уик-энд туристы – предвестники наступающей цивилизации – оттеснили немногих оставшихся здесь медведей в предгорья Санта-Аны.

Судя по нарастающему шуму, неизвестный зверь через

несколько секунд должен был достичь поляны между нижней и верхней тропой.

У Трэвиса по спине поползли мурашки, совсем как подтаявшая ледяная крупа по оконному стеклу.

Трэвису хотелось посмотреть на зверя, но внутренности внезапно сжались от страха, чисто инстинктивного страха.

Успевший подняться повыше ретривер отчаянно залаял.

Трэвис повернулся и побежал.

Он был в отличной форме, ни единого лишнего фунта. Ведомый запыхавшимся ретривером, Трэвис помчался вверх по оленьей тропе, подныривая под разлапистые ветви. Шипованные подошвы ботинок для хайкинга обеспечивали хорошее сцепление; Трэвис пару раз поскользнулся на шатавшихся камнях и подстилке из сухих сосновых иголок, но не упал. И пока он бежал сквозь фальшивый огонь, имитируемый игрой света и тени, легкие начали гореть почти настоящим огнем.

На долю Трэвиса Корнелла в свое время выпало немало бед и страданий, однако он, не моргнув глазом, стойко сносил удары судьбы. И в худшие времена он спокойно терпел утраты, боль и страх. Но сейчас произошло нечто особенное. Он потерял контроль. И впервые в жизни запаниковал. В его душу проник страх, затронув примитивные глубины сознания, доселе остававшиеся недоступными. Трэвис бежал со всех ног, в холодном поту, покрытый мурашками, не понимая, почему неизвестный преследователь наводит на него та-

кой всепоглощающий ужас.

Трэвис не оглядывался. Поначалу он не отрывал глаз от извилистой тропы, чтобы не напороться на ветку. Но по мере продвижения вперед паника только усиливалась, и, преодолев ярдов двести, Трэвис понял, что не оглядывается исключительно из опасения увидеть нечто ужасное.

Конечно, подобная реакция была иррациональной. Покалывание в районе загривка и ледяная пустота в желудке являлись симптомами чисто суеверного страха. Короче говоря, культурный и образованный Трэвис Корнелл слетел с катушек, превратился в испуганного дикаря, который живет в каждом человеческом существе – генетический призрак того, кем мы некогда являлись, – и оказался не в силах вернуть самоконтроль, отлично понимая при этом абсурдность подобного поведения. В Трэвисе возобладал чистый инстинкт, и инстинкт этот говорил, что он должен бежать, бежать, ни о чем не думать и просто бежать.

В верхней части каньона тропа поворачивала налево, прорезая в крутом северном склоне извилистый путь наверх. За поворотом Трэвис увидел лежавшую на тропе собаку, подпрыгнул от неожиданности и, зацепившись ногой за гнилую корягу, упал ничком. Ошеломленный неожиданным падением, он не мог ни вздохнуть, ни охнуть.

Он лежал и ждал, что прямо сейчас кто-то страшный бросится на него и вырвет ему горло.

Ретривер кинулся назад и, перепрыгнув через Трэвиса,

уверенно приземлился на тропе за ним. После чего принялся яростно лаять на неизвестного преследователя, причем куда свирепее, чем тогда, когда отгонял Трэвиса от нижней тропы.

Трэвис перевернулся и сел, тяжело дыша. За спиной никого не было. Похоже, опасность подстерегала его с другой стороны. Ретривер стоял, повернувшись к подлеску к востоку от них, и громко лаял, брызгая слюной, причем так отчаянно, что каждый пронзительный звук больно бил по ушам. Звучавшая в голосе пса дикая ярость сбивала с толку. Он явно предупреждал невидимого противника, чтобы тот не смел приближаться.

– Успокойся, малыш, – ласково произнес Трэвис. – Успокойся.

Пес прекратил лаять, но даже не обернулся на Трэвиса. Окалив зубы и утробно рыча, пес не сводил глаз с кустарника.

По-прежнему тяжело дыша, Трэвис, поднялся на ноги и кинул взгляд на восток, в сторону леса. Хвойники, платаны, редкие лиственницы. Тени, точно образцы темной материи, были прикреплены то там, то сям золотыми булавками и иголками солнечного света. Кусты. Шиповник. Плющ. Похожие на гнилые зубы выветренные скалы. Вроде бы ничего необычного.

Трэвис положил руку на голову пса. Тот перестал рычать, как будто прочитав мысли человека. Трэвис сделал глубокий

вдох, задержал дыхание и прислушался к шороху в кустах.

Цикады по-прежнему молчали. Птицы в ветвях не чирикали. Лес затих, словно мудреный часовой механизм Вселенной вдруг вышел из строя.

И причина внезапно накрывшей лес тишины определенно не в нем, Трэвисе. Ведь когда он спускался в каньон, это не насторожило ни птиц, ни цикад.

Нет, там явно кто-то был. Незванный гость, появление которого лесные жители явно не одобряли.

Пытаясь уловить малейшие признаки движения в лесу, Трэвис замер и на этот раз услышал треск кустов, щелчок отскочившей ветки, тихий хруст сухих листьев – и до ужаса отчетливый звук тяжелого прерывистого дыхания какого-то очень крупного существа. Похоже, существо находилось в футах сорока отсюда, но непонятно, где именно.

Ретривер снова напрягся. Висячие уши слегка приподнялись, выступив вперед.

Хриплое дыхание неизвестного противника казалось настолько жутким – возможно, из-за раскатистого эха в поросшем лесом каньоне, а возможно, оно и впрямь было жутким, – что Трэвис поспешно снял рюкзак и достал заряженный «смит-вессон».

Собака уставилась на револьвер. У Трэвиса вдруг возникло странное ощущение, что она знает, для чего нужен револьвер, и одобряет выбор оружия.

У Трэвиса мелькнула мысль, что там, в лесу, возможно,

не зверь, а человеческое существо.

– Кто там?! Выходи и встань так, чтобы я мог тебя видеть! – крикнул Трэвис.

Хриплое дыхание в кустах сменилось сиплым злобным рычанием, пробившим Трэвиса, словно электрическим током. У Трэвиса вдруг сильно заколотилось сердце, и он сразу напрягся – так же как и стоявшая рядом собака. Несколько мучительно долгих секунд Трэвис пытался определить, почему производимые неизвестным существом звуки посылают столь мощный заряд страха. И неожиданно понял, что пугала именно неясная природа патологических звуков: животное рычание, несомненно, принадлежало зверю... и все же было в этом нечто такое, что говорило о явном присутствии интеллекта: тон и модуляции голоса разъяренного мужчины. И чем дольше Трэвис прислушивался, тем больше убеждался в том, что, строго говоря, подобные звуки не характерны ни для человека, ни для животного. А если так... то что, черт возьми, это было?!

Трэвис увидел, как закачался высокий кустарник. Где-то впереди. Существо направлялась напрямиком к Трэвису.

– Стой! – приказал Трэвис. – Не приближайся!

Существо продолжало идти.

Теперь их разделяло ярдов тридцать, не больше.

Правда, теперь оно шло чуть медленнее. Быть может, чуть осторожнее. И тем не менее неуклонно приближалось.

Золотистый ретривер угрожающе зарычал, в очередной

раз отгоняя преследователя. Судя по сотрясавшей тело пса крупной дрожи, предстоящая схватка его явно страшила.

И это лишило Трэвиса остатков мужества. Ведь ретриверы славились своей смелостью и отвагой. Их специально разводили как охотничьих собак, зачастую используя в рискованных спасательных операциях. Какая опасность и какой противник могли настолько испугать такого сильного, гордого пса?

Тем временем существо в кустах упрямо шло вперед и теперь находилось всего в двадцати футах от них.

И хотя Трэвис пока не увидел ничего необычного, в его душе поселился суеверный страх: стойкое ощущение, что он столкнулся с непонятным, но явно сверхъестественным явлением. Трэвис продолжал уговаривать себя, что он наткнулся на кугуара, что это всего-навсего кугуар, который, возможно, даже больше напуган, чем он сам. Однако ползущее вверх ледяное покалывание в основании позвоночника определенно усилилось. А рука настолько взмокла от пота, что револьвер, казалось, вот-вот выскользнет из ладони.

Пятнадцать футов.

Трэвис сделал предупредительный выстрел в воздух. Звук выстрела разорвал тишину леса и эхом разнесся по длинному каньону.

Ретривер даже глазом не моргнул, однако существо в кустах тотчас же развернулось и побежало вверх по северному склону в сторону внешнего края каньона. Трэвису так и

не удалось увидеть противника, но, судя по раздвигавшимся под мощным напором кустам и бурьяну, тот неся на бешеной скорости.

На секунду-другую Трэвис почувствовал облегчение. Похоже, ему удалось отпугнуть странное существо. Но тут до Трэвиса дошло: оно отнюдь не убегает, а направляется в сторону поворота, чтобы оказаться на оленьей тропе над ними. Отрезав им путь наверх, существо явно пыталось заставить их выбираться из каньона нижней дорогой, где было больше возможностей для внезапной атаки. Трэвис и сам толком не знал, с чего он это взял, но интуиция подсказывала, что все именно так и есть.

Первобытный инстинкт выживания заставлял Трэвиса действовать, не задумываясь о последствиях: он автоматически делал то, что требовала ситуация. Последний раз такая животная уверенность возникла у него лет десять назад в ходе военной операции.

Стараясь держать в поле зрения характерное покачивание кустарника справа от себя, Трэвис бросил рюкзак и, с револьвером в руках, помчался вверх по крутой тропе. Ретривер кинулся следом. Трэвис неся из всех сил, но все же недостаточно быстро, чтобы обогнать неизвестного противника. Поняв, что существо вот-вот достигнет тропы над ними, Трэвис произвел очередной предупредительный выстрел, однако это не испугало противника и не заставило его изменить курс. Тогда Трэвис дважды выстрелил в колышущийся ку-

старник, уже не заботясь о том, что их противником может быть человек, и это сработало. Трэвис не верил, что попал в преследователя, но, похоже, сумел его отпугнуть и тот повернул назад.

Трэвис продолжал бежать. Ему не терпелось поскорее достичь верхней части каньона с чахлыми деревьями и редкими кустами, где солнечный свет разгонял предательские тени.

Когда пару минут спустя Трэвис достиг вершины, то окончательно обессилел. Икроножные мышцы и бедра горели огнем. А сердце так сильно стучало в груди, что казалось, еще немного – и стук этот отразится от другого хребта и эхом вернется через каньон.

И тогда Трэвис решил остановиться и съесть немного печенья. Гремучая змея, гревшаяся на большом плоском камне, исчезла.

Золотистый ретривер последовал за Трэвисом. Пес остановился возле него и, тяжело дыша, смотрел на дно каньона, на склон которого они только что поднялись.

У Трэвиса кружилась голова, ему хотелось спокойно сесть и передохнуть, но он знал: с любой стороны его по-прежнему могла подстеречь опасность. Он посмотрел вниз на тропу, обшарив взглядом окрестный подлесок. Если преследователь не отказался от своих планов, то будет вести себя более осмотрительно и заберется на склон, стараясь не потревожить кусты.

Ретривер заскулил и потянул Трэвиса за штанину. После чего стремглав пересек узкий хребет, остановившись на склоне, по которому можно было спуститься в следующий каньон. Собака явно не верила, что опасность миновала, и не желала оставаться на месте.

Трэвис разделял ее тревогу. Атавистический страх и разбуженные им инстинкты вынудили Трэвиса следовать за ретривером в дальний конец хребта, а оттуда – в другой лесистый каньон.

2

Винсент Наско уже много часов ждал в темном гараже, хотя и не относился к числу тех, кто умеет терпеливо ждать. Он был крупным мужчиной весом более двухсот фунтов, ростом шесть футов три дюйма, с хорошо развитой мускулатурой. В нем скопилось столько кипучей энергии, что, похоже, она в любой момент могла выплеснуться наружу. Его широкое лицо казалось безмятежным и невыразительным, как коровья морда. Однако в горящих зеленых глазах притаились нервная настороженность и странный голод. Такой взгляд характерен для диких животных, например для камышового кота, но не для человека. И подобно камышовому коту, Наско, несмотря на кипучую энергию, был терпелив. Он мог часами подстергать жертву, скрючившись и не шевелясь в абсолютной тишине.

Во вторник, в девять сорок утра, гораздо позже, чем ожидал Наско, врезной замок на двери между гаражом и домом с резким щелчком открылся, и доктор Дэвис Уэзерби, включив свет в гараже, потянулся к кнопке, открывающей секционные ворота.

– Стой, где стоишь! – приказал Наско, выступив из-за жемчужно-серого «кадиллака».

Уэзерби растерянно заморгал:

– Какого черта вы здесь...

Наско поднял «Вальтер Р-38» с глушителем и выстрелил доктору прямо в лицо.

Csssnan!

Уэзерби, прерванный на середине фразы, повалился навзничь, прямо в веселенькую, желтую с белым, прачечную. Падая, он ударился головой о сушильную машину, толкнув металлическую тележку для белья, отчего та врезалась в стенку.

Винсент Наско не стал беспокоиться из-за шума, ведь Уэзерби был не женат и жил один. Наско склонился над телом, заклинившим дверь в прачечную, и ласково положил руку на лицо доктора.

Пуля попала Уэзерби в лоб, оказавшись в дюйме от переносицы. Крови вытекло совсем немного, поскольку смерть оказалась мгновенной, а пуля – недостаточно мощной, чтобы пробить череп. Карие глаза Уэзерби были изумленно распахнуты.

Винс провел пальцами по теплой щеке Уэзерби, погладил его по шее, закрыл безжизненный левый глаз, потом – правый, хотя знал, что посмертная реакция мышц через пару минут снова заставит их открыться. И с чувством глубокой благодарности, которая явственно слышалась в его дрожащем голосе, произнес:

– Благодарю. Благодарю вас, доктор. – Он поцеловал покойника в закрытые глаза. – Благодарю вас.

Трепещущий от удовольствия, Винс поднял с пола оброшенные покойным ключи от автомобиля, вернулся в гараж и открыл багажник «кадиллака», стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Багажник оказался пустым. Отлично! Наско вынес тело Уэзерби из прачечной, засунул в багажник и запер крышку.

Винсу сказали, что тело доктора не должны обнаружить до следующего утра. Наско не знал, почему время имеет такое значение, но очень гордился безукоризненно выполненной работой. Именно поэтому он вернулся в прачечную, поставил на место железную тележку и оглядел комнату в поисках следов преступления. Удовлетворенный, он закрыл дверь желто-белой комнаты и запер ее ключами Уэзерби.

Наско выключил свет в гараже и направился к боковой двери, через которую вошел ночью, спокойно вскрыв хлипкий замок кредитной картой. Винс открыл дверь ключом доктора и вышел из дома.

Дэвис Уэзерби жил в Корона-дель-Мар, на побережье Ти-

хого океана. Винс оставил свой двухлетний «форд-минивэн» в трех кварталах от дома доктора. Обратная дорога к минивэну была приятной, весьма бодрящей. Чудесный район, демонстрирующий разнообразие архитектурных направлений; дорогие виллы в испанском духе соседствовали с сельскими домами в стиле Кейп-Кода. Все выглядело настолько гармоничным, что казалось нереальным. Пышная ухоженная растительность. Пальмы, фикусы, оливковые деревья затеняли боковые дорожки. Красные, коралловые, желтые бугенвиллеи ослепляли тысячью ярких соцветий. Миртовые деревья были в цвету. Ветви жакаранды сгибались под тяжестью собранных в кисти кружевных сиреневых лепестков. Воздух был напоен ароматом жасмина. Винсент Наско чувствовал себя замечательно. Таким сильным, таким могущественным, таким живым.

3

Иногда впереди бежал ретривер, иногда лидерство брал на себя Трэвис. Они прошли долгий путь, прежде чем Трэвис наконец понял, что полностью избавился от безысходности и безнадежного одиночества, которые и привели его в предгорья Санта-Аны.

Большой лохматый пес не отставал от Трэвиса, пока тот шел к пикапу, припаркованному на грязной проселочной дороге под разлапистыми ветвями гигантской ели. Остановив-

шись у пикапа, ретривер оглянулся.

В безоблачном небе у них за спиной пикировали черные дрозды, будто производя разведку для живущего в горах чародея. Темная стена деревьев возвышалась вдали, подобно крепостному валу мрачного замка.

Но если лес окутывал мрак, то грязная дорога, на которую ступил Трэвис, купалась в лучах солнца. Пропеченная до светло-коричневого цвета, она была окутана тонким слоем пыли, легким облаком поднимавшейся вокруг башмаков для хайкинга. Трэвис не понимал, как такой яркий день могло наполнить столь всепоглощающее, столь осязаемое ощущение зла.

Внимательно посмотрев на лес, из которого они только что вышли, пес залаял, впервые за полчаса.

– Оно все еще следует за нами? – спросил Трэвис.

Собака бросила на Трэвиса печальный взгляд и заскулила.

– Да, – сказал Трэвис. – Я тоже это чувствую. Но что все это значит, малыш? А? Что, черт возьми, это было?!

Ретривер снова затрясся.

И это лишь усилило охватившее Трэвиса чувство страха.

– Залезай! – Трэвис откинул задний борт пикапа. – Я увезу тебя отсюда.

Пес запрыгнул в кузов пикапа.

Трэвис закрыл задний борт и обошел машину. Когда он открыл левую дверь, ему почудилось какое-то движение в ближайших кустах. Но не со стороны леса, а в дальнем конце

дороги. Там находилось узкое поле, поросшее сухой, как сено, бурой травой по пояс, колючими мескитовыми деревьями и раскидистыми кустами олеандра – зелеными благодаря глубоко ушедшим в землю корням. Когда Трэвис посмотрел на поле, все вроде было спокойно, но зрение явно не обманывало Трэвиса, и качнувшиеся ветки ему не померещились.

Подгоняемый вновь обострившимся чувством тревоги, Трэвис сел в пикап, положив револьвер возле себя на сиденье. И на максимальной скорости рванул прочь по ухабистой дороге с четвероногим пассажиром в багажном отделении.

Двадцать минут спустя, когда Трэвис остановился на шоссе, ведущем в Сантьяго-Каньон, возвратившись в мир асфальтового покрытия и цивилизации, он по-прежнему чувствовал слабость и внутреннюю дрожь. Однако засевший в нем страх несколько отличался от охватившего его в лесу ужаса. Сердце больше не выбивало барабанную дробь. Холодный пот на лбу и ладонях успел высохнуть. Неприятное покалывание в районе шеи и затылка прошло, хотя, возможно, все это было лишь плодом больного воображения. Трэвиса пугало не какое-то неизвестное существо, а свое странное поведение. Благополучно выбравшись из леса, он сразу забыл охвативший его ужас, а потому собственные действия казались ему иррациональными.

Он потянул за ручник и остановил пикап. Было одиннадцать часов, утренний час пик давно миновал, и разве что случайный автомобиль мог проехать по двухполосному при-

городному шоссе. Трэвис с минуту сидел с выключенным двигателем, пытаясь убедить себя, что инстинкты его не обманули.

Трэвис всегда гордился своим непоколебимым самообладанием и трезвым прагматизмом. Уж в чем в чем, а в этих качествах он не сомневался. Он мог сохранять хладнокровие даже посреди бушующего огня. Мог принимать трудные решения под давлением и отвечать за последствия.

И тем не менее он не мог заставить себя поверить, что в лесу его преследовало нечто сверхъестественное. А что, если он не так истолковал поведение собаки и лишь вообразил движение в кустах, чтобы найти предлог перестать упиваться жалостью к себе?

Он вылез из пикапа и подошел к открытому кузову, где стоял ретривер. Ткнувшись в Трэвиса лохматой головой, пес лизнул его в шею и подбородок. Ретривер, который там, в горах, отчаянно лаял и кусался, оказался на редкость дружелюбным животным, но вот только уморительно грязным. Трэвис попытался отстранить от себя пса. Однако тот рвался вперед и в своем стремлении лизнуть Трэвиса в лицо едва не вывалился из кузова. Трэвис рассмеялся и погладил собаку по спутанной шерсти.

Игривость ретривера и его отчаянно виляющий хвост оказали на Трэвиса неожиданное воздействие. Долгое время его разум блуждал в потемках, а в голове бродили мысли о смерти, кульминацией чего и стал сегодняшний поход в горы.

Однако нескрываемая радость пса по поводу их счастливого спасения стала лучом света, рассеявшим мрак в душе Трэвиса и напомнившим ему о светлой стороне жизни, о чем он, похоже, давным-давно забыл.

— Так что ж это все-таки было? — продолжил гадать Трэвис.

Ретривер перестал лизать ему лицо и понуро поджал свалывшийся хвост, после чего внимательно посмотрел на Трэвиса, пронзив его взглядом умных карих глаз. В этих глазах было нечто особенное, интригующее. Трэвис будто оказался под действием гипнотических чар, впрочем, так же как и ретривер. Тем временем с юга подул легкий весенний ветерок, а Трэвис все продолжал вглядываться в глаза пса, пытаясь объяснить природу таящейся в них силы и притягательности, но ничего необычного не увидел. Разве что... глаза эти казались более выразительными, чем обычно бывает у собак, более умными и осмысленными. А если учесть, что большинство собак не умеют долго смотреть в одну точку, немигающий взгляд ретривера казался чертовски странным. Секунда сменяла другую, а ретривер по-прежнему не отводил глаз, и Трэвис все больше убеждался в своей правоте. У него по спине снова поползли мурашки, но не от страха, а от осознания того, что происходит нечто сверхъестественное и он стоит на пороге поразительного открытия.

А потом собака потрясла головой, лизнув Трэвису руку, и чары рассеялись.

– Откуда ты взялся, малыш?

Собака наклонила голову влево.

– Кто твой хозяин?

Собака наклонила голову вправо.

– Что мне с тобой делать?

И будто в ответ на вопрос Трэвиса ретривер перепрыгнул через задний борт пикапа, подбежал к двери со стороны водителя и залез в кабину.

Трэвис заглянул внутрь. Пес лежал на пассажирском сиденье, глядя прямо перед собой в ветровое стекло, затем повернулся к Трэвису и тихонько гавкнул, словно приглашая поскорее тронуться в путь.

Сунув револьвер под сиденье, Трэвис сел за руль:

– Не надейся, что я буду о тебе заботиться. Слишком большая ответственность, приятель. Это не входит в мои планы. Прости.

Ретривер бросил на Трэвиса просительный взгляд.

– Похоже, ты проголодался, малыш.

Пес снова тихонько гавкнул.

– Ладно, пожалуй, тут я могу тебе помочь. Думаю, в бардачке найдется арахисовый батончик... и неподалеку есть «Макдоналдс», где можно получить парочку гамбургеров. Но потом... мне придется тебя или отпустить, или отвезти в приют для животных.

И пока Трэвис говорил, собака подняла переднюю лапу и нажала подушечкой на кнопку бардачка. Крышка открылась.

– Какого черта!..

Ретривер наклонился вперед, сунул морду в открытый бардачок и вытащил зубами арахисовый батончик, даже не повредив обертку.

Трэвис растерянно заморгал.

Пес протянул ему батончик, словно предлагая его развернуть.

Не в силах прийти в себя от изумления, Трэвис взял батончик и снял обертку.

Ретривер, облизываясь, внимательно за ним наблюдал.

Разломав батончик, Трэвис раскрошил его на мелкие кусочки. Собака с благодарностью приняла угощение, почти элегантно съев все до крошки.

Трэвис в некотором смятении наблюдал за происходящим, не понимая, как отнестись к увиденному. Было ли это чем-то из ряда вон выходящим или все-таки имело разумное объяснение? Неужели собака действительно его поняла, когда он сказал про батончик в бардачке? Или просто учуяла запах арахиса? Нет, скорее всего, последнее.

И, уже обращаясь к ретриверу, Трэвис спросил:

– Но как ты узнал, что нужно нажать на кнопку, чтобы открыть крышку?

Тот внимательно посмотрел на Трэвиса, слизнул крошки и принял очередную порцию лакомства.

– Хорошо-хорошо, – сказал Трэвис. – Может, тебя обучили этому трюку. Хотя собак обычно учат совсем другому.

Повалиться, притвориться мертвым, спеть, чтобы получить ужин, походить на задних лапах, на худой конец... да, вот этому точно учат собак... но уж конечно, не открывать замки и задвижки.

Ретривер с вожделием посмотрел на последний кусочек лакомства, однако Трэвис на секунду отвел руку.

И все же, Господь свидетель, совпадение по времени было совершенно необъяснимым! Ведь буквально через две секунды, как он, Трэвис, упомянул о батончике, пес полез за ним в бардачок.

– Неужели ты понял, что я сказал? – Трэвис чувствовал себя на редкость глупо. Только круглому идиоту могло прийти в голову, что собака обладает языковыми навыками! И все же он повторил вопрос: – Неужели? Неужели ты понял?

Ретривер неохотно оторвал глаза от последнего куса батончика. Их взгляды встретились. И Трэвис в очередной раз почувствовал, что здесь происходит нечто сверхъестественное. Он поежился, но уже без мурашек по спине, и, поколебавшись, спросил:

– Э-э-э... Не возражаешь, если я съем последний кусок?

Пес покосился на два маленьких квадратика батончика в руке Трэвиса и, с сожалением фыркнув, уставился в ветровое стекло.

– Будь я проклят! – воскликнул Трэвис.

Ретривер зевнул.

Тогда Трэвис, стараясь не шевелить рукой, чтобы не при-

влекать внимания пса к лакомству, сказал:

– Ладно, если хочешь, бери. Или я сейчас это выброшу.

Переместившись на сиденье, ретривер прижался к Трэвису и аккуратно слизнул угощение.

– Будь я вдвойне проклят! – воскликнул Трэвис.

Ретривер встал на все четыре лапы, почти коснувшись головой потолка, и посмотрел в заднее окно.

Затем тихо зарычал.

Трэвис взглянул в зеркало заднего вида, но вроде ничего необычного не заметил. Лишь двухполосная асфальтовая дорога с узкой разделительной линией и заросший репейником горный склон справа от них.

– Думаешь, нам пора ехать дальше? Да?

Собака посмотрела на Трэвиса, покосилась в окно, потом села, вытянув в сторону задние ноги, и снова уставилась в ветровое стекло.

Трэвис завел мотор, включил передачу и, вырулив на шоссе, ведущее в Сантьяго-Каньон, направился на север. После чего, бросив взгляд на своего компаньона, сказал:

– Ты действительно не так прост, как кажется... или у меня просто крыша поехала? А если ты не так прост, как кажешься... то кто же ты такой, черт тебя подери?!

В конце сельской Чапман-авеню Трэвис повернул на запад в сторону «Макдоналдса», о котором говорил.

– Нет, пожалуй, я не могу тебя отпустить или отдать в собачий приют, – сказал он и через минуту добавил: – Если я с

тобой расстанусь, то умру от любопытства, гадая, кто ты такой. – Трэвис проехал еще две мили и, свернув на парковку перед «Макдоналдсом», произнес: – Итак, полагаю, теперь ты моя собака.

Ретривер не ответил.

Глава 2

1

Нора Девон боялась телемастера. И хотя на вид ему было около тридцати (столько же, сколько и Норе), он отличался агрессивной самоуверенностью нахального подростка. Нора открыла ему дверь, и он, представившись: «Арт Стрек, „Уодлоу ТВ“», – бесстыже оглядел ее с головы до ног, а когда их глаза снова встретились, подмигнул. Он был высоким, стройным, подтянутым. Одет в белые форменные слаксы и футболку. Чисто выбрит. Коротко стриженные русые волосы аккуратно причесаны. С виду обыкновенный парень, отнюдь не насильник или психопат, и тем не менее Нора испугалась, возможно, потому, что его наглость и самоуверенность явно не вязались с такой правильной внешностью.

– Профессиональное обслуживание. Мастера вызывали? – спросил он, когда Нора замялась на пороге.

И хотя вопрос вроде бы звучал вполне невинно, ударение, сделанное на слове «обслуживание», показалось Норе гадким и двусмысленным. Нора была уверена, что интуиция ее не обманывает. Но как ни крути, она сама вызвала мастера из «Уодлоу ТВ» и теперь не могла без объяснений дать ему от ворот поворот. Объяснения наверняка выльются в разборки,

а поскольку Нора не любила скандалы, то впустила Стрека в дом.

Пока Нора вела Стрека по широкому прохладному коридору к арочному входу в гостиную, девушку не оставляло неприятное чувство, что ухоженный вид и широкая улыбка телемастера были всего лишь элементами хорошо продуманной маскировки. В нем чувствовалось скрытое напряжение приготовившегося к прыжку зверя, и чем дальше Нора уходила от входной двери, тем тревожнее становилось у нее на душе. Арт Стрек шел за Норой практически след в след, буквально нависая над ней.

– У вас чудесный дом, миссис Девон. Очень милый. Мне нравится, – произнес он.

– Спасибо.

Парень явно ошибся в оценке ее семейного положения, но Нора не стала его поправлять.

– То, что нужно для мужчины. Да-да, именно то, что нужно для мужчины.

Дом был построен в том архитектурном стиле, который иногда называют испанским колониальным стилем старой Санта-Барбары: двухэтажный, кремовая штукатурка на стенах, красная черепичная крыша, веранды, балконы, закругленные линии вместо прямых углов. Роскошная бугенвиллея с гроздьями красных соцветий увивала северный фасад здания. Дом был очень красивым.

Нора его ненавидела.

Она жила здесь с двухлетнего возраста, то есть уже двадцать восемь лет, и в течение всего этого времени, за исключением последнего года, Нора подчинялась железной воле своей тети Виолетты. У Норы не было ни счастливого детства, ни счастливой жизни вплоть до настоящего времени. Виолетта Девон умерла год назад. Но если честно, тетка по-прежнему подавляла Нору. Воспоминания об этой злобной старухе наводили на девушку ужас и буквально душили.

В гостиной Стрек положил набор инструментов возле телевизора «Магнавокс» и, сделав паузу, огляделся по сторонам. Убранство комнаты его явно удивило.

Темные, похоронные обои в цветочек. Персидский ковер крайне непривлекательного вида. Цветовую гамму, состоящую из серого, красно-коричневого и темно-синего оживляли лишь бледно-желтые мазки. Тяжелая английская мебель середины XIX века, украшенная богатой резьбой, покоилась на когтистых лапах: массивные кресла, скамеечки для ног, шкафы, подходящие разве что для доктора Калигари, серванты, на вид каждый весом не меньше полтонны. Маленькие столики задрапированы тяжелой парчой. Оловянные лампы с бледно-серыми абажурами или на красно-коричневом керамическом основании, и все как одна тусклые. Портьеры казались тяжелыми, точно свинец; пожелтевший от времени тюль на окнах пропускал в комнату разве что коричневые брызги солнечного света. Все это явно не делало чести испанской архитектуре; Виолетта умышленно наложи-

ла печать своего чудовищного вкуса на этот элегантный дом.

– Вы сами занимались обстановкой? – поинтересовался Арт Стрек.

– Нет. Моя тетя. – Нора стояла возле мраморного камина, чтобы по возможности быть как можно дальше от Стрека, не покидая при этом комнату. – Дом принадлежал ей. Мне... он достался по наследству.

– На вашем месте я бы убрал отсюда старое барахло. Комнату вполне можно сделать более яркой и жизнерадостной. Простите за откровенность, но это все не ваше. Годится скорее для какой-нибудь незамужней тетушки... Она ведь и была незамужней тетушкой, да? Я так и подумал. Может, это и подходит высохшей старой деве, но определенно не такой симпатичной леди, как вы.

Норе хотелось одернуть его, сказать, чтобы заткнулся и начал чинить телевизор, но она совершенно не умела за себя постоять. Тетя Виолетта предпочитала видеть ее кроткой и покорной.

Стрек улыбался. Правый уголок его рта неприятно изогнулся. Почти в издевательской ухмылке.

– Меня вполне устраивает, – заставила себя сказать Нора.

– Неужели?

– Да.

Стрек пожал плечами:

– А что случилось с вашим телевизором?

– Картинка постоянно прыгает. И на экране помехи и снег.

Он отодвинул телевизор от стены, включил, всмотрелся в искаженное статикой прыгающее изображение. Вставил в розетку маленькую переносную лампу и повесил на заднюю стенку телевизора.

Старинные напольные часы в холле пробили четверть часа отрывистым ударом, глухо разнесшимся по всему дому.

– Вы часто смотрите телевизор? – спросил Стрек, открывая заднюю стенку.

– Да нет, не слишком, – ответила Нора.

– А я люблю вечерние телесериалы. «Даллас», «Династию» и все такое.

– Я их вообще не смотрю.

– Правда? Ой да бросьте! Спорим, что смотрите! – Он игриво рассмеялся. – Их все смотрят, даже если и не хотят в этом признаваться. Разве есть хоть что-нибудь более интересное, чем истории о предательстве, коварных замыслах, воровстве, лжи... и супружеских изменах. Понимаете, о чем я? Люди сидят, и смотрят, и цокают языком, и говорят: «Ой, какой ужас!», но реально возбуждаются от всего этого. Такова человеческая натура.

– Я... У меня дела на кухне, – нервно произнесла Нора. – Позовете, когда почините телевизор.

Покинув гостиную, она прошла по коридору и дальше через распашную дверь на кухню.

Нору трясло. Она презирала себя за слабость, за ту легкость, с которой поддавалась страху, но ничего не могла с

собой подделать.

Мышка.

Тетя Виолетта частенько говорила: «Девочка, в мире есть две породы людей: кошки и мышки. Кошки гуляют, где хотят, делают, что хотят, берут, что хотят. Кошки агрессивны и самодостаточны от природы. В мышках, наоборот, нет ни капли агрессии. Они ранимые, мягкие, робкие. Любят ходить с опущенной головой и принимают все, что дает им жизнь. Ты, моя дорогая, – типичная мышка. Что совсем неплохо. Ты можешь быть абсолютно счастлива. Возможно, у мышки не такая яркая жизнь, как у кошки, но если она спрячется в своей норке и не будет высовываться, то проживет гораздо дольше, чем кошка, и треволнений на ее веку будет куда меньше».

И вот прямо сейчас в гостиной притаилась кошка, чинившая телевизор, а Нора, трясаясь, как мышка, сидела на кухне. Вопреки тому, что Нора сказала Стреку, у нее не было никаких дел на кухне. Секунду-другую Нора постояла возле раковины, стиснув холодные руки – у нее почему-то всегда были холодные руки, – раздумывая, чем бы заняться, чтобы убить время до ухода телемастера. И решила испечь кекс. Желтый кекс в шоколадной глазури. Стряпня поможет сосредоточиться и отвлечься от мыслей о грязном подмигивании Стрека.

Нора достала из кухонных шкафов миски, кухонные принадлежности и электрический миксер, а также смесь для

кекса и другие ингредиенты, после чего принялась за дело. И вскоре обычная домашняя работа успокоила ее воспаленные нервы.

Не успела она налить жидкое тесто в две формы для выпечки, как в кухню вошел Стрек:

– Вы любите готовить?

Застигнутая врасплох, Нора едва не уронила миску от миксера и испачканную тестом лопатку. Но каким-то чудом сумела удержать их в руках и с едва заметным позвякиванием, выдававшим ее волнение, положить в раковину.

– Да, я люблю готовить.

– Надо же, как мило! Преклоняюсь перед женщинами, которые любят домашнее хозяйство! Скажите, вы шьете, вяжете, вышиваете или типа того?

– Вышиваю гарусом по канве.

– Это еще круче.

– Вы починили телевизор?

– Почти.

Нора уже могла поставить кекс в духовку, но не хотела нести формы для выпечки на глазах у Стрека, опасаясь, что у нее будут слишком явно трястись руки. Ведь тогда он наверняка поймет, что Нора его боится, и, возможно, еще больше обнаглеет. В результате она оставила формы на кухонном прилавке и открыла коробку со смесью для глазури.

Стрек прошел дальше на кухню. Движения его были уверенными, почти расслабленными. Он озирался вокруг с дру-

желобной улыбкой, но направлялся прямиком к Норе:

– А можно мне стаканчик воды?

Нора была готова вздохнуть с облегчением. Ей хотелось верить, что Стрек появился на кухню всего-навсего за глотком холодной воды.

– О да, конечно.

Она достала из шкафа стакан, наполнила его холодной водой и повернулась, чтобы отдать стакан Стреку. Он стоял прямо у нее за спиной, подкравшись тихонько, как кошка. Нора невольно вздрогнула. Вода выплеснулась из стакана и растеклась по полу.

– Вы... – начала Нора.

– Вот. – Стрек взял у нее из рук стакан.

– ...меня напугали.

– Я? – улыбнулся он, пристально посмотрев на нее холодными голубыми глазами. – Ой, простите, я не нарочно. Миссис Девон, я не кусаюсь. Честное слово. Я только хотел попить воды. Вы ведь не думаете, будто я хотел чего-то еще... Да?

Наглости ему было не занимать. Нора поверить не могла, что бывают такие нахальные типы. Дерзкие, хладнокровные и агрессивные. У Норы чесались руки дать ему пощечину, но было даже страшно подумать, что может случиться потом. Дав ему пощечину, она распишется в том, что поняла его двусмысленные намеки и прочие оскорбления, а это, скорее всего, лишь еще больше его распалит.

Стрек не сводил с нее пристального плотоядного взгляда. На его губах играла хищная улыбка.

Нора интуитивно почувствовала, что лучший способ справиться с наглцом – изобразить святую простоту и полную тупоголовость, не обращать внимания на его грязные намеки, притворившись, будто она их не понимает. Коро-че говоря, она должна вести себя с ним так, как ведет себя мышка в случае неминуемой опасности. Нужно притвориться, будто ты не видишь кошку, притвориться, будто никакой кошки нет и в помине, и тогда кошка, обескураженная отсутствием реакции, отправится на поиски более податливой жертвы.

Чтобы вырваться из плена его настойчивого взгляда, Нора взяла пару бумажных полотенец и начала вытирать разлитую на полу воду. Не успела она встать на четвереньки, как тот-час же поняла, что совершила непростительную ошибку, по-скольку Стрек не посторонился, а продолжал над ней нависать. Ситуация моментально наполнилась эротическим под-текстом. Когда до Норы дошло, что унижительная поза у ног Стрека явно символизирует покорность, она проворно вско-чила и увидела, что его улыбка стала еще шире.

Раскрасневшаяся и запыхавшаяся, Нора суетливо бросила сырые полотенца в мусорное ведро.

Арт Стрек задумчиво произнес:

– И готовит, и вышивает по канве... Хм, по-моему, это очень мило, очень мило. А что еще вы любите делать?

– Боюсь, на этом все, – ответила Нора. – У меня нет никаких необычных увлечений. Я не слишком-то интересная личность. Самая заурядная. Даже скучная.

Проклиная себя за то, что не в состоянии выставить нахального ублюдка из дома, Нора проскользнула мимо Стрека и подошла к плите якобы проверить, нагрелась ли духовка, хотя на самом деле ей просто нужно было отойти от него подальше.

Но он пошел следом, держась на минимально близком расстоянии:

– Когда я парковался у вашего дома, то заметил много цветов. Вы увлекаетесь цветоводством?

Нора уставилась на таймер духовки:

– Да... я люблю садоводство.

– Целиком и полностью одобряю, – произнес Стрек так, словно для Норы имело значение, одобряет он ее или нет. – Цветы... Прекрасное занятие для женщины. Стряпня, вышивание, садоводство... Ух ты, сколько у вас чисто женских талантов! Могу поспорить, вы все делаете очень хорошо, миссис Девон. Я имею в виду все, что должна делать женщина. Могу поспорить, вы по всем параметрам высший класс!

Если он до меня дотронется, я закричу, подумала Нора.

Однако стены старого дома были толстыми, а соседи жили на приличном расстоянии. Никто ее не услышит и не придет на помощь.

Я ударю его ногой, подумала Нора. Я буду драться.

Хотя на самом деле она сомневалась, что будет драться, сомневалась, что у нее хватит на это пороку. И даже если она попытается себя защитить, он был гораздо крупнее и сильнее ее.

– Ага, могу поспорить, вы по всем параметрам высший класс, – повторил Стрек уже с явным подтекстом.

Отвернувшись от духовки, Нора натужно рассмеялась:

– Мой муж наверняка удивился бы, услышав такое. Да, я неплохо готовлю кексы, хотя так и не научилась выпекать коржи, ну а еще всегда пересушиваю тушеное мясо. Вышиваю я вполне сносно, но у меня уходит целая вечность, чтобы закончить работу. – Проскользнув мимо Стрека, Нора подошла к прилавку и, открывая пакет с глазировкой, продолжила весело щебетать, чего сама от себя не ожидала; отчаяние сделало ее говорливой. – Да, я знаю толк в садоводстве, но вот домашняя хозяйка из меня не ах. Если бы не помощь мужа, этот дом превратился бы в настоящий хламовник.

Нора подумала, что все это звучит несколько фальшиво. Она уловила истерические нотки в своем голосе, чего не мог не заметить Стрек. И тем не менее упоминание мужа наверняка заставило Арта Стрека хорошенько подумать, прежде чем идти напролом. Пока Нора насыпала смесь в миску и отмеряла нужное количество масла, Стрек уже успел выпить налитую ему воду. Он подошел к раковине и положил стакан к грязным мискам и кухонным принадлежностям. На сей раз он не стал без нужды подходить слишком близко.

– Ладно, пожалуй, пора вернуться к работе, – бросил он.

Нора наградила его хорошо продуманной рассеянной улыбкой и молча кивнула. После чего, словно ни в чем не бывало, продолжила заниматься своими делами, тихонько напевая себе под нос.

Стрек пересек кухню, толкнул распашную дверь, но на пороге остановился:

– Ваша тетя любила темные цвета, да? Эта кухня будет просто шикарной, если сделать ее чуть ярче.

И прежде чем Нора успела ответить, он вышел из кухни, позволив распашной двери за ним закрыться.

Стрек, несмотря на бестактное высказывание по поводу кухни, явно пошел на попятный, и Нора была собой очень довольна. Пустив в ход безобидную ложь насчет несуществующего мужа, причем сделав это с завидным самообладанием, она как-никак, но осадил нахала. Конечно, кошка справилась бы с агрессором несколько иначе, но и на поведение испуганной робкой мышки это тоже не походило.

Нора оглядела теткину кухню с высокими потолками и решила, что здесь действительно слишком темно. Стены были грязно-синего цвета. Матовые шары потолочных светильников испускали тусклое холодное сияние. И Нора решила, что, после того как перекрасит кухню, непременно сменит светильники. Мысль о кардинальных переменах в доме Виолетты кружила голову, воодушевляла. После смерти тетки Нора переделала свою спальню и на этом остановилась. И

теперь, обдумывая возможность капитального ремонта и новой отделки, она ощущала себя ужасно дерзкой и непокорной. Быть может. Быть может, она сумеет. Если она сумеет осадить Стрека, то, возможно, сумеет набраться смелости и сразиться с тенью покойной тетки.

Оптимистичное, победное настроение сохранялось двадцать минут, за которые Нора успела поставить формы с кексом в духовку, взбить глазурь и вымыть грязную посуду. Но потом появился Стрек, который сообщил, что телевизор починен, и дал подписать счет. И хотя из кухни он выходил с несколько пришибленным видом, сейчас к нему явно вернулась прежняя самоуверенность. Он оглядел Нору с головы до ног, мысленно раздевая, а когда их глаза встретились, смерил ее вызывающим взглядом.

Счет был явно завышен, однако Нора не стала спорить, поскольку ей не терпелось поскорее выпроводить Стрека. Она села за кухонный стол выписать чек, и Стрек снова выкинул привычный номер, встав слишком близко к ней, чтобы подавить ее своей мужественностью и габаритами. А когда Нора встала, чтобы вручить чек, Стрек исхитрился взять его так, чтобы многозначительно коснуться ее руки.

Пока Нора шла по коридору, она все время ждала, что он вот-вот бросит на пол инструменты и накинется на нее сзади. Однако она благополучно добралась до двери, и Стрек вышел на веранду. У Норы немного отлегло от сердца.

Но уже на ступеньках Стрек вдруг остановился:

– А чем занимается ваш муж?

Ей следовало сказать, что это не его собачье дело, но она все еще боялась. Она чувствовала, что Стрека легко вывести из себя и его сдерживаемая жестокость может в любую минуту выплеснуться наружу. Поэтому Нора выдала очередную ложь, ту, которая, возможно, раз и навсегда отобьет у Стрека охоту ее домогаться.

– Он... полицейский.

Стрек удивленно приподнял брови:

– Да неужели? Здесь, в Санта-Барбаре?

– Совершенно верно.

– Ничего себе дома у полицейских!

– Простите? – не поняла Нора.

– Вот уже не думал, что в полиции так хорошо платят.

– Но ведь я уже говорила вам, что этот дом получила в наследство от тети.

– Конечно. Теперь вспомнил. Вы мне уже говорили. Все верно.

И чтобы сделать свою ложь более достоверной, Нора сказала:

– Мы переехали сюда после смерти тети, а до этого жили в квартире. Вы совершенно правы. Иначе мы никогда не могли бы позволить себе такой дом.

– Что ж, рад за вас. Очень рад. Такая красивая леди, как вы, заслуживает красивый дом.

Стрек прикоснулся к тулье воображаемой шляпы, под-

мигнул и пошел по дорожке в сторону улицы, где у тротуара был припаркован его белый минивэн.

Заперев дверь, Нора решила проследить за ним через прозрачный сегмент овального витражного стекла в центре двери. Стрек оглянулся и, заметив Нору, помахал ей рукой. Нора попятилась в темный коридор, продолжив с безопасного расстояния незаметно наблюдать за Стреком.

Конечно, он ей не поверил. Он знал, что никакого мужа у нее нет. И видит бог, Норе не следовало говорить, что она замужем за полицейским. Слишком явная попытка втереть очки. Нужно было сказать, что она замужем за сантехником, доктором, да за кем угодно, только не за копом. Ладно, так или иначе, Арт Стрек уже уезжает. Он в курсе, что она лжет, но все равно уезжает.

Она не почувствовала себя в безопасности, пока минивэн не скрылся из виду.

Но даже и тогда она не почувствовала себя в безопасности.

2

Убив доктора Дэвиса Уэзерби, Винс Наско отогнал свой серый «форд» к станции техобслуживания на Тихоокеанском прибрежном шоссе. Затем, опустив монетки, позвонил из телефонной будки по лос-анджелесскому номеру, который давным-давно выучил наизусть.

Ответил какой-то мужчина. Он повторил набранный Винсом номер. Это был один из трех голосов, обычно отвечающих на звонки, мягкий, с глубоким тембром. Хотя чаще трубку снимал другой человек, с резким металлическим голосом, действующим Винсу на нервы.

Изредка трубку снимала женщина с очень сексуальным голосом, грудным и в то же время девичьим. Винс никогда ее не видел, но часто пытался представить себе, как она выглядит.

Сейчас, когда мужчина с мягким голосом повторил номер, Винс сказал:

– Дело сделано. Я высоко ценю ваши звонки и всегда к вашим услугам, если для меня есть работа.

Винс не сомневался, что парень на другом конце линии тоже узнал его голос.

– Я рад слышать, что все прошло хорошо. Мы тоже высоко ценим ваше мастерство. А теперь запомните это. – Мужчина назвал семизначный телефонный номер. Винс удивился, но повторил номер. После чего мужчина продолжил: – Это номер одного из таксофонов торгового центра «Фэшн-Айленд». Открытая прогулочная зона возле универмага «Робинсон». Вы можете там быть через пятнадцать минут?

– Конечно, – ответил Винс. – Через десять.

– Позвоню вам через пятнадцать минут с подробной информацией.

Винс повесил трубку и, насвистывая, вернулся к мини-

вэну. То, что его отправили к другому таксофону за подробной информацией, могло означать только одно: у них уже была для него работа. Вторая за один день!

3

Уже позже, когда кекс был испечен и покрыт глазурью, Нора вернулась в свою спальню в юго-западном углу на втором этаже.

При жизни Виолетты Девон комната эта служила Норе убежищем, несмотря на отсутствие замка в двери. Как и все остальные комнаты в огромном доме, спальня Норы была заставлена громоздкой мебелью, словно это был не жилой дом, а самый настоящий склад. Впрочем, и элементы декора оставляли желать лучшего. И все же, закончив с домашними делами или прослушав очередную занудную теткинину лекцию, Нора пряталась в своей спальне, чтобы убежать от реальности с помощью книг или грез наяву.

Виолетта постоянно устраивала неожиданные инспекции. Она беззвучно прокрадывалась по коридору и резко распахивала незапертую дверь, надеясь застукать племянницу за запрещенным развлечением или постыдным занятием. Подобные внезапные проверки были неотъемлемой частью детства и отрочества Норы. Правда, потом они случались все реже, хотя и продолжались до последних недель жизни Виолетты, когда Нора уже была взрослой женщиной двадцати де-

вяти лет. Поскольку Виолетта предпочитала темные платья, волосы затягивала в тугий узел, а на ее бледном худом лице с острыми чертами не было ни капли косметики, то она больше походила на мужчину – этакий суровый монах в грубой покаянной рубаше, рыскающий в коридорах мрачной средневековой обители для надзора за поведением монашеской братии.

Обнаружив, что Нора спит или предается мечтаниям, Виолетта строго отчитывала племянницу и наказывала тяжелой работой. Тетка не поощряла праздности и лени.

Впрочем, книги были разрешены, но только одобренные Виолеттой, потому что книги в первую очередь давали знания. Кроме того, как любила говорить Виолетта: «Заурядные невзрачные женщины вроде нас с тобой никогда не будут вести гламурную жизнь, никогда не поедут в экзотические места. Поэтому книги представляют для нас особую ценность. Через книги мы можем испытать практически все, что испытывают другие. И это неплохо. Жить в мире книг даже лучше, чем иметь друзей и знать... мужчин».

С помощью сговорчивого семейного врача Виолетта освободила Нору от занятий в школе под предлогом слабого здоровья. Нора получила домашнее образование, так что книги действительно были для нее единственным окном в жизнь.

К тридцати годам Нора не только успела прочесть тысячи книг, но и сама освоила живопись маслом, акрилом, акварелью и карандашом. Рисование и живопись относились к чис-

лу одобренных тетей Виолеттой увлечений. Искусство стало для Нору одиночным плаванием, помогавшим забыть о большом мире за стенами мрачного дома и избежать контакта с людьми, которые непременно оттолкнут, обидят и расстроят ее.

В одном углу спальни стояли чертежная доска, мольберт и шкафчик для художественных принадлежностей. Свободное пространство для миниатюрной мастерской было получено за счет сдвигания имеющейся мебели, ни один предмет из которой не был убран, в результате чего стены начали давить, вызывая клаустрофобию.

И все эти годы, особенно ночью, но иногда и в разгар дня, Нору не покидало ощущение, что пол ее спальни вот-вот обвалится под тяжестью громоздкой мебели и она, Нора, рухнет в нижнее помещение и погибнет, раздавленная своей массивной кроватью с балдахином. Когда девушку одолевали подобные страхи, она выбегала на задний двор и сидела там, скрестив руки на груди, чтобы унять дрожь. И лишь в двадцать пять лет Нора поняла, что панические атаки возникают не из-за заставленной мебелью комнаты и мрачного оформления дома, а из-за деспотизма тети Виолетты.

И вот четыре месяца назад, через восемь месяцев после смерти тети Виолетты, одним субботним утром Нору вдруг охватило острое желание перемен, и она начала лихорадочную перестановку в своей спальне-мастерской. Нора вытащила в коридор все относительно мелкие предметы обста-

новки, равномерно распределив их по оставшимся пяти загроможденным комнатам на втором этаже. Более тяжелые вещи предстояло разобрать и унести по частям, но в конце концов Норе удалось ликвидировать практически все. Она оставила лишь кровать с балдахином, прикроватную тумбочку, кресло, чертежную доску и табурет, шкафчик с художественными принадлежностями и мольберт. Короче, только то, что было нужно. Затем она содрала обои.

В течение всего этого головокружительного уик-энда Нора чувствовала себя так, будто произошла революция и с прежней жизнью навсегда покончено. Но к тому времени, как она переделала спальню, ее мятежный дух испарился, и остальные комнаты она трогать не стала.

Правда, теперь хотя бы одно место в доме стало ярким, почти жизнерадостным. Стены были выкрашены бледно-желтой краской. Шторы исчезли, их сменили жалюзи фирмы «Леволор» под цвет стен. Нора скатала унылый ковер и натерла красивый дубовый пол.

Теперь это стало убежищем в полном смысле слова. Стоило Норе войти в дверь спальни и увидеть результаты своих трудов, у нее неизменно поднималось настроение, а все проблемы временно отступали.

После жуткого столкновения со Стреком яркая комната подействовала на Нору успокаивающе, впрочем, как и всегда. Нора села за чертежную доску и принялась за карандашный набросок для картины маслом, идею которой уже давно

вынашивала. Поначалу у Норы тряслись руки, ей приходилось то и дело останавливаться, чтобы собраться и продолжить рисование, но со временем страх потихоньку улегся.

Во время работы она даже набралась мужества вспомнить о Стреке и представить, как далеко он мог бы зайти, не сумей она выставить его из дома. У Норы невольно возник вопрос: соответствовал ли пессимистический взгляд Виолетты Девон на окружающий мир и всех остальных людей действительности? И хотя с самого детства ее учили именно такому подходу к жизни, Нору терзали сомнения. Ей казалось, что в этом было нечто нездоровое, даже извращенное. И вот сейчас Норе пришлось столкнуться с Артом Стреком, личность которого лишь подтверждала справедливость воззрений Виолетты Девон и в очередной раз доказывала опасность близких контактов с окружающим миром.

Однако через какое-то время, когда набросок уже был наполовину готов, Нора вдруг начала сомневаться, правильно ли она интерпретировала поведение Стрека. Нет, он никак не мог ее домогаться. Только не ее.

Ведь, как ни крути, она была совсем непривлекательна. Заурядная. Невзрачная. Возможно, даже уродливая. Нора знала, что это правда, поскольку Виолетта, при всех ее недостатках, имела и некоторые достоинства, и среди них – отказ от красивых слов. Нора была некрасивой серой мышкой, отнюдь не женщиной, которая может рассчитывать, что ее будут обнимать, целовать и ласкать. Тетя Виолетта заставила

Нору еще в детстве зарубить себе это на носу.

Несмотря на отталкивающую личность, чисто физически Стрек был видным мужчиной, наверняка пользовавшимся успехом у куда более симпатичных женщин. И такая дурнушка, как Нора, категорически не может его заинтересовать. Это просто нелепо.

Нора до сих пор носила одежду, купленную для нее теткой: темные бесформенные платья, юбки и блузки, подобные тем, что предпочитала сама Виолетта. Ведь более яркие и женственные наряды привлекут излишнее внимание к костлявой, нескладной фигуре и невыразительному, неинтересному лицу Нору.

Но тогда почему Стрек назвал ее красивой?

Ой да ладно! Это легко объяснить. Возможно, он просто над ней издевался. Или, скорее всего, пытался быть вежливым и любезным.

И чем больше Нора об этом думала, тем больше начинала верить, что составила себе ошибочное мнение о бедняге. В свои тридцать лет она уже превратилась в истеричную старую деву, одинокую и одержимую страхами.

Эта мысль на какое-то время расстроила Нору. Тогда она удвоила свои усилия в работе над наброском, закончила его и начала новый, уже с другой перспективой. С головой погружившись в творчество, она и не заметила, как пролетел день.

Между тем старинные напольные часы внизу пунктуально

отбили час, полчаса, четверть часа.

Уходящее на запад солнце стало золотым, все ярче освещающая комнату по мере угасания дня. Воздух, казалось, был наполнен мерцанием. Королевская пальма под южным окном дрожала на майском ветру.

К четырем часам дня Нора, совсем успокоившись, даже тихонько замурлыкала себе под нос.

Телефонный звонок застал ее врасплох.

Она положила карандаш и подняла телефонную трубку:

– Алло?

– Забавно, – послышался мужской голос.

– Простите?

– Они никогда о таком не слышали.

– Простите, – сказала Нора. – Думаю, вы ошиблись номером.

– Это вы, миссис Девон?

Теперь она узнала голос. Это был он. Стрек.

На секунду Нора потеряла дар речи.

А он тем временем продолжал:

– Они никогда о таком не слышали. Я позвонил в полицию Санта-Барбары и попросил позвать офицера Девона, но они ответили, что у них в отряде нет никакого офицера Девона. Разве не странно, миссис Девон?

– Что вам нужно? – дрожащим голосом произнесла Нора.

– Думаю, это компьютерный сбой, – зловеще рассмеялся Стрек. – Ну да, конечно, из-за компьютерного сбоя данные

о вашем муже исчезли из их файла. Миссис Девон, полагаю, вам стоит ему об этом сообщить, как только он вернется домой. Если он не уладит это дело... черт, в конце недели он может не получить зарплату!

Стрек повесил трубку. В трубке раздались длинные гудки, и до Норы внезапно дошло, что ей следовало первой оборвать разговор, с размаху швырнуть проклятую трубку, как только он сказал, что звонил в полицейский участок. Не следовало поощрять Стрека, даже слушая его по телефону.

Нора прошла по дому, проверяя все окна и двери. Они были крепко-накрепко заперты.

4

В «Макдоналдсе» на Восточной Чапман-авеню в округе Ориндж Трэвис Корнелл заказал для золотистого ретривера пять гамбургеров. Сидевшая на переднем сиденье собака съела все мясо и две булочки, после чего в знак благодарности собралась было лизнуть Трэвиса в лицо.

— У тебя из пасти воняет, как у аллигатора с несварением желудка, — запротестовал Трэвис, отодвигая от себя пса.

Обратный путь в Санта-Барбару занял три с половиной часа, поскольку движение на шоссе было гораздо плотнее, чем утром. Трэвис всю дорогу поглядывал на своего спутника и время от времени с ним разговаривал, ожидая пугающих проявлений интеллекта, который пес уже демонстриро-

вал ранее. Однако расчеты Трэвиса не оправдались. Ретривер вел себя так, как и любая другая собака во время длинного путешествия. Правда, время от времени пес садился очень прямо и смотрел в ветровое стекло, проявляя повышенный интерес к пейзажу за окном, что было несколько нетипично. Но большую часть времени ретривер, свернувшись калачиком, спал на сиденье и мирно посапывал во сне или часто дышал, высунув язык, и со скучающим видом зевал.

Когда вонь от грязной собачьей шерсти стала невыносимой, Трэвис опустил стекла, чтобы проветрить кабину, и ретривер высунул голову в окно. Пес, с откинутыми назад ушами, развевающейся на ветру шерстью, скалился очаровательной дурацкой улыбкой, которая появляется на морде собаки, хоть раз в жизни ехавшей рядом с водителем за штурмана.

В Санта-Барбаре Трэвис заехал в торговый центр, чтобы купить несколько банок собачьего корма «Алпо», коробку собачьего печенья «Милк-боун», пластиковые миски для корма и воды, оцинкованную лохань, флакон собачьего шампуня со средством от блох и клещей, щетку для вычесывания колтунов, ошейник и поводок.

Пока Трэвис укладывал покупки в кузов пикапа, пес наблюдал за ним через заднее окно машины, прижав к стеклу влажный черный нос.

Сев за руль, Трэвис сказал:

– Ты жутко грязный, и от тебя воняет. Ты ведь не доставишь мне хлопот, если я попрошу тебя принять ванну?

Собака зевнула.

К тому моменту, как Трэвис свернул на подъездную дорожку своего четырехкомнатного коттеджа в северной части Санта-Барбары и выключил зажигание, в его душу уже закралось сомнение, было ли поведение этого приبلудного пса действительно таким необычным, как ему показалось.

– Если ты снова не продемонстрируешь мне, на что способен, – обратился Трэвис к собаке, вставляя ключ в замок входной двери, – то придется признать, что там, в лесу, у меня крыша поехала, короче, я чокнулся и все это вообразил.

Собака, стоявшая возле Трэвиса на крыльце, вопросительно посмотрела на нового хозяина.

– Неужели ты возьмешь на себя ответственность за возникшие у меня сомнения в собственной вменяемости, а?

Оранжевая с черным бабочка пролетела мимо морды ретривера, огорошив его. С отрывистым лаем собака скатилась с крыльца и рванула по дорожке за упорхнувшей добычей. Ретривер вихрем носился туда-сюда по лужайке, стрелой взлетал в воздух, но постоянно промахивался. Он чудом избежал столкновения с чешуйчатым стволом большой финиковой пальмы, после чего едва не врезался головой в бетонную поилку для птиц и в довершение рухнул на клумбу с новогвинейскими бальзаминами, над которой, спасаясь, парила бабочка. Пес перекатился на живот, поднялся на дрожащих лапах и вынырнул из цветов.

В конце концов ретривер понял, что потерял след, и, вер-

нувшись к Трэвису, бросил на него глуповатый взгляд.

– Ты просто чудо-пес, – произнес Трэвис. – Надо же, какое несчастье!

Трэвис открыл дверь. Ретривер проскользнул в дом, опередив Трэвиса, и прошлепал обследовать свое новое жилище.

– Только не вздумай напрудить здесь лужу! – крикнул ему вслед Трэвис.

Он отнес оцинкованную лохань и пластиковый пакет с покупками на кухню. Оставив там корм и собачьи миски, все остальное вытащил через заднюю дверь на улицу. Бросил пакет на бетонное патио и поставил лохань возле свернутого садового шланга, подсоединенного к наружному крану.

Вернувшись в дом, Трэвис достал из-под кухонной раковины ведро, наполнил его горячей водой, вынес наружу и вылил воду в лохань. После четвертого похода за горячей водой на патио появился ретривер, тотчас же принявшийся обследовать задний двор. К тому времени, как Трэвис успел более чем наполовину наполнить лохань, ретривер начал метить территорию вдоль огораживающей участок выбеленной стены из бетонных блоков.

– Когда закончишь уничтожать траву, – сказал Трэвис, – советую тебе подготовиться принять ванну. От тебя жутко воняет.

Ретривер повернулся к Трэвису и наклонил голову, словно прислушиваясь к тому, что говорит ему новый хозяин.

Однако пес вовсе не походил на смышленную собаку из кинофильмов. И похоже, вообще ничего не понял. По крайней мере, вид у него был донельзя глупый. А когда Трэвис замолчал, пес снова подбежал к стене и сделал лужу.

Глядя, как собака справляет свои дела, Трэвис вдруг тоже почувствовал потребность облегчиться. Он прошел в туалет, после чего переделся в старые джинсы и футболку, приготовившись к грязной работе. Вернувшись во двор, Трэвис обнаружил, что ретривер стоит возле дымящейся лохани со шлангом в зубах. Каким-то образом пес умудрился включить кран. Из шланга в лохань лилась вода.

Для любой собаки успешные манипуляции с краном для воды – задача крайне сложная, если не невозможная. Трэвис прикинул, что лично для него эквивалентным тестом на сноровку стала бы задача отвинтить одной рукой крышку баночки аспирина с защитой от детей.

Остолбенев от изумления, Трэвис спросил:

– Слишком горячая вода?

Ретривер выпустил из пасти шланг, заливший водой патио, и забрался, почти изящно, в лохань. Он сел и посмотрел на Трэвиса, словно желая сказать: «Ну давай же, не сиди сложа руки, придурок!»

Трэвис подошел к лохани и присел на корточки:

– Покажи, как ты выключаешь воду. – (Собака смотрела на него с тупым видом.) – Покажи мне, – повторил Трэвис.

Ретривер фыркнул и сменил положение.

– Если ты смог включить кран, значит ты сможешь и выключить его. Как ты это сделал? Зубами? Наверное, все же зубами. Ей-богу, ты же не мог открыть кран лапой! Однако должен сказать, это для тебя чревато. Ты вполне мог сломать зуб о чугунную ручку.

Высунувшись из лохани, собака подцепила зубами верхнюю часть пакета с шампунем.

– Значит, ты не будешь выключать кран? – спросил Трэвис.

Ретривер заморгал с непроницаемым видом.

Трэвис вздохнул и выключил воду:

– Ну ладно. Твоя взяла, умник. – Вынув из пакета щетку и шампунь, Трэвис протянул их ретриверу. – На, возьми. Пожалуй, ты во мне не нуждаешься. Уверен, ты сам сможешь себя отскрести.

Пес издал длинный, протяжный гав, зародившийся глубоко в горле, и у Трэвиса вдруг возникло стойкое ощущение, будто тот, в свою очередь, назвал *его* умником.

Берегись, сказал себе Трэвис. Еще немного – и ты слетишь с катушек. Да, это чертовски умная собака, но она реально не может понимать, о чем ты говоришь, и не может тебе ответить.

Ретривер покорно позволил себя искупать, даже получив от этого удовольствие. Затем по команде он вылез из лохани, и Трэвис смыл холодной водой шампунь, после чего расчесал ретриверу мокрую шкуру, вытащил оттуда колючки,

застрявшие репья, распутал колтуны. Пес терпеливо сносил процедуру и к шести вечера полностью преобразился.

Отмытый и расчесанный, он оказался красивым животным. Его шерсть была преимущественно золотистого цвета со светлыми подпалинами на ляжках, животе, ягодицах и внутренней части хвоста. Густой подшерсток сохранял тепло и отталкивал воду. Шерсть была мягкой, не слишком густой, местами выющейся. Хвост слегка загибался вверх, что придавало псу задорный вид. Более того, хвост постоянно находился в движении, усиливая впечатление.

Засохшая кровь на ухе была вызвана небольшой царапиной, которая уже заживала. Подушечки лап не изранены, а лишь стерты до крови от продолжительного бега по пересеченной местности. Поэтому Трэвис просто продезинфицировал ранки раствором борной кислоты. Если у собаки и возникнут неприятные ощущения, то совсем незначительные. А поскольку она не хромала, через пару дней все должно было зажить.

Теперь ретривер выглядел великолепно, в отличие от Трэвиса, который насквозь пропотел и пропах собачьим шампунем. Нужно было срочно принять душ и переодеться. И, кроме того, Трэвису захотелось есть.

Осталось сделать только одну вещь – надеть на пса ошейник. Но когда Трэвис попытался застегнуть новый ошейник, ретривер тихо зарычал и попятился.

– Стой спокойно. Это всего лишь ошейник, малыш. –

(Пес, продолжая рычать, устоял на петлю из красной кожи в руке Трэвиса.) – У тебя неприятный опыт общения с этой штукой, да?

Пес перестал рычать, но не двинулся с места.

– С тобой плохо обращались? – спросил Трэвис. – Наверное, так и есть. Может, тебя душили ошейником. Перекручивали и душили. Или держали на коротком поводке. Что-то вроде того, да?

Коротко залаяв, ретривер прошлепал по патио и остановился в дальнем углу, исподлобья глядя на ошейник.

– Ты мне доверяешь? – Трэвис по-прежнему стоял на коленях, демонстрируя самые добрые намерения.

Ретривер перевел взгляд с ошейника на Трэвиса, их глаза встретились.

– Я никогда тебя не обижу. – Трэвиса не смущало, что он ведет разговор по душам собакой. – Ты должен зарубить это себе на носу. Я хочу сказать, у тебя хороший инстинкт на такие вещи. Ведь так? Положись на свои инстинкты, малыш, и доверься мне.

Собака вышла вперед из дальнего угла патио и остановилась вне пределов досягаемости Трэвиса. Посмотрела еще раз на ошейник, после чего устремила на Трэвиса все тот же загадочный пристальный взгляд. Как и тогда, Трэвис почувствовал наличие между ними контакта, настолько же сложного для понимания, насколько и сверхъестественного – и настолько же сверхъестественного, насколько и неописуемо-

го.

– Послушай, рано или поздно мне наверняка придется ходить с тобой туда, куда без поводка не пускают. А поводок пристегивается к ошейнику. Ведь так? Именно поэтому я и хочу надеть на тебя эту штуку, чтобы можно было повсюду брать тебя с собой. И еще, чтобы не было блох. Но если ты действительно не хочешь подчиниться, неволить не стану.

Они продолжали стоять друг перед другом. Ретривер размышлял над словами Трэвиса, который держал ошейник, словно собираясь сделать подарок, а не предъявлять ультиматум. Пристально посмотрев в глаза Трэвису, ретривер отряхнулся, чихнул и медленно приблизился к новому хозяину.

– Хороший мальчик, – похвалил его Трэвис.

Оказавшись возле Трэвиса, пес в знак покорности лег на живот и перекатился на спину, тем самым демонстрируя, что доверяет человеку и ничуть его не боится.

Трэвис понимал, что это чистой воды безумие, но у него в горле встал ком, а на глаза навернулись слезы. Смахнув непрошеную слезу, Трэвис мысленно обозвал себя сентиментальным идиотом. Он понял, почему эта демонстрация покорности так тронула его зачерствевшее сердце. Впервые за три года Трэвис Корнелл почувствовал, что кому-то нужен, ощутив глубокую связь с другим живым существом. Впервые за три года у него появился смысл жизни.

Он надел собаке ошейник и ласково почесал подставлен-

ный ему живот:

– Нужно дать тебе имя.

Собака поднялась, повернулась к Трэвису и наострила уши, словно ожидая услышать, как ее назовут.

Боже правый, подумал Трэвис, я уже начал приписывать ему человеческие интенции. Он просто приبلудный пес, быть может, особенный, но все-таки приبلудный пес. Ретривер не может хотеть знать, как его назовут, ведь он, как пить дать, не понимает человеческого языка.

– Не могу придумать ни одного подходящего имени, – наконец сдался Трэвис. – Ладно, давай не будем форсировать события. Имя должно быть правильным. Ты ведь у нас необычная собака, лохматая морда. Я должен все хорошенько обдумать, чтобы не ошибиться.

Трэвис вылил воду из лохани и, сполоснув, оставил сушиться. Вместе с ретривером он вошел в дом, теперь ставший их общим.

5

Доктор Элизабет Ярбек и ее муж, адвокат Джонатан Ярбек, жили в Ньюпорт-Бич в похожем на ранчо приземистом одноэтажном доме с крышей из лиственничного гонта, оштукатуренными кремовыми стенами и дорожкой, вымощенной натуральным камнем. Лучи угасающего солнца мерцали медными и рубиновыми огнями на витражных стеклах

узких окон по обе стороны от входной двери, придавая им сходство с гигантскими драгоценными камнями.

Когда Винс Наско позвонил в дверь, ему открыла Элизабет. Лет пятидесяти, подтянутая и привлекательная, с копной платиновых волос и голубыми глазами. Винс сообщил ей, что его зовут Джон Паркер, что он агент ФБР и ему нужно побеседовать с ней и ее мужем по поводу расследуемого в настоящий момент дела.

– Дела? – удивилась она. – Какого дела?

– Это касается одного исследовательского проекта, финансируемого государством. В свое время вы принимали в нем участие.

Именно эту вступительную строку ему велели произнести.

Женщина внимательно изучила фотографию на его удостоверении личности и удостоверение сотрудника ФБР.

Ради бога, пусть себе проверяет! Документы были состряпаны теми же людьми, что наняли его на эту работу. Липовые документы, полученные для одного дела в Сан-Франциско, уже три раза сослужили Винсу хорошую службу.

Винс не сомневался, что документы пройдут проверку, а вот насчет себя он был не слишком уверен. Он надел темно-синий костюм, белую рубашку с синим галстуком и начищенные до блеска черные туфли – типичный прикид федерального агента. Внушительные размеры и непроницаемое лицо идеально подходили для выбранной роли. Од-

нако убийство доктора Дэвиса Уэзерби и перспектива еще двух убийств в ближайшие несколько минут дико возбуждали Винса, наполняя его маниакальным ликованием, которое едва удавалось скрыть. Винса распирало безудержное веселье, и с каждой минутой смех становилось все труднее сдерживать. В грязно-зеленом «форде-седане», угнанном сорок минут назад специально для этого дела, на него вдруг накатила приступ бесконтрольной дрожи, вызванной отнюдь не нервозностью, а острым удовольствием почти сексуального свойства. Винсу пришлось даже свернуть на обочину и минут десять восстанавливать дыхание, чтобы хоть немного прийти в себя.

Элизабет Ярбек оторвала взгляд от липового удостоверения и, встретившись глазами с Винсом, нахмурилась.

Он рискнул улыбнуться, несмотря на опасность разразиться приступом бесконтрольного смеха, который сразу нарушит тщательно разработанную легенду. У Винса была мальчишеская улыбка – на фоне его внушительных размеров она действовала обезоруживающе.

Через секунду доктор Ярбек тоже улыбнулась. Удовлетворившись, она вернула Винсу удостоверение и пригласила пройти в дом.

– Мне нужно побеседовать и с вашим мужем, – напомнил Винс, когда она закрыла за ними входную дверь.

– Он в гостиной, мистер Паркер. Сюда, пожалуйста.

Гостиная была просторной и светлой. Стены и ковер кре-

мового цвета. Бледно-зеленые диваны. Из высоких окон с зеркальными стеклами, затененными приспущенными зелеными маркизами, открывался вид на ухоженный участок и дома на холмах внизу.

Джонатан Ярбек засовывал щепу между поленьями в кирпичном камине, готовясь его разжечь. Он поднялся, отряхивая руки, когда жена начала представлять ему Винса:

– Джон Паркер из ФБР.

– ФБР? – вопросительно поднял брови Ярбек.

– Мистер Ярбек, – сказал Винс, – если дома находятся еще какие-либо члены семьи, я хотел бы побеседовать с ними прямо сейчас, чтобы не пришлось повторяться.

Ярбек покачал головой:

– Дома только мы с Лиз. Дети в колледже. А в чем, собственно говоря, дело?

Винс достал из внутреннего кармана пиджака пистолет с глушителем и выстрелил Джонатану Ярбеку в грудь. Адвокат отлетел назад, к каминной доске, где на секунду завис, будто припиленный, после чего упал на латунный каминный набор.

Сссснп!

Элизабет Ярбек оцепенела от изумления и ужаса. Винс проворно подскочил к ней. Схватил за левую руку, безжалостно заломив ее за спину. Когда женщина вскрикнула от боли, Винс приставил к ее голове пистолет:

– Только пикни – и я вышибу тебе, на хрен, мозги!

Он потащил Элизабет за собой к телу ее убитого мужа. Джонатан Ярбек лежал ничком на латунном совке для углей и кочерге с латунной ручкой. Он был мертв. Но Винс не хотел рисковать. Он дважды выстрелил Джонатану в затылок с близкого расстояния.

Из груди Лиз Ярбек вырвался странный мяукающий звук – и она зарыдала.

Дом стоял слишком далеко, да и стекла были тонированы, поэтому соседи вряд ли могли хоть что-нибудь увидеть через большие окна, но Винсу хотелось разделаться с женщиной в более укромном месте. Он заставил ее пройти в коридор, а затем – вглубь дома. Заглядывая в каждую дверь, Винс нашел наконец хозяйскую спальню. Он с силой втолкнул туда Элизабет, она растянулась на полу.

– Не вздумай дергаться! – скомандовал Винс.

Он включил прикроватные лампы. После чего подошел к раздвижным стеклянным дверям на патио и начал задерживать шторы.

И как только он повернулся к Элизабет спиной, женщина вскочила на ноги и побежала к двери в коридор.

Винс перехватил ее, шваркнул о стену, ударил кулаком в живот, да так, что она задохнулась, и снова швырнул на пол. Оторвав за волосы голову доктора Ярбек от пола, Винс заставил ее посмотреть себе прямо в глаза:

– Послушайте, леди, я не собираюсь в вас стрелять. Я пришел сюда из-за вашего мужа. Исключительно из-за мужа. Но

если вы попытаетесь сбежать прежде, чем я буду готов вас отпустить, мне придется пустить в расход и вас тоже. Понятно?

Конечно, он лгал. Ему заплатили именно за устранение Элизабет. А мужа пришлось убрать просто как лишнего свидетеля. Однако то, что Винс не собирался стрелять в Элизабет, было чистой правдой. Винс хотел, чтобы женщина была более податливой. Тогда он сможет ее связать и не торопясь с ней разделаться. Двух выстрелов было бы вполне достаточно, но он собирался растянуть удовольствие, убив ее медленно. Ведь смерть можно смаковать, наслаждаясь ею, точно хорошей едой, тонким вином и роскошными закатами.

Элизабет спросила, задыхаясь и всхлипывая:

– Кто вы такой?

– Не твое дело.

– Что вам нужно?

– Если заткнешься и будешь мне помогать, останешься в живых.

Она начала торопливо молиться, путая слова и перемежая их тихими, полными отчаяния звуками.

Винс задернул шторы.

Сорвал со стены телефонный аппарат и закинул его в дальний угол.

Снова взяв женщину за руку, Винс рывком поставил ее на ноги и потащил в ванную комнату, где обшарил все ящики в поисках аптечки; лейкопластырь был именно тем, что

нужно.

Вернувшись в спальню, Винс заставил женщину лечь на спину на кровать. Пластырем стянул ей лодыжки и запястья. Достал из комода пару тонких трусиков и, скомкав, засунул ей в рот. После чего наглухо запечатал ее рот куском пластыря.

Она тряслась, как в лихорадке, пытаясь сморгнуть слезы и пот.

Покинув спальню, Винс вернулся в гостиную и встал на колени возле тела Джонатана Ярбека, с которым он еще не закончил. Винс перевернул труп. Одна из пуль, вошедшая в затылок, вышла из горла, прямо под подбородком. Открытый рот полон крови. Один глаз закатился в глазницу, так что был виден только белок.

Винс посмотрел в другой глаз.

— Благодарю вас, — искренне, благоговейно произнес он. — Благодарю вас, мистер Ярбек. — Винс опустил ему веки и поцеловал их. — Благодарю. — Затем поцеловал покойного в лоб. — Благодарю за то, что вы дали мне.

Затем Винс прошел в гараж, где, порывшись в ящиках, нашел кое-какие инструменты. Он выбрал молоток с удобной резиновой ручкой и отполированной стальной головкой.

Когда Винс вернулся в притихшую спальню и положил молоток на матрас возле связанной женщины, у нее от ужаса комично округлились глаза.

Она принялась дергаться и извиваться, пытаясь содрать с

рук пластырь. Безуспешно.

Винс начал раздеваться.

Заметив, что женщина посмотрела на него с таким же ужасом, как ранее на молоток, Винс произнес:

– Нет, пожалуйста, не волнуйтесь, доктор Ярбек. Я не собираюсь вас насиловать. – Он повесил пиджак и рубашку на спинку стула. – У меня нет к вам сексуального интереса. – Он снял туфли, носки и брюки. – Вам не придется пройти через это унижение. Я вовсе не из тех мужчин. Я просто снимаю одежду, чтобы не залить ее кровью.

Обнажившись, он взял молоток и с размаху ударил женщину по левой ноге, раздробив коленную чашечку. И быть может, после пятидесятого или шестидесятого удара молотком настал Момент.

Csssnan!

Винс ощутил мощный прилив энергии. Почувствовал нечеловеческую восприимчивость к цвету и структуре окружающих его вещей. Он сделался сильным, как никогда ранее, – божеством в обличье мужчины.

Уронив молоток, он встал голыми коленями на пол возле кровати. Уперся лбом в окровавленное покрывало и несколько раз глубоко вдохнул, содрогаясь от невыносимого наслаждения.

Несколько минут спустя Винс пришел в себя. Приспособившись к своему новому состоянию удвоенной мощи, он встал, повернулся к мертвой женщине и покрыл поцелуями

ее обезображенное лицо, после чего запечатлел поцелуй на каждой ладони.

– Благодарю тебя.

Винс был так глубоко тронут жертвой, которую она ему принесла, что еще чуть-чуть – и он бы заплакал. Однако радость по поводу своей удачи оказалась сильнее жалости к женщине, поэтому слезы так и не хлынули.

В ванной он на скорую руку принял душ. И пока горячая вода смывала мыло, думал о том, как удачно нашел способ сделать убийства своей работой. Ведь теперь ему платили за то, что он в любом случае делал бы без всякого вознаграждения.

Одевшись, Винс взял полотенце и протер те немногие вещи, к которым прикасался с тех пор, как вошел в дом. Он всегда помнил каждое свое движение и никогда не волновался, что может что-то упустить, оставив случайный отпечаток пальца. Идеальная память была еще одной стороной его Дара.

Когда он вышел из дома, то обнаружил, что на окрестные холмы опустилась ночь.

Глава 3

1

В начале вечера ретривер никак не проявил своих выдающихся способностей, так поразивших воображение Трэвиса. Он наблюдал за собакой, иногда открыто, иногда краем глаза, но не обнаружил ничего, что могло бы удовлетворить его любопытство.

На обед Трэвис приготовил себе сэндвичи с беконом, листьями салата и томатами, а ретриверу открыл банку «Алпо». Собачий корм вполне устраивал ретривера, он в один присест умял содержимое банки, не скрывая, однако, что все же предпочитает еду Трэвиса. Ретривер сидел на кухонном полу возле стула Трэвиса, тоскливо глядя на сэндвичи, которые Трэвис ел за кухонным столом с красной пластиковой столешницей. В конце концов Трэвис не выдержал и дал псу два ломтика бекона.

В этом собачьем попрошайничестве не было ничего необычного. Ретривер не выкинул никаких потрясающих номеров. Он облизывался, время от времени скулил и периодически выдавал весь свой скромный репертуар печальных взглядов, способных вызвать жалость и сострадание. Прием, взятые на вооружение любой выпрашивающей угощение

дворняжкой.

После обеда Трэвис включил в гостиной телевизор, и собака свернулась на диване возле хозяина. Через какое-то время она положила голову ему на бедро, предлагая почесать ей за ухом, что Трэвис и сделал. Ретривер периодически лениво поглядывал на экран телевизора, но ни одна передача его, похоже, не заинтересовала.

Трэвиса тоже не интересовал телевизор. Его интриговало поведение собаки. Он хотел лучше изучить ее, поощрив на новые трюки. Трэвис отчаянно пытался найти способ выявить потрясающий интеллект пса, но так и не сумел придумать никаких тестов, позволяющих оценить его умственное развитие.

А кроме того, собака вряд ли захотела бы участвовать в подобных тестах. Ведь она, похоже, инстинктивно старалась скрывать свой ум. Трэвис вспомнил, как неуклюже и подурячки пес гонялся за бабочкой и, наоборот, как ловко открыл кран на патио: складывалось впечатление, будто это два разных животных. При всей безумности возникшей идеи Трэвис начал подозревать, что ретривер не хотел привлекать к себе излишнее внимание и демонстрировал сверхъестественные умственные способности или в критической ситуации, как там, в лесу, или если был очень голоден, как тогда, когда открыл бардачок, чтобы получить арахисовый батончик, или если его никто не видел, как тогда, когда открыл кран.

Совершенно абсурдная идея, предполагавшая, что ретривер не только отличается необычным для представителя своего вида интеллектом, но и *осознает экстраординарную природу своих способностей*. Собаки, впрочем, как и все другие животные, попросту не обладают той степенью самосознания, необходимой для сравнительного анализа с себе подобными. Способность к сравнительному анализу – сугубо человеческое свойство. Даже самая одаренная и обученная различным трюкам собака никогда не будет знать, что отличается от большинства таких, как она. Таким образом, если допустить, что собака фактически отдавала себе отчет о подобных вещах, то следует признать не только ее выдающийся интеллект, но и способность к рассуждению и логическим выводам, а также к оценке целесообразности, стоящей над природными инстинктами, которыми руководствуются остальные животные.

– Ты, – Трэвис ласково погладил ретривера по голове, – загадочное явление, окутанное тайной. Или это так, или по мне определенно психушка плачет.

В ответ собака посмотрела на Трэвиса, заглянув ему прямо в глаза, зевнула, после чего неожиданно резко вскинула голову и уставилась на книжные полки у него за спиной, расположенные по обе стороны арки между гостиной и столовой. Туповатое благодушие, написанное на морде ретривера, неожиданно сменилось знакомым Трэвису выражением острого интереса, выходящего за рамки обычной собачьей

бдительности.

Поспешно прыгнув с дивана, пес бросился к книжным полкам и принялся бегать взад-вперед, поглядывая на цветные корешки аккуратно расставленных книг.

Дом сдавался уже с мебелью, мягко говоря, незатейливой и дешевой. Ее обивка была выбрана исходя из прочности (винил) и способности скрывать неискоренимые пятна (кричащая клетка). Деревянные покрытия были заменены пластиковыми: устойчивыми к сколам, царапинам, потертостям и следам от окурков. И фактически единственное, что свидетельствовало о вкусах и интересах Трэвиса Корнелла, были книги – пара сотен томов в мягкой и твердой обложке, – стоявшие на полках в гостиной.

И собака явно заинтересовалась некоторыми из них.

Встав с дивана, Трэвис спросил:

– В чем дело, малыш? Что привело твой хвост в такое волнение?

Ретривер поднялся на задние лапы, положив передние на одну из полок, и принялся деловито обнюхивать корешки книг. Оглянувшись на Трэвиса, он продолжил с интересом изучать хозяйскую библиотеку.

Трэвис подошел к означенной полке, достал книгу, в которую ретривер тыкал носом – «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, – и показал псу:

– Эта? Тебя эта заинтересовала?

Ретривер внимательно изучил украшавшую пыльную об-

ложку картинку: Долговязый Джон Сильвер на фоне пиратского корабля. Посмотрел на Трэвиса, затем – снова на Долговязого Джона. Через секунду убрал лапы с полки, кинулся к стеллажу по другую сторону арки и принялся деловито обнюхивать книги.

Трэвис поставил на место «Остров сокровищ» и последовал за ретривером. На сей раз пес тыкался мокрым носом в подборку романов Чарльза Диккенса. Трэвис достал «Повесть о двух городах» в мягкой обложке.

Снова внимательно изучив картинку на обложке, словно пытаясь определить, о чем эта книга, ретривер вопросительно посмотрел на Трэвиса.

Трэвис, совершенно сбитый с толку, сказал:

– Французская революция. Гильотины. Обезглавливание. Трагедия и героизм. Это... э-э-э... о необходимости ставить личные интересы над групповыми, о том, что жизнь отдельного человека важнее общественного прогресса.

Вернувшись к книгам на полке, ретривер принялся их обнюхивать.

– Нет, я точно рехнулся! – Трэвис поставил «Повесть о двух городах» на место. – Господи, я рассказываю краткое содержание книги собаке!

Переставив лапы на другую полку, пес обнюхал следующий ряд художественной литературы, а поскольку Трэвис ничего не вынул для проверки, то зубами схватил корешок и попытался вытащить книгу для дальнейшего изучения.

– Стоп! – Трэвис забрал у пса книгу. – Держи свою слюнявую пасть подальше от красивых переплетов, мохнатая морда! Это «Оливер Твист». Тоже Диккенс. История сироты в викторианской Англии. Он связался с темными личностями из преступного мира, и они...

Ретривер прыгнул на пол и протрусил к полкам по другую сторону арки, где продолжил обнюхивать тома, до которых сумел дотянуться. Трэвис мог дать голову на отсечение, что пес задумчиво поглядывал на книги, стоявшие у него над головой.

Охваченный странным предчувствием, что сейчас должно произойти нечто чрезвычайно важное, Трэвис минут пять ходил за собакой, показывая ей обложки романов и вкратце знакомя с их содержанием, хотя отнюдь не был уверен, что удивительный пес добивается именно этого. Ведь откуда ему было понять краткое содержание романов?! И тем не менее ретривер сосредоточенно слушал то, что ему рассказывали. Трэвис понимал, что наверняка неправильно истолковывает поведение собаки, приписывая ей сложные интенции, которых не было и в помине. И все же у него от волнения по спине поползли мурашки. Между тем поиски продолжались. В глубине души Трэвис ждал момента истины и в то же время чувствовал себя легковым глупцом.

Литературные вкусы Трэвиса отличались некоторой эклектичностью. Среди книг, которые он снимал с полок, были «Надвигается беда» Брэдбери, «Долгое прощание» Чанд-

лера, «Почтальон всегда звонит дважды» Кейна, «И восходит солнце» Хемингуэя. Два романа Ричарда Кондона и один Энн Тайлер. А также «Убийству нужна реклама» Дороти Сэйерс и «Подцеплен по-крупному» Элмора Леонарда.

В конце концов ретривер, потеряв интерес к книжным полкам, прошлепал на середину комнаты, где принялся возбужденно ходить взад-вперед, затем остановился, повернулся к Трэвису и три раза тявкнул.

– Что случилось, малыш?

Собака заскулила, бросила взгляд на заставленные книгами полки, покружила по комнате и снова посмотрела на книги. Вид у нее был расстроенный. Безумно расстроенный.

– Не знаю, что еще могу сделать, малыш, – произнес Трэвис. – Я честно не понимаю, чего ты добиваешься и что пытаешься мне сказать.

Собака фыркнула и отряхнулась. Понуриив голову, она неохотно вернулась на диван и свернулась калачиком.

– И на этом все? – удивился Трэвис. – Мы что, сдаемся?

Ретривер, не отрывая головы от подушки, посмотрел на него влажными скорбными глазами.

Отвернувшись от пса, Трэвис медленно окинул взглядом полки, словно стоявшие там книги не только предлагали информацию, напечатанную на их страницах, но и содержали некий важный, но непонятный месседж; словно их разноцветные корешки были покрыты рунами канувшего в Лету языка, которые, будучи расшифрованы, смогут открыть вам

чудесные тайны. Однако Трэвису, похоже, не дано было их расшифровать.

На секунду поверив, что стоит на пороге потрясающего открытия, Трэвис чувствовал себя полностью опустошенным. Его собственное разочарование было куда сильнее, чем то, что демонстрировал ретривер. В отличие от пса Трэвис не мог свернуться калачиком на диване, опустить голову и обо всем забыть.

– Какого хрена ты здесь устроил? – спросил он ретривера, и тот бросил на Трэвиса загадочный взгляд. – В чем великий смысл всей этой возни с книгами?

Пес продолжал смотреть.

– В тебе и впрямь есть нечто особенное – или я уже пропил последние мозги?

Ретривер лежал не шевелясь. Казалось, он вот-вот закроет глаза и заснет.

– Если будешь тут зевать, черт бы тебя побрал, я дам тебе хорошего пинка под зад!

Пес зевнул.

– Засранец! – произнес Трэвис.

Пес снова зевнул.

– А теперь слушай сюда. Что все это значит? Ты что, издеваешься и зеваешь назло мне? Или просто зеваешь? Как прикажешь это понимать? И как мне узнать, что ты делаешь нарочно, а что нет?

Ретривер вздохнул.

Трэвис тоже вздохнул и, подойдя к окну, бросил взгляд на ночную улицу, где натриевые фонари подсвечивали призрачным желтым светом раскидистые ветви финиковой пальмы. Он слышал, как пес прыгнул с дивана и выбежал из комнаты, но решил больше не искать глубокого смысла в его поступках, поскольку на сегодня с него и так хватило разочарований.

Ретривер что-то шумно делал на кухне. Звяк. Хлоп. Наверное, пил воду из миски.

Обернувшись, Трэвис, к своему удивлению, обнаружил, что ретривер держит в зубах банку пива «Курс». Банка была холодная.

– Ты достал ее из холодильника!

Собака, похоже, довольно ухмылялась.

2

Нора Девон готовила на кухне обед, когда снова зазвонил телефон. Она взмолилась про себя, чтобы это был не *он*.

Но это был он.

– Я знаю, что тебе нужно, – сказал Стрек. – Я знаю, что тебе нужно.

Ведь меня даже хорошенькой трудно назвать, хотела ответить Нора. Я самая обыкновенная унылая старая дева. Тогда чего вы от меня хотите? Такие, как вы, на меня и не смотрят, потому что я некрасивая. Вы что, ослепли?

– А ты сама-то знаешь, что тебе нужно? – спросил он.

Когда к Норе вернулся дар речи, она сказала:

– Убирайтесь!

– Я знаю, что тебе нужно. Ты, может, и не знаешь, но только не я.

На сей раз Нора первая повесила трубку, шваркнув ее о рычаг с такой силой, что у него, возможно, заложило уши.

Уже позже, в половине девятого вечера, телефон зазвонил снова. Нора читала в кровати «Большие надежды» и ела мороженое. Звонок так напугал девушку, что она выронила ложку в блюдо, едва не испачкав кровать.

Отложив в сторону блюдо и книжку, Нора с тревогой уставилась на телефон, стоявший на прикроватной тумбочке. Десять звонков. Пятнадцать. Двадцать. Пронзительный звон наполнял комнату, эхом отдаваясь от стен и пробуравливая череп.

В конце концов Нора поняла, что совершает огромную ошибку, не отвечая на звонки. Он знал, что она дома, но боится снять трубку, и это, несомненно, доставляло ему удовольствие. Больше, чем чего-либо, он желал власти над другими людьми. И ее робость наверняка стимулирует его, доставляя извращенное удовольствие. Норе еще не приходилось попадать в конфликтные ситуации, но она понимала, что ей придется учиться постоять за себя, причем срочно.

Она сняла трубку на тридцать первом звонке.

– Я не могу тебя забыть, – сказал Стрек; Нора не ответи-

ла, и тогда Стрек продолжил: – У тебя красивые волосы. Такие темные. Почти черные. Густые и блестящие. Мне хочется перебирать их.

Норе следовало хоть что-то сказать, поставить нахала на место или просто повесить трубку. Но она не могла решиться ни на то, ни на другое.

– И я еще никогда не видел подобных глаз, – тяжело дыша, произнес Стрек. – Серые, но не такие, как у других. И взгляд глубокий, теплый и сексуальный. – (Нора онемела от страха.) – Ты очень хорошенькая, Нора Девон. Очень хорошенькая. И я знаю, что тебе нужно. Действительно знаю, Нора. Я знаю, что тебе нужно, и собираюсь это тебе дать.

Оцепенение сменилось мелкой дрожью. Нора уронила трубку на рычаг. Наклонилась вперед, чувствуя, что еще немного – и она рассыплется на мелкие кусочки. Но вот наконец дрожь немного улеглась.

У Норы не было оружия.

Она чувствовала себя маленькой, беззащитной и ужасно одинокой.

Нора подумала о том, чтобы позвонить в полицию. Но что она им скажет? Что стала объектом сексуальных домогательств? Да они просто-напросто поднимут ее на смех. Она? Сексуальным объектом? Она была старой девой, страшной как смертный грех и явно неспособной вскружить мужчине голову, заставив предаваться эротическим фантазиям. В полиции наверняка посчитают ее либо обманщицей, либо ис-

теричкой. Или решат, что она приняла банальные проявления вежливости за сексуальный интерес к себе. Ведь поначалу даже у нее возникла такая мысль.

Она надела синий халат поверх просторной мужской пижамы, затянула кушак. Босиком поспешно спустилась на кухню и торопливо достала с подставки возле духовки разделочный нож. Свет ручейком ртути струился по заточенному лезвию.

Нора покрутила в руке нож и увидела свои глаза в отполированной плоской поверхности. Она посмотрела на свое отражение, и у нее невольно возник вопрос, способна ли она пустить в ход такое страшное оружие против другого живого существа, даже в целях самозащиты.

Она надеялась, что ей не придется это выяснять.

Вернувшись в спальню, Нора положила нож на прикроватную тумбочку, чтобы был под рукой.

Сняла халат, села на краю кровати, обняла себя обеими руками и попыталась унять дрожь.

– Почему именно я? – громко спросила Нора. – Почему он решил пристать именно ко мне?

Стрек назвал ее хорошенькой, но Нора знала, что это неправда. Ее собственная мать бросила ее, оставив на тетю Виолетту, и за все двадцать восемь лет лишь дважды навестила дочь, последний раз, когда той было шесть лет. Отца своего Нора не знала, никто из семейства Девон не захотел взять девочку к себе. Виолетта откровенно объясняла это ее

непривлекательной внешностью. Следовательно, хоть Стрек и назвал Нору хорошенькой, она явно не могла ему нравиться как женщина. Он хотел совершенно другого. Хотел получить острые ощущения, запугивая ее, подавляя и обижая. Такие люди встречаются. Нора читала о них в книгах, в газетах. Да и тетя Виолетта тысячу раз предупреждала Нору, что если мужчина подойдет к ней с улыбками и льстивыми речами, то исключительно для того, чтобы потом было больнее падать, когда он ее бросит.

Через некоторое время дрожь прошла. И Нора снова легла в постель. Мороженое давным-давно успело растаять, пришлось убрать блюдце на прикроватную тумбочку. Нора взяла в руки роман Диккенса и попыталась погрузиться в рассказ о Пипе. Однако она то и дело прислушивалась к телефону и поглядывала на разделочный нож, а еще на открытую дверь в коридор второго этажа, где ей почудилось какое-то движение.

3

Трэвис прошел на кухню, собака последовала за ним. Показав на холодильник, Трэвис сказал:
– Покажи мне. Повтори свой трюк. Достань пиво. Покажи, как ты это сделал.

Однако собака не сдвинулась с места.

Трэвис присел перед ней на корточки:

– Послушай, мохнатая морда, а кто помог тебе выбраться из леса и оторваться от преследователя? Я помог. Я тебя отмыл, накормил, приютил. И теперь ты мой должник. Кончай придуливаться! Ты ведь можешь открыть холодильник, да?

Ретривер подошел к старенькому «Фриджидаеру», ткнул головой в нижний угол эмалированной дверцы, подцепил ее зубами и, напрягшись всем телом, с силой потянул на себя. Резиновый уплотнитель громко чмокнул и отошел. Дверца приоткрылась. Просунув голову в образовавшуюся щель, собака подпрыгнула и уперлась передними лапами в полки для хранения продуктов.

– Что б мне провалиться! – воскликнул Трэвис, подойдя поближе.

Поставив лапы на вторую полку, где Трэвис держал банки пива, диетическую пепси и овощной сок «V-8», ретривер вытащил еще одну банку «Курса», уронил ее на пол, позволив дверце холодильника захлопнуться, после чего, подцепив банку зубами, подошел к Трэвису.

Трэвис забрал у собаки пиво. Держа в каждой руке по банке, он испытующе посмотрел на ретривера и сказал, обращаясь скорее к самому себе:

– Ну ладно. Допустим, кто-то научил тебя открывать дверцу холодильника. И этот кто-то даже мог научить тебя узнавать марки пива, отличать одни пивные банки от других и приносить ему. Тем не менее у нас остается ряд темных моментов. Какова вероятность того, что сорт пива, который те-

бя научили узнавать, окажется тем же самым, что я держу у себя в холодильнике? Такое, конечно, возможно, но маловероятно. И, кроме того, я не давал команды. Не просил тебя принести пива. Ты сделал это по личной инициативе, словно поняв, что пиво – именно то, что мне сейчас нужно. Впрочем, так оно и было.

Поставив одну банку на стол, Трэвис вытер вторую о футболку, открыл и сделал несколько глотков. Плевать, что банка побывала в собачьей пасти. Трэвис был слишком потрясен устроенным представлением, чтобы думать о микробах. И, кроме того, ретривер брал каждую банку за донышко, будто соблюдая правила гигиены.

Пес внимательно смотрел, как Трэвис пьет пиво.

– Похоже, ты понял, что я напряжен, расстроен и пиво поможет мне расслабиться, – опустошив примерно треть банки, сказал Трэвис. – Это безумие или что-то еще? Мы говорим о критическом мышлении. Допустим, домашние животные способны чувствовать настроение хозяина. Но многие ли из них в курсе, что такое пиво или что нужно хозяину, чтобы немного расслабиться? Да и вообще, откуда ты узнал, что в холодильнике есть пиво? Конечно, ты мог увидеть его, когда я вечером готовил обед, и все же...

У Трэвиса тряслись руки. Он глотнул еще пива и услышал, как зубы стучат о край банки.

Обогнув стол из красного пластика, ретривер подошел к шкафчику под раковиной. Открыл дверцу, сунул голову в

шкаф, вытащил упаковку собачьего печенья «Милк-боун» и отнес Трэвису.

– Раз уж я получил свое пиво, думаю, тебе тоже положено угощение, – рассмеялся Трэвис, вскрыв пакет. – Ну что, мохнатая морда, парочка собачьих печенюшек тебя устроит? – Он поставил пакет на пол. – Угощайся. Надеюсь, в отличие от обычных собак ты знаешь меру? – Трэвис снова рассмеялся. – Черт, думаю, скоро я смогу доверить тебе сесть за руль своей машины!

Ретривер вытащил из пакета печенье, сел на пол, расставив лапы, и с довольным видом сжевал лакомство.

Выдвинув стул, Трэвис сел за стол:

– Ты заставил меня поверить в чудеса. А знаешь, что я делал в лесу сегодня утром?

Пес, интенсивно перемалывавший челюстями печенье, казалось, на время потерял интерес к Трэвису.

– Отправился в сентиментальное путешествие в надежде вспомнить удовольствие, которое мальчишкой получал от гор Санта-Ана. Еще до того... как мое существование стало совсем беспросветным. Я собирался пострелять по змеям, полазить по горам и обследовать окрестности, чтобы, как в старые добрые времена, снова почувствовать вкус к жизни. Ведь мне уже давно без разницы – жить или умирать.

Перестав жевать, пес тяжело сглотнул и пристально уставился на Трэвиса.

– В последнее время моя депрессия стала чернее самой

черной ночи. Пси́на, а ты знаешь, что такое депрессия?

Забыв о печенье, ретривер поднялся, подошел к Трэвису и посмотрел ему в глаза тем пугающе пронзительным взглядом, который уже демонстрировал ранее.

– Нет, я и не помышлял о самоубийстве, – поймав пристальный взгляд собаки, сказал Трэвис. – Во-первых, меня воспитали в католической вере. Да, я уже много лет не посещал мессы, но по-прежнему вроде бы верю в Бога. А для католика самоубийство – смертный грех. Как и убийство. А кроме того, я слишком упертый и твердолобый, чтобы просто так сдаться, несмотря на затянувшуюся черную полосу.

Ретривер моргнул, но глаз не отвел.

– Я искал в этом лесу счастье, которое когда-то знал. Ну а потом встретил тебя.

В ответ ретривер отрывисто гавкнул, словно желая сказать: «Хорошо».

Сжав обеими руками голову пса, Трэвис наклонился поближе:

– Депрессия. Такое ощущение, будто жизнь прошла мимо. Но откуда собаке знать о таких вещах?! Ведь собаки не склонны к рефлексии. Каждый новый день для нее уже праздник. Малыш, ты действительно понимаешь, о чем я говорю? Ей-богу, мне сдается, что да. Но может, я наделяю тебя слишком глубоким умом и, более того, мудростью, даже для чудо-собаки. А? Да, я знаю, ты умеешь делать удивительные трюки, что отнюдь не значит, будто ты способен

меня *понять*.

Ретривер отошел от Трэвиса и вернулся к пакету с «Милк-боун». После чего, взяв зубами пакет, вытряс на линолеум двадцать-тридцать печенюшек.

— Ну вот снова-здорово, — огорчился Трэвис. — Тебя не понять. То ты демонстрируешь почти человеческий интеллект, то становишься типичной собакой с обычными собачьими радостями.

Однако пес рассыпал лакомство вовсе не для того, чтобы им угоститься. Своим черным кожаным носом он принялся толкать печенюшки, по одной штуке зараз, на середину кухни, аккуратно выстраивая их в ряд.

— Какого черта?!

Собака выложила из пяти печений линию, чуть загибающуюся вправо. Затем поставила на место шестое, подчеркнув изгиб.

Трэвис, на удивленных глазах которого происходили все эти манипуляции, поспешно прикончил первую банку пива и открыл вторую. У него возникло странное чувство, что она ему точно понадобится.

Ретривер устался на уложенное в ряд печенье, словно не понимая, что собирается делать. Несколько минут он, явно сомневаясь, курсировал туда-сюда. Затем добавил еще два печенья. Посмотрел на Трэвиса, потом — на выстроенную на полу линию и ткнул носом в девятую печенюшку.

Трэвис прихлебывал пиво и напряженно ждал продолже-

ния.

Недовольно фыркнув, ретривер отбежал в дальний конец комнаты и, низко опустив голову, уткнулся мордой в угол. Трэвис терялся в догадках, но тут до него дошло, что пес собирается с мыслями. Через некоторое время ретривер вернулся, чтобы поставить десятое и одиннадцатое печенье, тем самым увеличив картинку.

У Трэвиса снова возникло предчувствие, что сейчас должно произойти нечто важное. От волнения руки покрылись гусиной кожей.

И на этот раз он не был разочарован. Золотистый ретривер с помощью девятнадцати печений составил на кухонном полу грубый, но вполне узнаваемый вопросительный знак, после чего поднял на Трэвиса свои выразительные глаза.

Знак вопроса.

Означавший: *Почему?* Что тебя так угнетало? Почему ты потерял смысл жизни?

Собака, без сомнения, поняла все, что говорил ей Трэвис. Ну ладно, допустим, она не поняла его речь абсолютно точно, то есть дословно, но тем не менее каким-то образом уловила суть сказанного или по крайней мере бóльшую часть, и этого оказалось достаточно, чтобы пробудить ее любопытство и интерес.

Господь свидетель, если собака поняла назначение вопросительного знака, следовательно, она способна мыслить абстрактно! Само понятие простых символов вроде букв ал-

фавита, цифр, вопросительного и восклицательного знаков, служащих для передачи сложных идей, – все это требует наличия абстрактного мышления. А абстрактное мышление присуще только одному виду на земле: человеческому. Этот золотистый ретривер явно не относился к данному виду, однако ему каким-то чудом удалось овладеть интеллектуальными навыками, недоступными для всех остальных представителей животного мира.

Трэвис был ошеломлен. Но знак вопроса был изображен явно не случайно. Грубо, но не случайно. Собака наверняка уже где-то видела этот символ и была обучена понимать его значение. Согласно теории вероятностей, имеется шанс, что бесконечное число обезьян, снабженных бесконечным числом пишущих машинок, способно со временем воссоздать каждую строку великой английской литературы. Однако, по прикидкам Трэвиса, шанс, что собака могла чисто случайно за две минуты сложить из печенья знак вопроса, еще менее вероятен, чем способность этих чертовых обезьян воссоздать пьесы Шекспира.

Собака выжидающе смотрела на Трэвиса.

Встав со стула, Трэвис обнаружил, что у него слегка дрожат ноги. Он подошел к тщательно составленной фигуре, раскидал по полу печенье и снова сел.

Ретривер оглядел разбросанное печенье и, с озадаченным видом обнюхав его, вопросительно посмотрел на Трэвиса.

Трэвис ждал.

В доме стало неестественно тихо, как будто для всех живых существ и неодушевленных вещей на земле ход времени внезапно остановился, но только не для Трэвиса и ретривера.

Наконец ретривер принялся еще раз передвигать печенье носом. Через минуту-другую на полу вновь появился вопросительный знак.

Трэвис жадно глотнул пива. Сердце бешено стучало. Ладони стали потными. Душу переполняли смешанные чувства: изумление и тревога, ликование и страх неизведанного. Священный трепет и растерянность. Трэвису хотелось смеяться. Ему никогда не приходилось встречать такого восхитительного создания, как эта собака. А еще ему хотелось плакать, потому что всего несколько часов назад жизнь казалась беспросветной, унылой и бессмысленной. Только сейчас он понял, что жизнь при всей ее жестокости тем не менее бесценна. Трэвис буквально чувствовал: эта собака послана ему Богом, чтобы заинтриговать его, напомнить, что мир полон сюрпризов и не стоит впадать в отчаяние, не осознав цель – и неведомые возможности – своего существования. Трэвису хотелось хохотать, но смех вдруг превратился в истерические всхлипывания. Он попытался встать, но ноги подкашивались еще сильнее, чем прежде, поэтому он сделал единственно возможную вещь: остался сидеть и пить пиво.

Собака, настороженно наклонившая голову сперва на один бок, затем – на другой, смотрела на Трэвиса так, будто решила, что он сошел с ума. Он действительно сошел с ума.

Много месяцев назад. Но сейчас уже шел на поправку.

Поставив на стол банку с пивом, Трэвис ребром ладони смахнул слезы:

– Иди сюда, мохнатая морда.

Ретривер нерешительно потоптался на месте, но потом все-таки подошел.

Трэвис взъерошил ему шерсть, почесал за ушами:

– Ты удивляешь и пугаешь меня. Я не знаю, откуда ты взялся и почему стал таким, каким есть, но ты появился очень вовремя. Вопросительный знак, а? Господи Иисусе! Ну ладно. Ты хочешь знать, из-за чего я потерял радость и смысл жизни? Я тебе расскажу. Богом клянусь, обязательно расскажу! Я возьму себе еще пива и буду рассказывать собаке историю своей жизни. Но сперва... Сперва я должен дать тебе имя.

Ретривер фыркнул, словно желая сказать: «Что ж, самое время».

Взяв собаку за голову, Трэвис заглянул ей прямо в глаза:

– Эйнштейн. Отныне, мохнатая морда, тебя будут звать Эйнштейн.

4

Стрек снова позвонил в 21:10.

Нора схватила трубку после первого звонка, Она была настроена дать Стреку решительный отпор и сказать ему, что-

бы оставил ее в покое, но по какой-то непонятной причине в очередной раз словно проглотила язык.

Он произнес отвратительно интимным тоном:

– Ты по мне соскучилась, куколка? А? Хочешь, я прямо сейчас к тебе приду и буду твоим мужчиной?

Нора повесила трубку.

Что со мной не так? – думала она. Почему я не могу сказать ему, чтобы больше не смел мне досаждать?

Быть может, ее немота объяснялась тайным желанием, чтобы мужчина – любой мужчина, даже такой отвратительный, как Стрек, – назвал ее хорошенькой. И хотя Стрек был явно не из тех, кто способен на любовь и нежность, слушая его, Нора могла представить, каково это – слышать ласковые слова из уст *хорошего* человека.

– Нет, ты вовсе не хорошенькая, – сказала она себе. – И никогда такой не будешь, так что кончай маяться дурью. В следующий раз, когда он позвонит, пошли его к черту.

Встав с кровати, Нора прошла по коридору в ванную комнату, где висело зеркало. По примеру Виолетты Девон Нора не терпела зеркал нигде, кроме ванных комнат. Нора не любила свое отражение – ее расстраивало то, что она видела.

Однако сегодня вечером она решила посмотреть на себя повнимательнее, так как лезть Стрека, холодная и расчетливая, разбудила ее любопытство. И не то чтобы она рассчитывала увидеть свои скрытые достоинства, которых не замечала раньше. Конечно нет. Превратиться за одну ночь из гад-

кого утенка в прекрасного лебедя... Об этом можно было только мечтать. Нет, Нора, скорее, хотела еще раз убедиться в своей непривлекательности. Непрошенный интерес Стрека пугал девушку. Она давно смирилась со своей заурядностью и одиночеством, поэтому ей всего лишь хотелось убедиться, что Стрек, который явно над ней смеялся, не зайдет слишком далеко и, ограничившись угрозами, не нарушит ее мирного существования. По крайней мере, именно так она себе говорила, включив свет в ванной комнате.

Узкая комната была от пола до потолка отделана голубым кафелем с белым бордюром. Огромная ванна на звериных лапах. Фарфоровые и латунные краны и арматура. Кое-где потемневшее от времени большое зеркало.

Она посмотрела на свои волосы, которые Стрек назвал красивыми, темными и блестящими. Однако волосы были тусклыми, без естественных светлых прядей. Они показались ей не блестящими, а просто жирными, хотя она утром мыла голову.

Она посмотрела на свой лоб, скулы, нос, губы, подбородок. Неуверенно провела рукой по лицу, но не обнаружила ничего такого, что могло бы заинтересовать мужчину.

В конце концов она неохотно заглянула в отражавшиеся в зеркале глаза, которые Стрек назвал восхитительными. Они были скучного серого цвета. Норе не удалось выдержать собственный взгляд дольше нескольких секунд. Глаза словно подтверждали ее низкую самооценку. И все же... в своих

глазах она увидела искры тлеющего гнева. Гнев этот тревожил Нору, поскольку был ей несвойствен. Но как, как можно было позволить себе превратиться в такое?! Конечно, все это было ужасно глупо, потому что такой ее сделала природа – маленькой серенькой мышкой, – и тут уж ничего не попишешь.

Отвернувшись от зеркала в темных пятнах, Нора почувствовала укол разочарования. Осмотр не принес ей ни сюрпризов, ни откровений. И все же ее неприятно поразила собственная реакция. Нора стояла в дверях, решительно не понимая, откуда у нее такая каша в голове.

Неужели ей действительно хотелось нравиться Стреку? Конечно нет. Он был странным, опасным, нездоровым. И меньше всего Норе хотелось ему нравиться. Она, возможно, не возражала бы, если бы какой-нибудь другой мужчина посмотрел на нее с интересом, но только не Стрек. Она должна упасть на колени и возблагодарить Бога за то, что создал ее такой, ибо будь она чуть-чуть привлекательнее, Стрек наверняка осуществил бы свои угрозы. Он бы явился сюда, изнасиловал ее... а потом, наверное, убил. Кто знает, чего можно ожидать от таких мужчин? Кто знает, насколько далеко Стрек способен зайти? Нора волновалась из-за того, что ее могут убить, отнюдь не потому, что была нервной старой девой, по крайней мере не на сей раз: просто во всех газетах только об этом и писали.

Вспомнив, что она абсолютно беззащитна, Нора поспеши-

ла в спальню, где оставила разделочный нож.

5

Большинство людей верят, что психоанализом можно излечить все печали. Они уверены, что справятся с трудностями и достигнут душевного спокойствия, если сумеют постичь собственную психологию и найти причину своего плохого настроения и самоубийственного поведения. Однако Трэвис знал, что это не его случай. Трэвис годами прилежно занимался самоанализом и давным-давно понял, почему стал одиноким волком, неспособным заводить друзей. Но несмотря на достигнутое прозрение, так и не смог изменить-ся.

И вот теперь, когда стрелки часов приближались к полуночи, Трэвис, расположившись на кухне с очередной банкой пива в руках, рассказывал Эйнштейну об эмоциональной изоляции, на которую сам себя обрек. Эйнштейн неподвижно, ни разу не зевнув, сидел перед Трэвисом и, казалось, внимательно слушал его рассказ.

— Я рос очень одиноким ребенком, чуть ли не с раннего детства, хотя нельзя сказать, чтобы у меня совсем не было друзей. Просто я всегда предпочитал одиночество. Таким уж я уродился. Короче, когда я был маленьким, то еще не понимал, что дружить со мной — значит подвергать себя опасности.

Мать Трэвиса умерла, дав ему жизнь, и он знал об этом с раннего детства. Со временем смерть матери стала казаться Трэвису зловещим предзнаменованием того, что ждет его впереди. И это сыграло свою роковую роль, но только позже. Ребенком Трэвис еще не ощущал тяжкого бремени вины.

Правда, до тех пор, пока ему не стукнуло десять лет. Именно тогда умер его брат Гарри. Двенадцатилетний Гарри был на два года старше Трэвиса. Как-то в июне, в понедельник утром, Гарри уговорил Трэвиса пойти на пляж в трех кварталах от дома, хотя отец категорически запретил им ходить одним на море. В этой закрытой бухте, где не было официальных спасателей, в тот день никто, кроме них, не купался.

– Гарри подхватило подводным течением, – сказал Трэвис Эйнштейну. – Мы были в воде вместе, нас разделяло не более десяти футов, но проклятое течение засосало под воду именно его, а меня не тронуло. Я даже поплыл за ним, попытался спасти, и, по идее, меня должно было унести тем же самым течением, но, подхватив Гарри, оно, похоже, изменило направление. В итоге я вышел из воды целым и невредимым. – Трэвис перевел взгляд на столешницу кухонного стола, но видел перед собой не красный пластик, а бурное, вероломное сине-зеленое море. – Я любил старшего брата больше всех на свете.

Эйнштейн тихо заскулил, словно в знак сочувствия.

– Никто не винил меня в том, что случилось с Гарри. Ведь

из нас двоих он был старшим. И в сущности, ему следовало проявить ответственность. Но я считал, что, если течение унесло Гарри, оно должно было унести и меня тоже.

С запада подул ночной ветер, в ответ где-то задребезжало оконное стекло.

Сделав очередной глоток пива, Трэвис продолжил:

– В четырнадцать лет мне ужасно хотелось поехать летом в теннисный лагерь. В то время я здорово увлекся теннисом. Итак, папа записал меня в лагерь неподалеку от Сан-Диего. Целый месяц интенсивной подготовки. Он повез меня туда в воскресенье, но до места мы так и не добрались. Чуть севернее Оушенсайда какой-то дальнобойщик заснул за рулем, его грузовик выехал на встречу и смял нашу машину. Папа погиб на месте. Сломанная шея, пробитый череп, вдавленная грудь. Я сидел на переднем сиденье рядом с отцом, но отделался лишь несколькими порезами, синяками и двумя сломанными пальцами.

Собака внимательно смотрела на Трэвиса.

– Совсем как тогда с Гарри. Мы должны были оба умереть, мой отец и я, но я каким-то чудом спасся. И мы никогда не оказались бы на том проклятом шоссе, если бы не мой теннисный лагерь. Так что на сей раз деваться было некуда. Быть может, меня нельзя было обвинить в смерти матери во время родов и, быть может, нельзя было заклеить за гибель Гарри, но на этот раз... Так или иначе, хотя в том не было моей вины, я понял, что проклят и приношу людям несчастья, а

значит, им опасно слишком близко ко мне приближаться. И все, кого я любил, по-настоящему любил, были обречены на смерть. Что было ясно как день.

Только ребенок мог поверить, будто цепь трагических событий объяснялась тем, что он стал ходячим несчастьем. Правда, Трэвис в то время и был ребенком, четырнадцатилетним ребенком, и никакое другое объяснение не подходило так хорошо. По молодости лет Трэвис не мог понять, что безжалостную силу судьбы зачастую невозможно описать в логических терминах, подогнав под привычную схему. Но тогда Трэвису необходимо было найти эту логику, ведь иначе он бы не справился с чередой обрушившихся на него несчастий. Поэтому он внушил себе, что над ним довлеет проклятие и если он с кем-нибудь подружится, то неминуемо обречет этого человека на смерть. Будучи по природе своей интровертом, он с легкостью ушел в себя, научившись довольствоваться собственным обществом.

В двадцать один год он окончил колледж, став к тому времени убежденным одиночкой. Правда, с возрастом у него выработался более разумный взгляд на смерть матери, брата и отца. Трэвис больше не считал себя проклятым и не винил себя в том, что случилось с его семьей. Он оставался интровертом, без закадычных друзей, отчасти потому, что утратил способность заводить зрелые отношения, а отчасти потому, что не хотел страдать из-за потери близких ему людей.

– Привычка и самозащита позволили мне сохранять эмо-

циональную изоляцию, – объяснил Трэвис Эйнштейну.

Собака встала и, преодолев разделяющие их несколько футов, подошла к Трэвису. Пристроившись у него между ног, она положила голову ему на колени.

Погладив Эйнштейна, Трэвис продолжил:

– Я понятия не имел, чем хотел заняться после колледжа, но в то время проходил призыв на военную службу, и я пошел добровольцем. Я выбрал армию. Спецназ. Мне нравилось. Возможно, из-за... чувства боевого братства. Ведь я был вынужден завести друзей. Понимаешь, я делал вид, будто не хочу ни с кем сближаться, но мне пришлось, поскольку я сам поставил себя в ситуацию, когда это оказалось неизбежным. Итак, я решил сделать военную карьеру. А когда сформировалась антитеррористическая группа – отряд «Дельта», я наконец определился. Парни из «Дельты» были крутыми, настоящими друзьями. Они звали меня Немой и Харпо¹, поскольку я был не слишком разговорчивым, но вопреки своей натуре я все-таки обзавелся друзьями. Затем, в ходе нашей одиннадцатой операции, мой отряд перебросили в Афины, чтобы освободить посольство США от захватившей его группы палестинских террористов. Они уже убили восемь сотрудников посольства и продолжали убивать по одному человеку в час, отказываясь от переговоров. Мы атаковали внезапно, исподтишка, это был полный провал. Они

¹ Адольф Артур Маркс, более известный как Харпо Маркс, – американский актер, комик, участник комедийной труппы «Братья Маркс».

расставили везде мины-ловушки. Девять человек из моего отряда погибли. Я оказался единственным уцелевшим. С пулей в бедре. Со шрапнелью в заднице. Но уцелевшим.

Эйнштейн поднял голову.

Трэвису показалось, будто он увидел сочувствие в глазах собаки. Возможно, потому, что хотел его увидеть.

– Это случилось восемь лет назад, когда мне было двадцать восемь. Я демобилизовался. Вернулся домой в Калифорнию. Получил лицензию риелтора, потому что отец продавал недвижимость, а я понятия не имел, чем еще заняться. Я вполне преуспел, возможно, потому, что мне было плевать, купят ли дома, которые я показывал. Короче, я не давил на покупателей и не торговался. На самом деле я настолько преуспел, что стал брокером, открыл свой офис, нанял менеджеров по продаже недвижимости.

Именно так Трэвис познакомился с Полой. Пола была высокой красавицей-блондинкой, умной и забавной. Она была одним из лучших менеджеров по продаже и частенько шутила, что в прежней жизни, наверное, представляла интересы голландских колонистов, купивших у индейцев Манхэттен в обмен на бусы и безделушки. Она по уши влюбилась в Трэвиса. О чем ему так и сказала: «Мистер Трэвис, сэр, я по уши влюблена. Полагаю, дело в вашей мужественной сдержанности и немногословности. И мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то так удачно подражал Клинту Иствуду». Поначалу Трэвис ее отверг. Нет, он не верил, что принесет

Поле несчастье, по крайней мере, на сознательном уровне. Он отнюдь не собирался вспоминать детские суеверия, но тем не менее боялся подвергать себя риску очередной утраты. Несмотря на нерешительность Трэвиса, Пола проявила завидную настойчивость, и со временем он был вынужден признать, что влюблен в нее. Причем настолько, что поведал ей о своей игре в пятнашки со Смертью, о чем еще не рассказывал ни одной живой душе. «Послушай, – ответила Пола. – Тебе вряд ли придется меня оплакивать. Кто-кто, а я точно тебя переживу, поскольку не умею держать при себе свои чувства. И всегда срываю злость на окружающих. Так что я наверняка укорочу *твою* жизнь как минимум на десяток лет».

Четыре года назад они поженились, ограничившись скромной церемонией в зале суда. Это произошло летом, после тридцать второго дня рождения Трэвиса. Он любил ее. Господь свидетель, как он ее любил!

И, уже обращаясь к Эйнштейну, Трэвис сказал:

– Мы этого не знали, но у нее был рак. Уже тогда, в день свадьбы. Десять месяцев спустя она умерла.

Собака снова положила голову Трэвису на колени.

Трэвис замолчал, он не мог говорить.

Он глотнул еще пива.

Погладил пса по голове.

И наконец продолжил:

– После этого я попытался жить, как обычно. Гордился

собой, что продолжаю идти вперед, готов ко всему, держу хвост пистолетом и прочая хрень. Еще с год я занимался своим агентством недвижимости. Но все это больше не имело смысла. Два года назад я продал агентство. Получил неплохой доход из своих инвестиций. Перевел все в наличность и положил в банк. Снял этот дом. Провел последние два года... в мрачных раздумьях. И я не находил себе места. Тебя это не удивляет, а? Не находил себе места. Все вернулось на круги своя. Ко мне вернулись мои детские страхи. Я снова поверил, что приношу несчастье любому, кто со мной сблизится. Но ты изменил меня, Эйнштейн. Изменил буквально за один день. Богом клянусь! Похоже, тебя специально ко мне послали, чтобы показать, что мир полон загадок, странностей и чудес. И только круглый дурак способен сознательно от этого отказаться и позволить, чтобы жизнь прошла мимо.

Собака снова подняла на него глаза.

Трэвис взял банку пива, но она оказалась пустой.

Эйнштейн подошел к холодильнику и принес новую.

Взяв у собаки банку, Трэвис продолжил:

– И вот теперь, когда ты знаешь мою печальную историю, что ты по этому поводу скажешь? Думаешь, это мудро с твоей стороны оставаться со мной? Думаешь, ты в безопасности?

Эйнштейн твякнул.

– Это значит «да»?

Эйнштейн перекатился на спину, подставив Трэвису живот, совсем как тогда, когда позволил надеть на себя ошейник.

Трэвис отставил пиво, встал со стула, сел на пол и погладил собаку по животу:

– Ладно. Но только не вздумай у меня умирать, черт бы тебя побрал! Только попробуй!

6

Телефон в доме Норы Девон зазвонил снова в одиннадцать вечера.

Это был Стрек:

– Ты уже в кроватке, куколка?

Она не ответила.

– Хочешь, чтобы я был там с тобой?

После последнего звонка Стрека Нора много думала, как его осадить, и ей в голову пришло несколько угроз, которые, по ее мнению, могли сработать.

– Если вы не оставите меня в покое, я заявлю на вас в полицию.

– Нора, а ты спишь голышом?

Нора сидела в постели. После этих слов она выпрямилась и еще больше напряглась:

– Я пойду в полицию и скажу, что вы пытались... взять меня силой. Непременно пойду, клянусь!

– Мне бы хотелось увидеть тебя голенькую, – пропустив угрозу мимо ушей, произнес Стрек.

– Я солгу. Скажу, что вы меня изнасиловали.

– Нора, а ты хочешь почувствовать мои руки на своей груди?

Тупые спазмы в животе заставили Нору согнуться.

– Я попрошу телефонную компанию поставить прослушивающее устройство на мою линию, чтобы получить доказательства.

– Нора, хочешь, я покрою твоё тело поцелуями? Ну разве не чудесно?

Спазмы усилились. Нору тряслась как осиновый лист. И тогда дрогнувшим голосом она пустила в ход последнюю угрозу:

– У меня есть оружие. У меня есть оружие.

– Сегодня ночью ты будешь мечтать обо мне, Нора. Уверен, что будешь. Будешь представлять, как я целую тебя везде-везде. Осыпаю поцелуями твоё прекрасное тело...

Нора швырнула трубку.

Перекатившись на край кровати, Нора съежилась, подтянула коленки к груди, обняла себя за плечи. Природа спазмов была явно нефизиологической. Чисто эмоциональная реакция, вызванная страхом, стыдом, яростью и диким разочарованием.

Боль постепенно утихла. Страх улегся, осталась лишь ярость.

Нора была убийственно невинной, она совершенно не знала жизни, не умела общаться с людьми, а потому могла нормально функционировать лишь в четырех стенах этого дома, в своем замкнутом мирке, без каких-либо внешних контактов. Социальные связи были для нее темным лесом. Она даже не смогла поддержать беседу с Гаррисоном Дилвортом, адвокатом тети Виолетты, а теперь адвокатом Норы, во время их встречи для урегулирования наследственных дел. Нора отвечала на вопросы адвоката предельно лаконично, не поднимая глаз, и смущенно ломала лежавшие на коленях холодные руки. Она боялась собственного адвоката! Если она стеснялась такого милого человека, как Гаррисон Дилворт, где уж ей было справиться с Артом Стреком, этим грязным животным?! Она больше никогда не осмелится впустить мастера в дом. Гори оно все огнем! Ей придется жить в нарастающем хаосе и мерзости запустения, потому что следующий ремонтный рабочий, возможно, окажется еще одним Стреком, а может, и того хуже. По заведенному тетей Виолеттой порядку продукты им доставляли на дом из ближайшего супермаркета, так что Норе не приходилось ходить по магазинам, однако сейчас она уже не рискнет впустить посыльного в кухню, хотя его поведение ни в малейшей степени не было агрессивным, двусмысленным и оскорбительным. И все же однажды он может обнаружить беззащитность Норы, которую заметил Стрек...

Нора ненавидела тетю Виолетту.

Хотя, с другой стороны, тетя Виолетта была права: Нора родилась мышкой. И как и все мышки, она была обречена бежать, прятаться и скрываться в темноте.

Ярость улеглась так же, как и спазмы в животе.

Злость уступила место острому чувству одиночества, и Нора тихонько заплакала.

Уже позже, сидя в кровати, вытирая красные глаза «Клинексом» и сморкаясь, Нора отважно поклялась себе, что не станет затворницей. Так или иначе, она найдет в себе силы чаще, чем раньше, устраивать вылазки во внешний мир. Она будет встречаться с людьми. Познакомится с соседями, которых Виолетта старательно избегала. Заведет друзей. Ей-богу, заведет! И она, Нора, не позволит Стреку себя запугать. Она научится справляться с другими проблемами, которые непременно возникнут, и со временем станет новым человеком. Зарок. Священная клятва.

Нора подумала было о том, чтобы отключить телефон, разрушив тем самым планы Стрека, но побоялась, поскольку телефон мог ей понадобиться. А что, если она проснется, услышит, что в доме кто-то есть, но не сможет быстро вставить шнур в розетку?

Прежде чем выключить свет и расстелить кровать, она подперла не запирающуюся дверь спальни креслом, заклинив им дверную ручку. Уже лежа в кровати, Нора нащупала в темноте разделочный нож, оставленный на тумбочке, и немного успокоилась, когда рука, накрывшая нож, не дрог-

нула.

Нора лежала на спине, сна не было ни в одном глазу. Бледный янтарный свет уличных фонарей просачивался сквозь оконные ставни. Потолок пересекали чередующиеся черные и золотые полосы, словно огромный тигр застыл в прыжке над кроватью. И Нора задумалась, сможет ли она теперь когда-нибудь спокойно спать.

А еще она задумалась, сможет ли найти в большом мире вокруг, куда она поклялась себе открыть дверь, хоть кого-нибудь, кому будет небезразлична и кто сумеет о ней позаботиться. Неужели там не найдется никого, кто способен полюбить и не обижать мышку?

Где-то вдалеке заунывно пропел в ночи гудок поезда. Замогильный, холодный, скорбный звук.

7

Винс Наско еще никогда в жизни не был так занят. Или так счастлив.

Когда он позвонил по привычному номеру телефона в Лос-Анджелесе, чтобы сообщить об успешной операции в доме Ярбеков, его направили к другому телефону-автомату. На этот раз расположенному между магазином с замороженными йогуртами и рыбным рестораном в Бальбоа-Айленд, Ньюпорт-Харбор.

С ним на связь вышла женщина с очень сексуальным го-

лосом, грудным и в то же время девичьим. Она очень осторожно говорила об убийстве, не употребляя уличающих ее слов, но используя экзотические эвфемизмы, которые нельзя будет инкриминировать в суде. Женщина звонила из другого телефона-автомата, выбранного наугад, чтобы практически исключить все шансы кого-либо из них подловить. Ведь это был мир Большого Брата, где люди уже не осмеливались рисковать.

У женщины имелась для Винса очередная работа. Третья за день.

И пока Винс наблюдал за тем, как по узкой улочке мимо него медленно течет вечерний поток машин, женщина, которую он никогда не видел и имени которой не знал, диктовала ему адрес доктора Альберта Хадстона в Лагуна-Бич. Хадстон жил с женой и шестнадцатилетним сыном. Обоих супругов Хадстон следовало устранить, а вот судьба сына была в руках Винса. Если парнишка останется в стороне, что ж, отлично. Но если он увидит Винса и, таким образом, может стать свидетелем, его также придется убрать.

– На ваше усмотрение, – сказала женщина.

Винс уже твердо знал, что ликвидирует парнишку. Ведь чем моложе была жертва, тем больше пользы приносило убийство, поскольку подзаряжало Винса более мощной энергией. Винсу уже давненько не приходилось убивать молодых, и открывшаяся перед ним перспектива до крайности возбуждала его.

– Хочу обратить ваше внимание, – сказала женщина, будоража Винсента хриплыми паузами, – что этот заказ должен быть выполнен максимально оперативно. Мы желаем завершить сделку сегодня вечером. К завтрашнему утру наши конкуренты узнают, что мы собираемся проверить, и встанут у нас на пути.

Винс знал, что под конкурентами она имеет в виду полицию. Ему заплатили за убийство трех докторов в течение одного дня – именно *докторов*, причем за всю свою жизнь он не убил даже одного доктора. Из чего Винс сделал вывод, что их что-то объединяет и копы тотчас же обнаружат связь, как только найдут труп Уэзерби в багажнике его автомобиля и Элизабет Ярбек, забитую до смерти в собственной спальне. Винс понятия не имел, что связывает этих двоих, поскольку он вообще ничего не знал о людях, которых ему предстояло убить, да, в сущности, и не хотел знать. Меньше знаешь, крепче спишь. Однако копы могут связать Уэзерби с Ярбек, а их двоих – с Хадстоном, поэтому если Винс не доберется сегодня вечером до Хадстона, то уже завтра полиция обеспечит ему охрану.

Винс спросил:

– У меня вопрос... Вы желаете, чтобы сделка прошла в той же манере, что и две предыдущие? Вам нужен определенный почерк?

Может, ему следует сжечь дотла дом Хадстона, чтобы скрыть убийства?

– Да, мы действительно желаем, чтобы все было выполнено в одной манере, – ответила женщина. – Так же, как в двух других случаях. Мы хотим, чтобы они *знали*, что мы не сидим сложа руки.

– Понимаю.

– Мы хотим щелкнуть их по носу. – Женщина тихо рассмеелась. – Насыпать им соль на раны.

Винс повесил трубку и отправился обедать в «Веселый Роджер». Он заказал овощной суп, гамбургер, картофель фри, луковые колечки, капустный салат, шоколадный торт с мороженым и – по зрелом размышлении – яблочный пирог. Все это он запил пятью чашками кофе. Винс всегда любил плотно поесть, но после выполненной работы у него появлялся зверский аппетит. И действительно, прикончив пирог, он понял, что еще не наелся. Что было вполне понятно. В течение одного крайне насыщенного дня Винс поглотил жизненную энергию Дэвиса Уэзерби и четы Ярбек и теперь был совсем как двигатель гоночного автомобиля. Его метаболизм работал на повышенной передаче, и Винсу требовалось больше топлива, пока его тело не запасет в биологических аккумуляторах достаточно жизненной энергии для дальнейшего использования.

Способность поглощать жизненную энергию жертвы была Даром, отличавшим Винса от всех остальных мужчин. Благодаря Дару он всегда будет сильным, энергичным, проворным. И будет жить вечно.

Винс держал в тайне свой чудесный Дар и от женщины с грудным голосом, и от тех, на кого работал. Найдется не слишком много людей с богатым воображением, способных серьезно и объективно отнестись к такому потрясающему таланту. Винс держал свой секрет при себе из опасения, что его примут за сумасшедшего.

Он немного постоял на тротуаре у ресторана, дыша полной грудью и наслаждаясь соленым морским воздухом. Со стороны гавани дул свежий ночной ветер, гонявший по тротуару скомканные бумажки и фиолетовые цветки палисандра.

Винс чувствовал себя бесподобно. Ему казалось, что он такая же сила стихии, как волны и ветер.

Покинув Бальбоа-Айленд, он поехал на юг в сторону Лагуна-Бич. В двадцать три двадцать он припарковал свой минивэн через улицу от дома Хадстона. Дом стоял на горе. Одноэтажное здание, прилепившееся к крутому склону, чтобы максимально использовать вид на океан. В двух окнах горел свет.

Винс перелез через сиденье, устроившись в задней части минивэна, подальше от посторонних глаз, и стал ждать, когда все семейство Хадстон ляжет спать. Покинув дом Ярбеков, Винс сменил деловой синий костюм на серые слаксы, белую футболку, красно-коричневый свитер и темно-синюю нейлоновую куртку. Винсу нечем было заняться в такой темноте, разве что достать из картонной коробки оружие, спря-

танное под двумя буханками хлеба, упаковкой туалетной бумаги и другими предметами, помогавшими создать впечатление, будто он едет из супермаркета.

«Вальтер Р-38» был полностью заряжен. Закончив работу в доме Ярбеков, Винс навинтил на ствол новый глушитель, уже более короткий, который, спасибо революции в области высоких технологий, был вдвое короче старой модели. Винс отложил пистолет в сторону.

Еще у него был шестидюймовый пружинный нож. Винс положил нож в правый передний карман штанов.

Свернув тугим кольцом проволочную гарроту, Винс сунул ее в левый внутренний карман куртки.

А еще у него была дубинка, утяжеленная свинцовой дробью. Дубинка отправилась в правый наружный карман куртки.

Винс не собирался использовать ничего, кроме пистолета. Но ему нравилось быть готовым к любым неожиданностям.

Для выполнения некоторых работ Винс использовал пистолет-пулемет «узи», нелегально переделанный для автоматической стрельбы. Однако для сегодняшнего задания тяжелое вооружение явно не требовалось.

У Винса также была с собой кожаная сумка, в половину меньше бритвенного набора, с отмычками. Винс не стал проверять отмычки. Скорее всего, они и не понадобятся, поскольку большинство людей относились на удивление беспечно к безопасности дома, оставляя двери и окна на ночь

открытыми, словно жили в XIX веке в квакерской деревушке.

В двадцать три сорок Винс просунул голову между передними сиденьями и посмотрел на окна в доме Хадстона. Свет нигде не горел. Значит, все уже были в постели.

Чтобы дать им время уснуть, Винс остался сидеть в задней части минивэна. Он ел шоколадный батончик и думал о том, как лучше потратить дополнительное вознаграждение за сегодняшний день.

Ему очень хотелось иметь джетборд «PowerSki», одно из тех умных приспособлений, которое позволяет кататься на водных лыжах без катера. Винс любил океан. Море притягивало Винса; прибой был его стихией, и Винс ощущал себя как никогда живым, сливаясь в едином порыве со вздымающимися темными массами воды. Он любил нырять с аквалангом, ходить под парусом и кататься на доске для серфинга. Подростком Винс больше времени проводил на берегу, нежели в школе. Он и сейчас время от времени катался на доске при высоком прибое. Но Винсу было двадцать восемь лет, и серфинг успел ему приестся, поскольку уже не так щекотал нервы, как раньше. Теперь Винс полюбил скорость. Он представлял, как мчится, подгоняемый ветром, подбрасываемый вверх накатывающими бурунами, на мощных лыжах по темной, аспидной, воде, объезжая Тихий океан, словно ковбой на родео необъезженную лошадь...

В четверть первого Винс вылез из минивэна. Засунув пи-

столет за пояс слаксов, он пересек притихшую, опустевшую улицу, подошел к дому Хадстона. Через незапертую деревянную калитку проник на боковое патио, освещенное лишь лунным светом, который просачивался через раскидистые ветви огромного кораллового дерева.

Остановившись, надел мягкие кожаные перчатки.

Раздвижная стеклянная дверь в лунных бликах соединяла патио с гостиной. Дверь была заперта. Карманный фонарик, извлеченный из сумки с отмычками, высветил деревянную рейку, положенную изнутри на полозья двери в целях защиты от взлома.

В отличие от большинства людей Хадстоны позаботились о безопасности своего жилья, но Винса это не волновало. Он приставил небольшую резиновую присоску к стеклу возле дверной ручки и вырезал круг алмазным резцом. Просунул руку в дыру и открыл задвижку. Затем вырезал еще один круг у порога и убрал с пути деревянную рейку, протолкнув ее под опущенные шторы и дальше в комнату.

Винсу не пришлось беспокоиться насчет собак. Женщина с сексуальным голосом сообщила ему, что у Хадстонов не было домашних животных. Винсу нравилось иметь дело именно с этими работодателями в первую очередь потому, что они всегда предоставляли полную и точную информацию.

Открыв дверь, Винс проскользнул через задвинутые шторы в темную гостиную. Секунду постоял, дав глазам приспособ-

собиться к мраку, прислушался. В доме царила мертвая тишина.

Сперва Винс нашел комнату мальчика. Комната освещалась лишь зеленым мерцанием цифр электронных радиочасов. Подросток лежал на боку, тихо похрапывая. Шестнадцать лет. Совсем молодой. Винс любил, когда они были совсем молодыми.

Винс обошел кровать и присел на корточки возле края, лицом к лицу со спящим. Зубами стащил перчатку с левой руки. Зажав пистолет в правой руке, он прижал дуло к ямке под подбородком парнишки.

Тот сразу проснулся.

Винс с силой ударил его левой рукой по лбу и выстрелил. Пуля пробила мягкие ткани подбородка, прошла через нёбо, попала в мозг. И все – мгновенная смерть.

Сссснп!

Мощный заряд жизненной энергии вырвался из мертвого тела и перешел к Винсу. Энергия была настолько чистой и живительной, что Винс даже постанывал от наслаждения, поглощая ее.

Какое-то время он сидел скрючившись возле кровати, не в силах двинуться с места. Вне себя от счастья. Задыхаясь. Наконец он поцеловал в темноте мертвого мальчика в губы и сказал:

– Принимаю. Спасибо. Я принимаю.

Бесшумно, как кошка, и столь же стремительно прокрав-

шись по дому, Винс быстро нашел хозяйскую спальню. Комнату освещали мерцающие цифры еще одних электронных часов и приглушенный свет ночника в ванной, просачивающийся через открытую дверь. Доктор и миссис Хадстон крепко спали. Сперва Винс убил ее...

Cсснан!

...даже не разбудив мужа. Она спала голая, поэтому, приняв от женщины жертву, Винс положил голову на ее обнаженную грудь и прислушался к безмолвию сердца. Он поцеловал соски и прошептал:

– Спасибо.

Когда он обошел кровать, включил прикроватный светильник и разбудил доктора Хадстона, тот поначалу ничего не понял. Но только пока не увидел открытые невидящие глаза жены. Он закричал и схватил Винса за руку. Винсу пришлось дважды ударить его по голове рукояткой пистолета.

Винс оттащил потерявшего сознание Хадстона, который тоже спал нагишом, в ванную комнату. И снова нашел пластырь, стянув им запястья и лодыжки доктора.

Наполнил ванну холодной водой и швырнул туда Хадстона. Ледяная вода привела доктора в чувство.

Хадстон, даже голый и связанный, попытался выпрыгнуть из ванны и наброситься на Винса.

Винс ударил его по лицу пистолетом и пихнул обратно в ванну.

– Ты кто? И что тебе нужно? – вынырнув из воды, бес-

связно пробормотал Хадстон.

– Я уже убил твою жену и твоего сына, а теперь собираюсь убить тебя.

Глаза Хадстона, казалось, провалились в его мокрое, одутловатое лицо.

– Джимми? О нет! Только не Джимми!

– Твой сын мертв, – констатировал Винс. – Я вышиб ему мозги.

Упоминание о сыне подкосило Хадстона. Он не зарыдал, не начал причитать, нет, никаких драматических жестов. Но глаза его стали мертвыми – буквально в один миг, вот так резко. Словно выключили свет. Он уставился на Винса, но уже без страха и злости.

– Предлагаю тебе две вещи на выбор: умереть легко или помучиться, – сказал Винс. – Ты скажешь мне все, что я хочу знать, и я позволю тебе умереть легко, быстро и без боли. Если станешь упорствовать и запираяться, то я буду вытягивать из тебя правду часов пять-шесть.

Доктор Хадстон молча смотрел на Винса. Если не считать ярких кровавых полос на мокром лице, его кожа была покрыта нездоровой бледностью, совсем как у какого-то глубоководного обитателя океанской бездны.

Винс надеялся, что парень не кататоник.

– Я хочу узнать, что у тебя общего с Дэвисом Уэзерби и Элизабет Ярбек.

Хадстон заморгал, сфокусировал взгляд на Винсе и спро-

сил хриплым дрожащим голосом:

– Дэвис и Лиз? О чем вы говорите?

– Ты их знаешь? – (Хадстон кивнул.) – Откуда ты их знаешь? Вместе ходили в школу? Жили когда-то по соседству?

Хадстон покачал головой:

– Мы... мы в свое время работали вместе в «Банодайне».

– А что это такое?

– «Банодайн лабораториз».

– И где это находится?

– Здесь, в округе Ориндж. – Хадстон назвал адрес в городе Ирвайне.

– А чем вы там занимаетесь?

– Научными исследованиями. Но я уволился десять месяцев назад. Уэзерби и Лиз все еще там работают, а вот я уже нет.

– Что за исследования такие? – спросил Винс, а когда Хадстон замаялся, добавил: – Быстро и безболезненно или долго и мучительно?

И доктор рассказал Винсу об исследовании, в котором он принимал участие в «Банодайне». Проект «Франциск». Эксперименты. Собаки.

История звучала невероятно. Винс заставил Хадстона три-четыре раза повторить некоторые подробности и наконец удостоверился, что все это чистая правда.

Убедившись, что из Хадстона больше ничего вытянуть не удастся, Винс выстрелил ему прямо в лицо, резко и реши-

тельно. Быстрая смерть, как и было обещано.

Cсссnan!

И уже в минивэне, двигаясь по окутанным ночной тьмой улицам Лагуна-Хиллз, подальше от дома Хадстона, Винс подумал о том, что вступил на опасную дорожку. Обычно он ничего не знал о своих объектах. Так было безопаснее для него и его работодателей. И как правило, Винс и не хотел знать, в чем провинились эти дураки и почему накликали беду на свою голову, поскольку понимал, что тем самым накличет беду уже на свою голову. Но тут была необычная ситуация. Ему заплатили за убийство трех докторов, но не врачей, как сейчас выяснилось, а ученых, причем уважаемых граждан, а также за убийство всех членов семей, которые случайно окажутся поблизости. Экстраординарный случай. В завтрашних газетах не хватит места для всех этих новостей. Происходит нечто очень важное, нечто настолько значительное, что Винсу может выпасть шанс, какой случается лишь раз в жизни, срубить столько бабла, что ему одному будет и не сосчитать. Деньги можно будет получить, продав секретную информацию, которую он вытянул из Хадстона... если, конечно, удастся найти нужного покупателя. Однако знания – это не только товар, но и источник неприятностей. Так уж повелось со времен Адама и Евы. Если его нынешние работодатели, дамочка с сексуальным голосом и двое других в Лос-Анджелесе, узнают, что он нарушил неписаный закон своего ремесла, если они узнают, что он, Винс, допрашивал

одну из жертв, прежде чем пустить ее в расход, то закажут самого Винса. Начнется охота на охотника.

Нет, Винс, конечно, не слишком беспокоился по поводу смерти. Он накопил в себе слишком много жизней. Жизней других людей. И теперь он живучее десяти кошек. Он будет жить вечно. Он был в этом абсолютно уверен. Но... черт, он не знал наверняка, сколько еще жизней ему нужно поглотить, чтобы обеспечить себе бессмертие. Иногда ему казалось, что он уже достиг состояния непобедимости, вечной жизни. Но иногда он чувствовал себя все еще уязвимым, а значит, ему необходимо было вобрать в себя еще больше жизненной энергии, чтобы стать небожителем. И пока он не будет знать наверняка, что взошел на Олимп, некоторая осторожность ему явно не помешает.

«Банодайн».

Проект «Франциск».

Если то, что сказал Хадстон, правда, то риск, который возьмет на себя Винс, окупится сторицей, когда он найдет нужного покупателя информации. Он, Винс, станет богачом.

8

Уэс Далберг вот уже десять лет жил один в каменной хижине в верхней части каньона Святого Джима, на восточной границе округа Ориндж. Единственным источником света служили бензиновые лампы «Коулман», а вода накачивалась

ручным насосом в кухонной раковине. Деревянный туалет, дверь которого была украшена вырезанным в ней полумесяцем (шутка), находился на улице, примерно в ста футах от хижины.

Уэсу было сорок два, но выглядел он старше. Его лицо обветрилось и задубело от солнца. В аккуратно подстриженной бороде просвечивала седина. Несмотря на обманчивую внешность, он находился в отличной физической форме, почти как у двадцатипятилетнего. Уэс искренне верил, что своим крепким здоровьем обязан близости к природе.

Восемнадцатого мая, во вторник вечером, Уэс сидел, потягивая домашнее сливовое вино, до часу ночи на кухне и в серебристом свете шипящей лампы читал роман Джона Д. Макдональда из цикла «Трэвис Макги». Уэс был, как он сам себя называл, асоциальным мизантропом, который родился не в том веке и которому от современного общества было мало проку. Однако Уэсу нравилось читать о Макги, потому что тот плавал в бурных водах этого грязного, мерзкого мира и никакое коварное течение не могло сбить его с курса.

Дочитав в час ночи книгу, Уэс вышел на улицу за дровами для очага. Раскачивающиеся на ветру ветви платанов отбрасывали на землю призрачные тени, шуршащие блестящие листья отражали бледный лунный свет. Где-то вдалеке были койоты, преследовавшие кролика или какую-то другую мелкую живность. В кустах пели на разные голоса насекомые, холодный ветер рыскал между макушками деревьев.

Дрова Уэс хранил в сарае, пристроенном к северной стене хижины. Уэс вынул колышек, запиравший щеколду двустворчатой двери сарая. Уэс настолько хорошо знал, где и как были сложены дрова, что мог на ощупь, в кромешной тьме, наполнить поленьями прочный жестяной лоток. Держа двумя руками лоток, он вынес его из сарая, поставил на землю и повернулся запереть двери.

Внезапно до Уэса дошло, что и койоты, и насекомые разом умолкли. И только ветер сохранил голос.

Нахмурившись, Уэс оглядел темный лес, обступивший небольшую поляну, где стояла хижина.

И услышал рычание.

Уэс всмотрелся в окутанный ночной мглой лес, который вдруг показался темнее, чем секунду назад, словно луна спряталась за тучу.

Рычание было низким и сердитым. За все десять лет своей отшельнической жизни Уэс еще такого не слышал.

Он был заинтригован, быть может, встревожен, но отнюдь не напуган. Он застыл на месте и прислушался. Прошла минута, все было тихо.

Закрыв на колышек щеколду двустворчатой двери, Уэс поднял лоток с дровами.

И снова услышал рычание. Затем все смолкло. Потом раздался треск сухих веток и шелест, скрип, хруст листьев под чьей-то тяжелой поступью.

Судя по звуку, нарушитель спокойствия был в тридцати

ярдах от дома. Чуть восточнее уличного туалета. Там, где уже был лес.

Существо зарычало снова, на сей раз громче. И ближе. Не более чем в двадцати ярдах от Уэса.

Однако Уэс по-прежнему не мог обнаружить источник звука. Дезертировавшая с поля боя луна продолжала прятаться за ажурной полоской облаков.

Уэс вслушался в это рычание – хриплое, утробное, но с визгливыми нотками, – и ему вдруг стало не по себе. Впервые за десять лет постоянного проживания в каньоне Святого Джима он вдруг понял, что ему угрожает опасность. Подхватив лоток, Уэс поспешил к кухонной двери в задней части дома.

Треск кустов стал громче. Лесное существо теперь двигалось проворнее, чем раньше. Черт, оно уже не шло, а бежало!

Уэс тоже побежал.

Рычание переросло в громкое злобное ворчание: жутковатая мешанина звуков, в которой слышался и лай собаки, и хрюканье кабана, и рык кугуара, и голос человека, а еще что-то совершенно иное и непонятное. Существо уже наступало Уэсу на пятки.

Стремительно обогнув угол хижины, Уэс раскачал лоток с дровами и метнул туда, где, по его прикидкам, находилось животное. Уэс услышал стук ударившихся о землю поленьев, звяканье покотившегося лотка, но рык становился все ближе и громче, и Уэс понял, что промахнулся.

Перепрыгнув через три ступеньки крыльца, Уэс распахнул кухонную дверь, вбежал внутрь, захлопнул за собой дверь. После чего задвинул щеколду – мера предосторожности, которой он не пользовался вот уже девять лет, с тех пор как понял, что в каньоне ему ничего не угрожает.

Затем Уэс прошел к передней двери и тоже запер ее на щеколду. Уэс сам удивился силе охватившего его страха. Даже если снаружи его подстерегало агрессивное животное – допустим, спустившийся с гор бешеный медведь, – оно не сможет открыть двери и войти в дом. Выходит, не было никакой нужды запираить двери на щеколды, но береженного Бог бережет. Уэс руководствовался инстинктами, а уж кому, как не ему, живущему в условиях дикой природы, было не знать, что инстинктам следует доверять, даже если они заставляют совершать иррациональные поступки.

Ладно, он был в безопасности. Ни одно животное не сможет открыть дверь. Медведь определенно не сможет, а скорее всего, это был медведь.

Но этот рык не был похож на рев медведя. Что больше всего и пугало Уэса Далберга: голос этого животного отличался от голоса любого рыскающего в здешних лесах зверя. Уэс хорошо изучил обитавших по соседству животных, изучил все их крики, завывания и прочие издаваемые ими звуки.

Комната освещалась лишь огнем очага, и в углах притаились зловещие тени. По стенам метались отблески пламени. Впервые за все это время Уэс пожалел, что в доме нет элек-

тричества.

У Далберга было охотничье ружье «ремингтон» 12-го калибра, с которым он ходил на мелкую дичь, чтобы разнообразить свой рацион питания, состоящий в основном из магазинных продуктов. Ружье лежало в кухне на полке. Уэс начал было подумывать о том, чтобы достать и зарядить ружье, однако теперь, сидя за закрытыми дверями, устыдился своего паникерства. Ей-богу, совсем как зеленый юнец! Совсем как толстозадый житель пригорода, поднимающий визг при виде полевой мышки. Если он, Уэс, сейчас закричит и хлопнет в ладони, то, скорее всего, отпугнет существо в кустах. Даже если первоначальная реакция и была обусловлена инстинктом, его действия явно не вписывались в созданный им образ несгибаемого скваттера. Если он возьмется за ружье прямо сейчас, когда в этом нет насущной необходимости, то наверняка потеряет изрядную долю самоуважения, что имело большое значение, поскольку единственное мнение об Уэсе Далберге, к которому Уэс Далберг прислушивался, было его собственное. Значит, никакого ружья.

Уэс рискнул подойти к большому окну гостиной. Окно было переделано кем-то, кто арендовал дом у Службы лесного хозяйства лет двадцать назад: старое узкое окно с частыми переплетами демонтировали, а в стене вырезали широкий проем, куда вставили большое окно со сплошным стеклом, чтобы любоваться открывавшимся видом на лес.

Посеребренные луной редкие облака мерцали на фоне

бархатной черноты ночного неба. Лунный свет, испещривший пятнами передний двор, отражался от капота и ветрового стекла хозяйского джипа «чероки», подчеркивая темные контуры наступавших на дом деревьев. Все, казалось, было окутано сном, и только легкий ветерок кое-где покачивал ветви.

Уэс несколько минут вглядывался в притихший лес. И, не увидев и не услышав ничего необычного, решил, что животное ушло прочь. С чувством облегчения, смешанного с некоторой долей стыда, Уэс собрался было отойти от окна, но внезапно заметил какое-то движение возле джипа. Уэс пригляделся, ничего не увидел и минуту-другую продолжал наблюдать. Но когда он решил, что все это ему лишь приместилось, движение повторилось: возле джипа определенно кто-то был.

Уэс наклонился к окну.

Что-то стремительно несло по двору в сторону хижины, совсем низко от земли. А лунный свет вместо того, чтобы выявить врага, делал его еще более бесформенным и таинственным. Существо явно нацелилось на хижину и внезапно – силы небесные! – оказалось в воздухе. Рассекая тьму, оно летело прямо на Уэса, тот вскрикнул, и уже через мгновение существо вихрем влетело в большое окно. Уэс заорал, но крик тотчас же оборвался.

Трэвис никогда не был любителем выпить, а потому трех банок пива оказалось более чем достаточно, чтобы справиться с бессонницей. Он провалился в сон, едва успев положить голову на подушку. Ему снилось, будто он был шпрыхштал-мейстером в цирке, где все выступавшие животные умели говорить, а после каждого шоу он подходил к их клеткам, и животные делились с ним своим секретом, который он тотчас же забывал, как только переходил к очередной клетке, где его ждал очередной секрет.

В четыре утра Трэвис проснулся и увидел Эйнштейна у окна спальни. Пес поставил передние лапы на подоконник и, освещенный луной, напряженно смотрел в окно.

– Что случилось, малыш? – спросил Трэвис.

Эйнштейн покосился на хозяина и снова устремил взгляд в омытую луной ночь. Он тихо завыл, его уши слегка приподнялись.

– Там что, кто-то есть? – Трэвис встал с кровати и натянул джинсы.

Опустившись на все четыре лапы, Эйнштейн выбежал из спальни.

Трэвис нашел его у окна в темной гостиной. Теперь пес вглядывался в ночную тьму с другой стороны дома.

Присев на корточки возле собаки, Трэвис положил руку

на широкую мохнатую спину:

– В чем дело? А?

Эйнштейн прижал морду к стеклу и нервно заскулил.

Трэвис не увидел ничего угрожающего ни на лужайке перед домом, ни на улице. И тут его осенило.

– Тебя беспокоит то существо, что преследовало нас утром в лесу?

Собака бросила на Трэвиса печальный взгляд.

– Так что ж там все-таки было в лесу? – спросил Трэвис.

Эйнштейн снова заскулил и встряхнулся.

Вспомнив о диком страхе собаки – и своем собственном – в предгорьях Санта-Аны, а также об охватившем его тогда суеверном чувстве, что их преследует нечто сверхъестественное, Трэвис содрогнулся. Он посмотрел в окно на спящую улицу. Заостренные контуры листьев финиковых пальм были окаймлены бледно-желтой полоской света от ближайшего фонаря. Порывистый ветер гонял по тротуару комочки пыли, опавшие листья и мусор, на несколько секунд ронял их обратно и оставлял лежать мертвым грузом, после чего подхватывал снова. Одиноким мотылек бился в стекло прямо перед лицом Трэвиса, ошибочно приняв за огонь отражение луны или уличного фонаря.

– Ты боишься, что он до сих пор идет по твоему следу? – спросил Трэвис.

Собака тихо тьякнула.

– Ну я так не считаю, – успокоил ее Трэвис. – Думаю, ты

не понимаешь, как далеко мы уехали на север. Мы ведь были на колесах, а ему придется топать ногами, что будет весьма затруднительно. Эйнштейн, кем бы он ни был, он остался далеко позади, в округе Ориндж, и ему ни за что не узнать, куда мы уехали. Можешь больше не беспокоиться. Понятно?

Ткнувшись носом в руку Трэвиса, Эйнштейн лизнул ее, словно в знак благодарности. Но затем снова посмотрел в окно и едва слышно заскулил.

Трэвису пришлось уговаривать пса вернуться в спальню. Ну а в спальне тот захотел полежать на кровати рядом с хозяином, и Трэвис, желая успокоить животное, не стал возражать.

Ветер стонал и шептал под свесом крыши коттеджа.

Время от времени в доме слышались привычные ночные шорохи и звуки.

Урчание двигателя, шелест шин. По улице проехал автомобиль.

Утомленный как эмоциональными, так и физическими перегрузками трудного дня, Трэвис быстро заснул.

Проснувшись на рассвете, Трэвис сквозь полудрему увидел, что Эйнштейн опять сторожит у окна, и сонно позвал собаку, устало похлопав рукой по матрасу. Однако Эйнштейн остался стоять на часах, и Трэвис снова провалился в сон.

Глава 4

1

На следующий день после стычки с Артом Стреком Нора Девон отважилась на продолжительную прогулку с намерением обследовать те районы города, которые раньше не видела. При жизни Виолетты они обычно ходили лишь на короткие прогулки раз в неделю. После смерти старухи Нора продолжала выходить на улицу, хотя и значительно реже, однако ни разу не отважилась отойти от дома дальше чем на шесть-восемь кварталов. Но сегодня она собиралась пойти гораздо дальше. Первый скромный шагок на длинном пути к свободе и самоуважению.

Прежде чем выйти из дому, Нора рассмотрела возможность легкого ланча в каком-нибудь выбранном наугад ресторане. Но она никогда не была в ресторане. И перспектива общения с официантом и приема пищи в обществе незнакомых людей страшила Нору. Поэтому она просто положила в бумажный пакетик яблоко, апельсин и два овсяных печенья. Она поест в одиночестве где-нибудь в парке. Даже это будет революционным прорывом. Мало-помалу, шаг за шагом.

Небо было безоблачным. Воздух теплым. Деревья с молодой зеленой листвой выглядели свежими; их ветви трепе-

тали от ветра, достаточно сильного, чтобы ослабить зной от палящего солнца.

Нора шла мимо ухоженных домов в том или другом испанском стиле и, с жадным любопытством рассматривая двери и окна, размышляла о людях, живущих в этих домах. Счастливы ли они? Или грустят? Любят ли друг друга? Какую музыку и какие книги предпочитают? Какую еду? Планируют ли провести каникулы на экзотических островах? Собираются ли пойти вечером в театр или в ночной клуб?

Она никогда раньше не думала о других людях, так как знала, что их пути никогда не пересекутся. Думать о них — пустая трата времени и сил. Но сейчас...

Когда кто-нибудь шел ей навстречу, Нора по привычке низко опускала голову и отворачивалась, но спустя какое-то время набралась мужества посмотреть прохожим в лицо. И удивилась, обнаружив, что большинство из них приветливо улыбаются и здороваются с ней.

Перед зданием окружного суда Нора остановилась полюбоваться желтыми бутонами юкки и малиновыми цветами бугенвиллеи, вьющейся по оштукатуренной стене, оплетая кованую чугунную решетку на одном из высоких окон.

Нора постояла на ступеньках старой приходской церкви миссии Санта-Барбара, восстановленной в 1815 году, разглядывая красивый фасад. Затем обошла внутренний двор со Священным садом и забралась на западную колокольню.

Девушка стала постепенно понимать, почему в некоторых

из множества прочитанных ею книг Санта-Барбару называли одним из красивейших мест на планете. Нора прожила здесь всю свою сознательную жизнь, но поскольку она безвылазно сидела в доме тети Виолетты, а выходя на улицу, не смела поднять глаз, то сейчас словно впервые увидела город. Город этот очаровал и одновременно потряс ее.

В час дня, в парке Аламеда, Нора села на скамью у пруда в тени трех развесистых финиковых пальм. У нее уже начали болеть ноги, но возвращаться домой было рано. Открыв бумажный пакет с ланчем, Нора достала желтое яблоко. Никогда еще еда не казалась ей такой вкусной. Чувствуя, что проголодалась, Нора быстро съела апельсин, кинула кожуру в мешок и уже принялась за овсяное печенье, как вдруг на скамейку возле нее плюхнулся Арт Стрек.

– Привет, куколка!

На нем были лишь голубые шорты для бега, кроссовки и толстые белые спортивные носки. Однако Стрек появился явно не после пробежки, поскольку даже не вспотел. Стрек был мускулистым, широкоплечим, дочерна загорелым, с ярко выраженным мужским началом. И в шорты он вырядился исключительно для того, чтобы продемонстрировать крепкое телосложение. Нора поспешно отвела глаза.

– Ты что, стесняешься? – спросил Стрек.

Нора не могла говорить, к языку прилип кусочек овсяного печенья, который она не успела проглотить. Во рту вдруг пересохло. Нора боялась, что подавится, если попытается про-

глотить печенье, но и выплюнуть его она тоже не могла.

– Моя милая, застенчивая Нора, – произнес Стрек.

Опустив глаза, Нора увидела, что правая рука, сжимавшая печенье, предательски дрожит. Печенье раскрошилось, кусочки упали на землю.

Нора убедила себя, что долгая прогулка – это первый шаг к освобождению от комплексов, но в данный момент ей пришлось признать, что у нее была совсем другая причина выйти из дому. Она просто пыталась избежать назойливого внимания Стрека. Она боялась оставаться дома, боялась, что Стрек будет звонить, звонить и звонить. Однако сейчас он нашел ее на открытом воздухе, где нет защиты в виде закрытых окон и запертых на засов дверей, что было хуже телефонных звонков, гораздо хуже.

– Посмотри на меня, Нора. – (Нет.) – Посмотри на меня.

Раскрошившееся печенье наконец выпало из ее правой руки.

Стрек взял Нору за левую руку, и Нора попыталась сопротивляться, тогда Стрек стиснул ее ладонь, сдавив кости пальцев, и Нора капитулировала. Он положил ее раскрытую ладонь на свое обнаженное бедро. Оно было твердым и горячим.

У Норы скрутило живот, участилось сердцебиение, она не знала, что случится раньше: ее стошнит или она потеряет сознание.

Стрек начал медленно водить ее ладонью вверх-вниз по

своему обнаженному бедру:

– Я именно тот мужчина, что тебе нужен, куколка. Я смогу о тебе позаботиться.

Овсяное печенье, словно комок глины, склеило рот. Нора наклонила голову, бросив взгляд исподлобья – посмотреть, что там вокруг. Она надеялась увидеть хоть кого-нибудь, к кому можно было бы обратиться за помощью, но рядом гуляли лишь две молодые мамы с маленькими детьми, хотя даже и они были слишком далеко, чтобы помочь.

Оторвав ладонь девушки от своего бедра, Стрек положил ее себе на голую грудь:

– Хорошо погуляла сегодня? Тебе понравилось в миссии? А? И разве цветы юкки у здания суда не прекрасны?

Наглым, самодовольным тоном Стрек продолжал расспрашивать Нору о вещах, которые она сегодня видела, и Нора поняла, что он весь день ее выслеживал – то ли на машине, то ли на своих двоих. Нора его не заметила, хотя он, без сомнения, там был, поскольку знал буквально о каждом ее шаге с тех пор, как она покинула дом, и это напугало и разъярило Нору даже больше, чем все, что он делал ранее.

Девушка часто и тяжело дышала, и тем не менее ей казалось, будто она задыхается. В ушах звенело, но она отчетливо слышала каждое его слово. И хотя Норе хотелось ударить Стрека и выцарапать ему глаза, она словно застыла на грани между возможностью и невозможностью сопротивляться – ярость придавала ей силы, а страх этой силы лишал.

— Ну что ж, — продолжал Стрек. — Ты отлично прогулялась, отлично перекусила в парке и расслабилась. Куколка, а ты знаешь, что тебе сейчас точно не помешало бы? Что сделало бы сегодняшний день действительно потрясающим? Запоминающимся? Мы сейчас сядем в мою машину, вернемся к тебе домой, поднимемся в твою желтую комнату, заберемся в твою кровать с балдахинном...

Он был в ее спальне! Судя по всему, он сделал это вчера. Когда он по идее должен был чинить в гостиной телевизор, он, наверное, пробрался наверх, ублюдок проклятый, бродил по ее спальне, покусившись на самое святое, рылся в чужих вещах!

— ...в эту большую старинную кровать, и там я тебя раздену, солнышко, раздену и хорошенько оттрахаю...

Нора так до конца и не сможет понять, что придало ей смелости: то ли чувство омерзения, возникшее из-за того, что Стрек осквернил ее святилище, то ли грязное выражение, которое впервые позволил себе этот негодяй, но она резко вскинула голову, обожгла Стрека яростным взглядом и плюнула ему в лицо непрожеванным печеньем. Капельки слюны и размокшие овсяные крошки прилипли к его правой щеке, правому глазу и крылу носа, застряли в волосах, усеяли лоб. Увидев сверкнувшую в его глазах ненависть и искаженное злобой лицо, Нора на миг испугалась, пожалев о своей несдержанности. Однако ее окрылял сам факт, что ей наконец удалось разорвать путы эмоционального паралича,

хотя при этом она прекрасно понимала: если Стрек захочет дать сдачи, то мало не покажется.

И он действительно дал сдачи. Моментально и очень жестоко. Он по-прежнему держал Нору за левую руку, и Норе никак не удавалось вырваться. Стрек крепко сжал ее ладонь, ломая пальцы. Это было больно, боже, как больно! Однако Нора не хотела доставить ему такого удовольствия, показав свои слезы; она твердо решила не хныкать и не скулить, а потому, стиснув зубы, терпела. На висках у нее выступили капельки пота, ей казалось, что еще немного – и она упадет в обморок. Но боль была еще не самым страшным, самым страшным было глядеть в тревожащую ледяную голубизну глаз Стрека. Ломая Норе пальцы, Стрек удерживал ее не только железной хваткой, но и взглядом – холодным и бесконечно странным. Стрек пытался запугать Нору, и это работало – ей-богу, работало! – потому что она разглядела в нем искру безумия, с которым она явно не сможет справиться.

Увидев отчаяние Норы, которое явно доставило ему куда больше удовольствия, чем крик боли, Стрек перестал ломать ей пальцы, хотя руку не отпустил.

– Ты заплатишь за это, – сказал Стрек. – За то, что плюнула мне в лицо. И тебе точно *понравится* за это платить.

Нора не слишком уверенно пригрозила:

– Я пожалуюсь твоему боссу, и ты потеряешь работу.

В ответ Стрек лишь улыбнулся. Нору удивляло, почему

он не стирает крошки печенья с лица, хотя уже начала догадываться: Стрек хотел, чтобы она сделала это сама. Но сперва он сказал:

– Потеряю работу? Да я уже уволился из «Уодлоу ТВ». Еще вчера днем. Чтобы у меня было достаточно времени для тебя, Нора.

Нора опустила глаза. Она не могла скрыть свой страх, ее трясло так сильно, что еще чуть-чуть – и у нее наверняка начнут стучать зубы.

– Я не привык долго задерживаться на одной работе. Мужчинам вроде меня, с такой кипучей энергией, все быстро наскучивает. Мне нужно двигаться дальше. А кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на работу. Как думаешь? Поэтому я какое-то время работаю, чтобы скопить денег, а потом валяю дурака, сколько могу. И время от времени мне встречаются дамочки, такие как ты, – те, что отчаянно нуждаются во мне, те, что вызывают к мужчине вроде меня, и я им по мере своих скромных сил помогаю.

Пни его, укуси его, выцарапай ему глаза! – говорила себе Нора.

Но она ничего не сделала.

У нее ныла рука, и Нора вспомнила, какой острой и сильной была боль.

Между тем голос Стрека изменился, став более мягким и вкрадчивым, что, впрочем, пугало еще сильнее.

– Нора, я собираюсь тебе помочь. Я на время перееду к те-

бе. Будет весело. Конечно, ты меня немного боишься, я понимаю, действительно понимаю. Но можешь мне поверить, я именно тот, кто тебе нужен. Я полностью переверну твою жизнь. Теперь все будет по-другому. И это самое лучшее, что может с тобой случиться.

2

Эйнштейну нравился парк.

Когда Трэвис отстегнул поводок, ретривер потрусил к ближайшей клумбе с цветами – крупными желтыми бархатцами с бордюром из фиолетовых первоцветов – и, явно очарованный, медленно обошел ее кругом. После чего пес перешел к яркой клумбе поздних лютиков, потом – к клумбе с импатиенсом, и с каждым новым открытием его хвост вилял все активнее. Говорят, собаки видят все лишь в черно-белом цвете, но Трэвис готов был поспорить, что Эйнштейн различает цвета. Эйнштейн все обнюхивал: цветы, кусты, деревья, камни, урны, мусор, основание питьевого фонтанчика и каждый фут земли вокруг, – без сомнения, воспроизводя обонятельные «портреты» людей и собак, успевших пройти этим путем ранее. Для Эйнштейна все эти образы были такими же четкими, как для Трэвиса фотографии.

В течение утра и первой половины дня ретривер не сделал ничего удивительного. На самом деле его поведение, словно говорившее: «Я обычная глупая собака», было настолько

убедительным, что у Трэвиса невольно возник вопрос, а не проявляется ли почти человеческий интеллект Эйнштейна исключительно в виде коротких вспышек наподобие эпилептических припадков. Однако после всего того, что произошло вчера, Трэвису не приходилось сомневаться в экстраординарных, хотя и не всегда проявлявшихся способностях Эйнштейна.

Когда они подошли к пруду, Эйнштейн неожиданно напрыгивая, поднял голову и, наострив висячие уши, уставился на какую-то пару на скамейке в шестидесяти футах от них. Мужчина был в шортах для бега, женщина – в мешковатом сером платье; он держал ее за руку, казалось, они всецело поглощены разговором.

Трэвис собрался было повернуть в сторону зеленой лужайки, чтобы не мешать их беседе.

Однако Эйнштейн с отрывистым лаем рванул напрямик к паре на скамейке.

– Эйнштейн! Назад! Ко мне, Эйнштейн!

Собака, проигнорировав команду, подбежала к скамейке и яростно залаяла.

Когда Трэвис подошел поближе, парень в шортах уже успел встать. Сжав руки в кулаки, он опасливо пятился от ретривера.

– Эйнштейн!

Ретривер прекратил лаять, отбежал от Трэвиса, не дав пристегнуть поводок, затем подошел к женщине на скамье и

положил голову ей на колени. Поразительное превращение злобного пса в ласковое домашнее животное.

– Простите, он никогда... – начал Трэвис.

– Господи! – перебил его парень в шортах для бега. – Как можно позволять такой злобной собаке бегать в парке без поводка?

– Он вовсе не злобный, – ответил Трэвис. – Он...

– Брехня! – брызгая слюной, взвизгнул парень. – Чертова тварь пыталась меня укусить! Вы что, хотите, чтобы на вас подали в суд?

– Не понимаю, что на него нашло...

– Сейчас же уберите его отсюда! – потребовал бегун.

Смущенно кивнув, Трэвис повернулся к Эйнштейну и обнаружил, что женщина успела уговорить Эйнштейна запрыгнуть на скамью. Эйнштейн сидел, повернувшись мордой к женщине, поставив лапы ей на колени, а она даже не гладила его, а прижимала к себе.

– Убирайтесь отсюда! – окончательно рассвирепел парень, который был выше Трэвиса, шире в плечах, да и вообще крупнее.

Бегун сделал несколько шагов вперед и навис над Трэвисом, пользуясь для устрашения превосходством в размерах. Парень этот явно привык добиваться своего путем агрессии, строя из себя крутого и действуя соответственно. Трэвис презирал подобных мужчин.

Эйнштейн посмотрел на бегуна, оскалил зубы и глухо за-

рычал.

– Послушай, приятель, – нахмурился мужчина. – Ты что, глухой или как? Я ведь сказал тебе держать собаку на поводке. Поводок у тебя в руке. Так какого черта ты ждешь?!

Трэвис начал понимать, что здесь дело нечисто. Праведный гнев был явно наигранным, словно его застукали за чем-то постыдным, и, чтобы скрыть вину, он агрессивно пошел в наступление. Да и женщина вела себя более чем странно. Она не произнесла ни слова. И была очень бледной. Ее тонкие руки дрожали. Причем, судя по тому, как она ласкала и обнимала пса, боялась она отнюдь не Эйнштейна. И вообще, при виде этой пары невольно возникал вопрос, почему мужчина и женщина отправились гулять в парк так по-разному одевшись: он – в шорты для бега, а она – в унылое домашнее платье. Заметив испуганные взгляды, которые женщина исподтишка бросала на парня, Трэвис неожиданно понял, что эти двое не вместе – по крайней мере, это не добровольный выбор женщины – и у этого, с нечистой совестью, мужика определенно было нечто недоброе на уме.

– Мисс, у вас все хорошо? – спросил Трэвис.

– Да что тут может быть хорошего, – ответил за нее бегун, – если ваш проклятый пес облаял нас и попытался укусить!

– Непохоже, что она так уж боится пса. – Встретившись глазами с бегуном, Трэвис выдержал его тяжелый взгляд.

К щеке парня прилипло что-то, похожее на овсяное тесто.

Трэвис заметил на скамейке овсяное печенье, выпавшее из пакета возле женщины, и еще одно – раскрошившееся у ее ног. Какого хрена тут происходит?

Парень ожег Трэвиса злобным взглядом и начал говорить, но, посмотрев на женщину и собаку, похоже, понял, что его наигранная ярость больше не работает, и лишь угрюмо буркнул:

– Ну... и все же вы должны заставить вашу чертову псину слушаться.

– Не уверен, что пес сейчас кого-то беспокоит. – Трэвис свернул кольцом поводок. – Вам показалось.

Все еще разъяренный, но явно сбитый с толку бегун бросил взгляд на съежившуюся женщину:

– Нора? – (Она продолжала молча гладить Эйнштейна.) – Увидимся позже, – сказал бегун и, не получив ответа, повернулся к Трэвису. – Если ваша псина начнет хватать меня за пятки...

– Не начнет, – перебил его Трэвис. – Бегите себе на здоровье. Он вас не тронет.

Мужчина потрусил к ближайшему выходу, по дороге успев несколько раз оглянуться на них. И исчез.

Эйнштейн растянулся на брюхе на скамейке, положив голову женщине на колени.

– Вы ему определенно понравились, – заметил Трэвис.

Не поднимая глаз, женщина продолжала одной рукой гладить Эйнштейна:

– Чудесная собачка.

– Она у меня лишь со вчерашнего дня, – уточнил Трэвис.
Но женщина не ответила.

Тогда Трэвис сел на другой край скамейки, со стороны хвоста Эйнштейна:

– Меня зовут Трэвис.

Женщина молча почесала Эйнштейна за ушами, и тот довольно заурчал.

– Трэвис Корнелл, – добавил Трэвис.

Она наконец подняла голову и посмотрела на Трэвиса:

– Нора Девон.

– Приятно познакомиться.

Она улыбнулась, немного нервно.

Несмотря на прилизанные волосы, несмотря на отсутствие косметики, женщина оказалась очень привлекательной. Волосы были темными и блестящими, серые глаза с зелеными крапинками сияли на майском солнце.

Почувствовав на себе одобрительный взгляд Трэвиса, Нора Девон смущенно потупилась.

– Мисс Девон... что-то не так? – (Она не ответила.) – Этот человек... к вам приставал?

– Все в порядке, – сказала она.

С опущенной головой, с поникшими под непосильным бременем застенчивости плечами, она выглядела такой ранимой, что Трэвис не мог просто встать и уйти, оставив ее наедине со своими проблемами.

– Если этот мужчина к вам приставал, мы должны найти копа...

– Нет, – тихо, но твердо сказала Нора Девон и, отодвинув Эйнштейна, поднялась со скамейки.

Эйнштейн прыгнул на землю и замер возле Норы, преданно заглядывая ей в глаза.

– Послушайте, я вовсе не собирался лезть не в свое дело... – вставая, начал Трэвис.

Женщина поспешила прочь, выбрав не ту дорожку, по которой ушел бегун, а другую.

Эйнштейн припустил было за ней, но неохотно вернулся на зов Трэвиса.

Озадаченный, Трэвис проводил женщину глазами – эту загадочную и беспокойную женщину в сером платье, унылом и бесформенном, подобно тем, что носят жены аммонитов или другие сектантки, старающиеся выбирать такую одежду, которая не способна ввести мужчину в соблазн.

Трэвис с Эйнштейном продолжили прогулку по парку. А затем отправились на пляж. Эйнштейн был поражен бесконечными набегами бурного моря на берег и пенящимися на песке приливными волнами. Пес то и дело останавливался, минуто-другую глядя на океан, после чего продолжал резвиться в прибое. Уже позже, вернувшись домой, Трэвис попытался заинтересовать Эйнштейна книжками, так взволновавшими его прошлым вечером, в надежде наконец-то понять, что именно хотел отыскать в них пес. Но Эйнштейн

индифферентно обнюхивал тома, что приносил ему Трэвис, и равнодушно зевал.

В течение всего дня образ Норы Девон упорно возникал перед мысленным взором Трэвиса. Она не нуждалась в соблазнительных нарядах, чтобы привлечь внимание мужчины. Достаточно было ее лица и этих серых в зеленую крапинку глаз.

3

После нескольких часов глубокого сна Винсент Наско вылетел первым утренним рейсом в Акапулько. Винсент зарегистрировался в огромном прибрежном отеле, блестящем, но совершенно бездушном, где все было из стекла, бетона и композита. Надев белые топсайдеры, белые хлопчатобумажные штаны и бледно-голубую рубашку поло, Винс отправился искать доктора Лоутона Хейнса.

Хейнс приехал в Акапулько на каникулы. Тридцать девять лет, рост пять футов одиннадцать дюймов, вес сто шестьдесят фунтов, непокорные темно-каштановые волосы. Доктор явно косил под Аль-Пачино, все дело портило лишь красное родимое пятно размером с полдоллара на лбу. Хейнс приезжал в Акапулько по крайней мере дважды в год, всегда останавливаясь в элегантном отеле «Лас-Брисас», расположенном на мысе в восточной части залива, и частенько ходил на ланч в ресторан при отеле «Калета», который ценил за кок-

тейли «Маргарита» и виды на Плайя-де-Калета.

В двенадцать двадцать Винс раскинулся в плетеном кресле с удобными желто-зелеными подушками за столиком у окна в том самом ресторане. Хейнса Винс увидел еще с порога. Доктор тоже сидел у окна, через три столика от Винса, полускрытый пальмой в горшке. Хейнс ел креветки и пил «Маргариту» в обществе потрясающей блондинки. На ней были белые слаксы и облегающий топ в яркую полоску. Половина мужчин в зале буквально сворачивали на нее шею.

По мнению Винса, Хейнс больше походил на Дастина Хоффмана, чем на Аль-Пачино. У Хейнса были такие же резкие черты лица, как и у Дастина Хоффмана, в частности нос. А в остальном внешность доктора полностью соответствовала описанию. Парень вырядился в розовые хлопчатобумажные штаны, бледно-желтую рубашку и белые сандалии, что, с точки зрения Винса, было явным перебором даже для тропического курорта.

К тому времени, как доктор Хейнс с блондинкой собрались уходить, Винс уже успел съесть ланч, состоявший из супа с фрикадельками, энчилады с морепродуктами в зеленом соусе и безалкогольной «Маргариты», и заплатить по счету.

Блондинка села за руль красного «порше». Винс последовал за ними в выдавшем виды арендованном «форде», который гроыхал не хуже ударных инструментов мексиканской фольклорной группы и пованивал плесенью.

У отеля «Лас-Брисас» блондинка высадила доктора на

парковке, после чего они добрых пять минут простояли возле ее автомобиля, держа друг дружку за задницы и целуясь взад-вперед у всех на глазах.

Винс был в смятении. Он не ожидал, что Хейнс станет так открыто нарушать правила приличия. Ведь у парня была как-никак докторская степень. И если уж образованные люди не придерживаются общепринятых норм поведения, что тогда говорить о других?! Неужели в наши дни в университетах не учат морали и хорошим манерам? Неудивительно, что наш мир с каждым днем становится все более грязным и жестоким.

Блондинка отчалила на своем «порше», а Хейнс покинул парковку на белом купе «Мерседес 560 SL». Автомобиль был явно не из проката, и у Винса, естественно, возник вопрос, где доктор его раздобыл.

Уже у другого отеля Хейнс оставил «мерседес» парковщику. Винс, последовав примеру доктора, прошел следом за ним через лобби и дальше на пляж. Поначалу прогулка вдоль берега не была отмечена сколь-нибудь примечательными событиями. Однако вскоре Хейнс устроился возле роскошной мексиканской девушки в крошечном бикини. Смуглая, идеально сложенная, лет на пятнадцать моложе доктора. Она загорала с закрытыми глазами на шезлонге. Хейнс поцеловал ее, явно застав врасплох. Но потом мексиканка, очевидно хорошо знавшая доктора, со смехом повисла у него на шее.

Прогулявшись туда-сюда по пляжу, Винс уселся на песок

за мексиканкой, но так, чтобы между ними была еще парочка отдыхающих. Винс не слишком беспокоило, что доктор может его заметить, поскольку того, похоже, интересовала исключительно женская анатомия. К тому же Винс, несмотря на свои внушительные размеры, обладал редкой способностью сливаться с окружением.

Какой-то турист парил над заливом на парашюте, который тащил катер. Солнечные лучи падали нескончаемым дождем из золотых дублонов на море и на песок.

Через двадцать минут Хейнс, поцеловав девушку в губы и холмики груди, отправился назад тем же путем, что и пришел. Девушка крикнула ему вслед:

– Сегодня вечером в шесть!

На что Хейнс ответил:

– Непременно буду.

После чего Хейнс, а следом за ним и Винс отправились кататься на автомобилях. Поначалу Винс подумал, что у Хейнса имеется определенное место назначения, но вскоре понял, что они просто бесцельно едут по прибрежному шоссе, любясь видами. Они миновали пляж Револькадеро и поехали дальше, Хейнс – в белом «мерседесе», Винс – чуть позади в раздолбанном «форде».

В итоге они приехали на смотровую площадку. Хейнс припарковался возле автомобиля, из которого вышли четверо кричаще одетых туристов. Винс тоже припарковался и подошел к железному ограждению в дальнем конце площадки,

откуда открывался потрясающий вид на береговую линию и высокие волны, с шумом обрушивающиеся на скалистый берег более чем в сотне футов внизу.

Туристы, в попугайских рубашках и полосатых штанах, перестали ахать и охать. Сделав на прощание снимки и намусорив, они наконец уехали. Винс с Хейнсом остались на утесе вдвоем. Единственным автомобилем на шоссе был приближавшийся черный «понтиак». Винс ждал, когда машина проедет мимо. Он собирался застать Хейнса врасплох.

Однако «понтиак» свернул с шоссе, остановившись возле «мерседеса» доктора. Из «понтиака» вышла роскошная девушка лет двадцати пяти и с ходу устремилась к Хейнсу. Мексиканка. Похоже, с примесью китайской крови. Очень экзотичная. На ней был белый топ с бретелькой на шее и белые шорты. Таких красивых ног Винс еще в жизни не видел. Хейнс с девушкой остановились у ограждения футах в сорока от Винса и тотчас же вошли в такой клинч, что Винс покраснел.

Следующие несколько минут Винс продвигался в их сторону вдоль ограждения, время от времени рискованно перегибаясь через перила, вытягивая шею в сторону волн, посылающих в воздух фонтаны брызг высотой двадцать футов, и приговаривая: «Ух ты!» – когда особенно высокая приливная волна обрушивалась на скалистые утесы, то есть стараясь сделать так, чтобы все его передвижения в направлении влюбленной парочки выглядели как можно более невинно.

И хотя они стояли спиной к Винсу, ветер доносил до него обрывки их разговора. Женщина, кажется, опасалась, что муж узнает о том, что Хейнс в городе, а Хейнс уговаривал ее встретиться завтра вечером. У этого парня действительно не было ни стыда ни совести.

Шоссе снова опустело, и Винс решил, что другого шанса прижать Хейнса к ногтю, возможно, не представится. Преодолев несколько последних футов, отделявших его от девушки, он схватил ее за шею и пояс от шорт, оторвал от земли и перекинул через ограждение. Отчаянно вскрикнув, она полетела на прибрежные скалы.

Все произошло так быстро, что Хейнс даже не успел среагировать. Женщина еще была в воздухе, а Винс уже повернулся к ошеломленному доктору и дважды ударил его кулаком по лицу, разбив губы, сломав нос и таким образом окончательно вырубив.

Хейнс кулем повалился на землю, а женщина в этот самый момент рухнула на скалы. И Винс получил ее дар, даже с такого расстояния.

Сссснп!

Винсу очень хотелось перегнуться через перила, чтобы посмотреть на изувеченное тело там, внизу, но, к сожалению, не было времени. На шоссе в любую минуту могли появиться машины.

Он оттащил Хейнса к «форду» и швырнул на переднее сиденье. Доктор без чувств привалился к двери, и Винс запро-

кинул ему голову, чтобы кровь из носа стекала в горло.

Свернув с прибрежного шоссе, для основной трассы слишком извилистого и разбитого, Винс поехал по проселочным дорогам, причем каждая последующая была уже и ухабистей предыдущей. Гравийные дороги сменились грунтовками, все глубже уходившими в дождевой лес, и вот наконец «форд» уперся в тупик перед зеленой стеной гигантских деревьев и пышной растительности. За время поездки Хейнс дважды приходил в себя, но Винс оперативно его вырубал, вмазывая в приборную доску.

Винс выволок бесчувственное тело доктора из «форда», протащил сквозь брешь в кустарнике в лес, где наконец нашел устланную густым мхом тенистую полянку. Пронзительные крики птиц разом стихли, незнакомые животные со странными голосами попрятались в кусты. Огромные насекомые и даже жук размером с ладонь Винса бросились врассыпную, а юркие ящерицы принялись карабкаться вверх по стволам деревьев.

Винс вернулся к «форду», в багажнике которого лежали спецсредства для допроса. Упаковка шприцев и две ампулы пентотала натрия. Кожаная дубинка, утяжеленная свинцовой дробью. Ручной «тазер», похожий на пульт дистанционного управления телевизора. И штопор с деревянной ручкой.

Когда Винс вернулся на полянку, Лоутон Хейнс все еще был без сознания. При каждом вдохе и выдохе воздух кло-

котал в сломанном носу.

Хейнс должен был умереть еще двадцать четыре часа назад. Люди, заказавшие вчера Винсу троих докторов, собирались использовать другого наемника, жившего в Акапулько и работавшего на территории Мексики. Но тот парень умер буквально вчера утром, обнаружив, что в долгожданной посылке из лондонского магазина «Фортнум и Мейсон» вместо желейного ассорти и мармелада оказалось два фунта пластика. Ввиду острой необходимости лос-анджелесская контора поручила работу Винсу, хотя он явно перетрутился, что уже становилось опасным. Для Винса все сложилось как нельзя лучше. Он не сомневался, что и этот доктор связан с «Банодайном», а значит, сможет сообщить новые подробности о проекте «Франциск».

Обследовав дождевой лес вокруг поляны, Винс обнаружил поваленное дерево, от которого удалось отодрать изогнутый кусок толстой коры, способный заменить черпак. Затем Винс нашел заросший водорослями ручеек и набрал в самодельный черпак воды. На вид вода была грязной. Не говоря уже о кишевших в ней экзотических бактериях. Хотя в данном случае угроза заболеть дизентерией для Хейнса была наименьшей из всех зол.

Винс плеснул содержимое черпака Хейнсу в лицо. Вернувшись через минуту со вторым черпаком, он заставил доктора выпить воды. После первоначальной стадии расплескивания, захлебывания, удушья и даже рвоты Хейнс наконец

вернул себе относительную способность понимать, о чем его спрашивают, и более-менее вразумительно отвечать.

Держа перед носом у Хейнса кожаную дубинку, «тазер» и штопор, Винс объяснил, как собирается использовать каждую из этих замечательных вещей, если доктор откажется сотрудничать. Доктор, будучи специалистом по физиологии мозга, проявил гораздо больше здравого смысла, нежели патриотизма, и охотно разгласил все детали особо секретного оборонного заказа, в работе над которым он принимал участие в «Банодайне».

Когда Хейнс поклялся, что выложил все как на духу, Винс достал ампулу пентотала натрия. И, набирая лекарство в шприц, спросил для поддержания разговора:

– Доктор, а что происходит между вами и всеми этими женщинами? – (Хейнс, лежавший на спине с руками по швам, как и велел ему Винс, не сразу приспособился к столь кардинальной смене темы и растерянно заморгал.) – Я пас вас с самого ланча и знаю, что в Акапулько вы встречались с тремя женщинами подряд.

– С четырьмя, – с гордостью заявил доктор, и выражение ужаса на время исчезло с его лица. – «Мерседес», на котором я езжу, принадлежит Жизель, очаровательной маленькой...

– Выходит, вы используете автомобиль одной женщины, чтобы изменять ей с тремя другими?

Хейнс кивнул и попытался улыбнуться, но сразу поморщился: улыбка вызвала болезненные ощущения в сломанном

носу.

– Я всегда... веду себя так с дамами.

– Господи помилуй! – Винс был явно шокирован. – Неужели вы не понимаете, что шестидесятые и семидесятые годы давно прошли? Свободная любовь умерла. И за нее приходится платить свою цену. Высокую цену. Неужели вы никогда не слышали о герпесе, ВИЧ и прочем? – Сделав укол пентотала, Винс добавил – Вы наверняка являетесь носителем всех известных человечеству венерических заболеваний.

Хейнс, тупо вылупивший глаза, поначалу растерялся, но вскоре погрузился в глубокий наркотический сон. Под действием лекарства он подтвердил все, что уже успел рассказать о «Банодайне» и проекте «Франциск».

Когда лекарство перестало действовать, Винс чисто забавы ради применил к доктору «тазер». Хейнс извивался и дрыгал ногами, словно полураздавленный водяной клоп: выгибался дугой, взрывая мох пятками, головой и руками.

Когда в «тазере» сели батарейки, Винс сначала избил Хейнса до потери пульса дубинкой со свинцовой дробью, а потом прикончил, воткнув между двух ребер штопор и направив его под углом в сторону бьющегося сердца.

Сссснп!

Мертвая тишина накрыла дождевой лес, Винс чувствовал, что за ним наблюдают тысячи глаз, внимательных глаз диких тварей. Винс верил, что притаившиеся наблюдатели одобря-

ют то, что он сделал с Хейнсом, поскольку стиль жизни ученого являлся оскорблением естественного порядка вещей, того естественного порядка, которому подчинялись все обитатели джунглей.

Винс сказал Хейнсу «спасибо», но целовать не стал. Только не в губы. И даже не в лоб. Жизненная энергия Хейнса была не хуже, чем у других, но вот его тело и дух были нечистыми.

4

Из парка Нора отправилась прямо домой. Дух приключения и свободы, окрасивший утро и начало дня, уже невозможно было вернуть. Стрек все испоганил.

Войдя в дом, Нора заперла дверь на обычный замок, ригельный замок и накинула латунную цепочку. После чего, обойдя все комнаты нижнего этажа, плотно задернула шторы, чтобы Стрек не смог подглядывать, если он, не дай бог, снова начнет рыскать поблизости. Не выдержав окутавшей дом темноты, Нора включила в каждой комнате свет. Закрыла ставни на кухне и проверила замок задней двери.

Встреча со Стреком не только напугала Нору, но и заставила почувствовать себя грязной. И теперь она больше, чем что-либо, хотела принять горячий душ.

Внезапно Нора почувствовала слабость в ногах и приступ головокружения. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за

кухонный стол. Понимая, что прямо сейчас ей не удастся подняться наверх, Нора села за стол, сложила на столешнице руки, опустила на них голову и стала ждать окончания приступа.

Когда головокружение более-менее прошло, Нора вспомнила о бутылке бренди в шкафчике возле холодильника и решила, что алкоголь поможет прийти в себя. Бренди «Реми Мартен» она купила уже после смерти Виолетты, поскольку Виолетта не одобряла спиртных напитков крепче недобродившего яблочного сидра. Вернувшись с похорон тетки, Нора для поддержания мятежного духа налила себе бренди. Напиток ей не понравился, и она вылила содержимое бокала в раковину. Однако сейчас глоток бренди, похоже, ей явно не повредил бы, так как позволил бы справиться с дрожью.

Но сперва Нора подошла к раковине и под струей обжигающей воды несколько раз вымыла руки с мылом и средством для мытья посуды, чтобы стереть малейшие следы прикосновений Стрека. Когда Нора закончила, руки были красными, точно ошпаренными.

Она поставила бутылку бренди и бокал на стол. В прочитанных ею книжках нередко встречались персонажи, которые садились за стол с бутылкой и тяжестью на душе, собираясь на дне первой утопить вторую. Иногда это им помогало, а значит, чем черт не шутит, поможет и Норе. Если бренди действительно поднимает настроение, она готова выпить хоть целую бутылку.

Впрочем, Норе явно не грозило спиться. Следующие два часа она так и просидела за первым бокалом алкоголя.

Если Нора пыталась отвлечься от мыслей о Стреке, ее начинали терзать воспоминания о тете Виолетте; если девушка пыталась не думать о Виолетте, на память снова приходил Стрек; если же она усилием воли выбрасывала из головы их обоих, то вспоминала о Трэвисе Корнелле, мужчине из парка, и мысли эти тоже не приносили успокоения. Корнелл показался ей славным – добрым, вежливым, внимательным, ведь именно он помог Норе избавиться от Стрека. Но возможно, Корнелл ничуть не лучше Стрека. И если Нора даст Корнеллу хоть малюсенький шанс, он, возможно, воспользуется ее беззащитностью, как до этого пытался Стрек. Тетя Виолетта была тираншей с извращенной и больной психикой, однако ее слова об опасностях общения с другими людьми оказались пророческими.

Ах, но вот собака! Это была совсем другая история. Нора совсем не испугалась собаки, даже когда та рванула к скамейке с отчаянным лаем. Шестое чувство подсказало Норе, что ретривер – Эйнштейн, именно так называл его хозяин, – яростно облаивает вовсе не ее, а Стрека. Прильнув к Эйнштейну, Нора почувствовала себя в безопасности и под охраной, невзирая на то что Стрек продолжал нависать над ней грозной тенью.

Может, ей стоит обзавестись собакой. Виолетте претила сама идея держать домашних животных. Но Виолетта умер-

ла, умерла навсегда, и теперь ничто не мешает Норе завести себе собаку.

Вот только...

У Норы возникло стойкое ощущение, что никакая другая собака, кроме Эйнштейна, не способна дать ей такого чувства защищенности. Между Норой и ретривером с самого начала установился удивительный контакт.

Конечно, поскольку ретривер спас Нору от Стрека, она могла приписывать ему те качества, которыми он и не обладал. Ведь Нора видела в нем спасителя, своего отважного телохранителя. Но как она ни старалась убедить себя, что заблуждается и Эйнштейн самый обыкновенный пес, в глубине души она твердо знала, что он особенный и ни одна другая собака не обеспечит ей ту степень защиты и дружеского участия, на которые способен Эйнштейн.

Один-единственный бокал «Реми Мартен», выпитый за два часа, а также мысли об Эйнштейне и впрямь подняли Норе настроение. Более того, бренди и воспоминания о ретривере помогли Норе набраться мужества подойти к телефону на кухне с твердым намерением позвонить Трэвису Корнеллу, чтобы предложить ему продать ей Эйнштейна. Как-никак, он ведь сам говорил, что собака у него первый день, а значит, он еще не успел к ней привязаться. И за хорошую цену он вполне может согласиться ее продать. Полистав телефонный справочник, Нора нашла Трэвиса Корнелла и набрала нужный номер.

Корнелл ответил после первого гудка:

– Алло?

Услышав его голос, Нора поняла, что, попытавшись купить у него собаку, она сама даст ему ключ к двери в ее жизнь. Нора совсем забыла, что Корнелл, возможно, не менее опасен, чем Стрек.

– Алло? – повторил Корнелл.

Нора колебалась.

– Алло? Кто звонит?

Так и не проронив ни слова, Нора повесила трубку.

Прежде чем говорить с Корнеллом о собаке, нужно было найти способ дать ему понять, если, конечно, Корнелл такой же, как Стрек, чтобы он даже и не пытался подбивать под нее клинья.

5

Когда около пяти вечера зазвонил телефон, Трэвис как раз выкладывал «Алпо» в миску Эйнштейна. Ретривер, облизываясь, с интересом наблюдал за действиями хозяина, но терпеливо ждал, когда тот выскребет остатки корма из банки.

Трэвис подошел к телефону, а Эйнштейн – к миске. Когда никто не ответил на первое «алло» Трэвиса, он сказал «алло» еще раз, и Эйнштейн оторвал глаза от миски. Не получив ответа и во второй раз, Трэвис спросил, кто звонит,

что явно заинтересовало Эйнштейна, который протрусил по кухне посмотреть на трубку в руках хозяина.

Трэвис повесил трубку и отвернулся, однако Эйнштейн продолжал смотреть на висевший на стене телефон.

– Наверное, ошиблись номером.

Эйнштейн взглянул на Трэвиса, затем – снова на телефон.

– Или детишки балуются.

Пес жалобно заскулил.

– Что на тебя нашло?

Эйнштейн продолжал стоять, зачарованный телефоном.

– Пожалуй, на сегодня с меня довольно твоих загадок. Хочешь разыгрывать таинственность, на здоровье, но я пас!

Трэвис собирался посмотреть вечерние новости, прежде чем готовить ужин для себя, поэтому он достал из холодильника диетическую пепси и ушел в гостиную, оставив пса наедине с телефоном. Включил телевизор, сел в удобное кресло, открыл пепси и услышал, что Эйнштейн чем-то гремит на кухне.

– Эй, что ты там делаешь?

Звяканье. Грохот. Звук скребущихся о твердую поверхность когтей. Глухой удар, затем еще один.

– Если ты мне здесь все раскурочишь, – предупредил пса Трэвис, – тебе придется возместить материальный ущерб. И где, спрашивается, ты возьмешь на это деньги? Возможно, тебе придется отправиться на Аляску и поработать там ездовой собакой.

В кухне вдруг все стихло. Но только на секунду. А потом снова звяк-звяк, бряк-бряк и царап-царап.

Трэвис, сам того не желая, был заинтригован, а потому приглушил звук телевизора.

Что-то с грохотом свалилось на кухонный пол.

Трэвис уже собрался было сходить посмотреть, в чем дело, но не успел встать с кресла, как появился Эйнштейн. Неугомонный ретривер нес в зубах телефонный справочник. Должно быть, он несколько раз пытался запрыгнуть на кухонный прилавок, где тот лежал, стараясь зацепить его лапой, и в результате таки свалил книгу на пол. После чего пересек гостиную и торжественно положил справочник перед креслом.

– Чего тебе от меня нужно? – спросил Трэвис.

Пес подтолкнул справочник носом и выжидательно посмотрел на Трэвиса.

– Ты хочешь, чтобы я кому-то позвонил?

– Тяв.

– А кому?

Эйнштейн снова подтолкнул книгу носом.

– Так кому я должен позвонить? Лэсси? Рин Тин Тину? Старому Брехуну?

Ретривер уставился на Трэвиса темными, совсем не собачьими глазами, еще более выразительными, чем обычно, но, к сожалению, неспособными передать, чего именно он хочет.

– Послушай, может, ты и умеешь читать мои мысли, – ска-

зал Трэвис, – а вот я твои нет.

Разочарованно заскулив, ретривер выбежал из комнаты и завернул за угол коридорчика, куда выходили двери ванной комнаты и двух спален.

Трэвис собрался было пойти следом, но решил подождать и посмотреть, что будет дальше.

Ретривер вернулся меньше чем через минуту. Он принес в зубах фотографию восемь на десять в золотой рамке и положил возле телефонного справочника. Фотография Полы, стоявшая на комоде в спальне Трэвиса. Фото было сделано в день свадьбы, за десять месяцев до смерти Полы. Она выглядела сногшибательно и казалась обманчиво здоровой.

– Не пойдет, малыш. Я не могу позвонить умершим.

Эйнштейн фыркнул, словно желая сказать, что Трэвис – тупица, подошел к стойке с журналами в углу, опрокинул ее, вывалив содержимое на пол, и вернулся с номером «Тайм», который положил рядом с фотографией в золотой рамке. После чего принялся скрестить журнал передними лапами, попытавшись открыть и перелистнуть, причем от усердия даже порвав несколько страниц.

Наклонившись вперед, Трэвис с интересом наблюдал за всем этим действием.

Пару раз Эйнштейн останавливался, напряженно вглядываясь в страницы, и продолжал листать журнал дальше. Наконец он нашел рекламу автомобилей, где была запечатлена потрясающая брюнетка. Эйнштейн посмотрел на Трэви-

са, затем на рекламу, потом снова на Трэвиса и твкнул.

– Я тебя не понимаю.

Перелистав лапой журнал, Эйнштейн нашел рекламу, где улыбающаяся блондинка держала в руке сигарету, и фыркнул.

– Машины и сигареты? Ты хочешь, чтобы я купил автомобиль и пачку «Вирджиния слимс»?

После нового похода к перевернутой журнальной стойке Эйнштейн вернулся с журналом объявлений покупки и продажи недвижимости, который Трэвис получал каждый месяц, хотя вот уже как два года вышел из дела. Перевернув лапой несколько страниц, Эйнштейн нашел объявление, где была снята хорошенькая брюнетка-риелтор в пиджаке с эмблемой агентства «21-й век».

Трэвис посмотрел на фотографию Полы, на блондинку с сигаретой, на бойкую риелторшу из «21-го века» и вспомнил об объявлении с брюнеткой на фоне автомобиля.

– Женщина? Ты хочешь, чтобы я позвонил женщине? – (Эйнштейн гавкнул.) – Какой именно?

Осторожно взяв зубами Трэвиса за запястье, Эйнштейн попытался поднять его с кресла.

– Ладно-ладно, пусти. Я сейчас приду.

Однако Эйнштейн не оставил Трэвису ни единого шанса. Он не отпускал его запястья, заставив хозяина пройти на полусогнутых через гостиную и столовую на кухню, к висевшему на стене телефону, где наконец-то и отпустил Трэвиса.

– Так кому? – снова спросил Трэвис и неожиданно все понял: была только одна знакомая им обоим женщина. – Случайно, не той леди, которую мы сегодня встретили в парке?

Эйнштейн завилял хвостом.

– Так ты думаешь, это она нам только что звонила?

Хвост завилял еще энергичнее.

– С чего ты взял, что звонила именно она? Она не сказала ни слова. Да и вообще, что у тебя на уме? Решил нас сосватать?

Пес дважды тявкнул.

– Что ж, она определенно хорошенькая, но не мой тип, приятель. Немного странная, как по-твоему?

Эйнштейн залаял, подбежал к кухонной двери, прыгнул на нее, повернулся к Трэвису и снова гавкнул, с громким лаем обежал вокруг стола, рванул к двери, снова прыгнул на нее, и до Трэвиса постепенно стало доходить, что пес чем-то сильно обеспокоен.

Беспокоится за эту женщину.

Сегодня днем в парке она явно попала в беду. Трэвис вспомнил того ублюдка в шортах для бега. Но ведь он, Трэвис, предложил женщине свою помощь. Тогда она отказалась. А что, если, передумав, она действительно позвонила ему несколько минут назад, но поняла, что у нее не хватает смелости рассказать о своем затруднительном положении?

– Так ты серьезно думаешь, что это она звонила?

Ретривер снова завилял хвостом.

– Ну... Даже если это была она, по-моему, не слишком умно вступать в чужие дела.

Ретривер бросился к Трэвису, схватил за правую штанину джинсов и принялся яростно трясти, едва не свалив хозяина с ног.

– Хорошо-хорошо. Да ладно тебе! Я позвоню. Принеси мне чертов справочник!

Эйнштейн отпустил Трэвиса и пулей вылетел из кухни, едва не поскользнувшись на линолеуме. И тут же вернулся со справочником в зубах.

И только когда Трэвис взял в руки телефонный справочник, до него вдруг дошло самое главное. Ведь он ни секунды не сомневался, что собака поймет его просьбу. Трэвис уже принимал как должное экстраординарные умственные способности и навыки ретривера.

Более того, Трэвис неожиданно понял, что собака никогда бы не принесла телефонный справочник в гостиную, если бы точно не знала, для чего нужна эта книга.

– Ей-богу, мохнатая морда, тебе здорово подходит твое имя. Скажешь, нет?

6

Несмотря на то что Нора привыкла обедать не раньше семи, она проголодалась. После утренней прогулки и бокала бренди у нее разыгрался аппетит, который не могли испор-

тить даже мысли о Стреке. Норе не хотелось готовить, поэтому она положила на блюдо свежих фруктов, немного сыра и разогретый в духовке круассан.

Обычно Нора обедала в своей комнате, в кровати, с журналом или книгой, так как это было единственное место в доме, где она хорошо себя чувствовала. Нора уже собралась отнести тарелку наверх, как зазвонил телефон.

Стрек.

Должно быть, он. Больше никому. Норе редко звонили.

Она оцепенела, прислушиваясь к звонкам. А когда телефон замолчал, прислонилась к кухонному прилавку, неожиданно почувствовав слабость, в ожидании, когда телефон зазвонит снова.

7

Не сумев дозвониться до Норы Девон, Трэвис собрался снова включить вечерние новости, но Эйнштейн по-прежнему вел себя крайне возбужденно. Ретривер в очередной раз запрыгнул на прилавок, зацепил лапой телефонный справочник, снова стащил его на пол, взял в зубы и поспешил из кухни.

Не в силах сдержать любопытство, Трэвис последовал за ретривером. По-прежнему со справочником в зубах, ждал у входной двери.

– И что теперь?

Эйнштейн поставил лапу на дверь.

– Хочешь на улицу?

Собака заскулила, очень невнятно, поскольку продолжала держать в зубах телефонный справочник.

– Зачем тебе там телефонный справочник? Собираешься зарыть его, словно косточку? В чем дело?

Не получив ответа ни на один свой вопрос, Трэвис все-таки открыл дверь и выпустил ретривера на лужайку, позолоченную вечерним солнцем. Эйнштейн рванул напрямик к припаркованному на подъездной дорожке пикапу. И, остановившись возле правой двери, нетерпеливо оглянулся.

Трэвис подошел к пикапу, посмотрел на Эйнштейна и вздохнул:

– У меня имеется сильное подозрение, что ты хочешь куда-то поехать, и явно не в офис телефонной компании.

Выронив справочник, Эйнштейн подпрыгнул, поставил лапы на дверь пикапа и остался стоять, повернув голову в сторону Трэвиса. А затем отрывисто залаял.

– Ты хочешь, чтобы я нашел в телефонной книге адрес мисс Девон и поехал туда, да?

Гав.

– Прости, – сказал Трэвис. – Я знаю, она тебе понравилась, но мы не на ярмарке невест. К тому же она не мой тип. Я тебе уже это говорил. Да и я, впрочем, не ее тип. Похоже, ей вообще мужчины не нравятся.

Ретривер залаял.

– Нет.

Эйнштейн опустился на все четыре лапы, кинулся к Трэвису и снова вцепился зубами в его штанину.

– Нет. – Трэвис схватил Эйнштейна за ошейник. – И не нужно портить мой гардероб, потому что я никуда не еду.

Эйнштейн отпустил штанину, покрутился на месте, бросился к клумбе цветущих разноцветных бальзаминов и принялся отчаянно рыть землю, откидывая вырванные цветы на лужайку у себя за спиной.

– Ради всего святого, что ты творишь?!

Пес продолжал усердно рыть, перемещаясь туда-сюда по клумбе, с твердым намерением окончательно ее испортить.

– Эй, сейчас же прекрати! – Трэвис поспешил к ретриверу.

Эйнштейн вихрем пронесся на другой конец двора и принялся копать яму в траве.

Трэвис направился к нему.

В очередной раз улизнув, Эйнштейн метнулся в угол лужайки, где снова начал выдирать траву, затем переместился к поилке для птиц, попытавшись совершить под нее подкоп, потом – к клумбе с остатками бальзаминов.

Не сумев поймать ретривера, Трэвис наконец остановился, перевел дух и крикнул:

– Довольно!

Эйнштейн мигом прекратил выкапывать цветы и поднял голову, из пасти у него свисали выющиеся стебли коралло-

во-красных бальзаминов.

– Ладно, поехали, – сказал Трэвис.

Эйнштейн бросил цветы и, покинув устроенный им бедлам, опасливо вышел на лужайку.

– Без дураков, – пообещал Трэвис. – Если для тебя это так важно, мы поедем к этой женщине. Но одному Богу известно, что мне ей сказать.

8

С тарелкой в одной руке и бутылкой минеральной воды «Эвиан» в другой Нора прошла по коридору первого этажа. Сияние горящих в каждой комнате ламп действовало успокаивающе. Поднявшись на площадку второго этажа, Нора локтем выключила свет в коридоре. Пожалуй, придется в следующий раз заказать в супермаркете кучу лампочек, поскольку Нора твердо решила в будущем ни днем, ни ночью не выключать свет. Уж на это она точно денег не пожалеет.

По-прежнему находясь под бодрящим воздействием бренди, Нора начала тихонько напевать себе под нос: «Лунная река, шириной больше мили...»

Нора вошла в свою комнату. На кровати лежал Стрек.

– Привет, детка, – ухмыльнулся он.

На секунду Норе показалось, что у нее галлюцинации, но, когда Стрек заговорил, поняла, что все это происходит наяву. Она закричала, тарелка выскользнула из рук, фрукты и

сыр рассыпались по полу.

– Боже мой, ну и беспорядок ты здесь устроила! – Стрек сел на край кровати, свесив ноги. На нем по-прежнему были шорты для бега, спортивные носки, кроссовки и больше ничего. – Но не стоит прямо сейчас все убирать. У нас с тобой есть чем заняться. Я так долго ждал, когда ты поднимешься наверх. Ждал и думал о тебе... созревая для тебя... – Стрек встал. – И теперь пришло время научить тебя кое-чему, чего ты совсем не знаешь.

Нора не могла пошевелиться. Не могла вздохнуть.

Должно быть, Стрек, опередив Нору, пришел к ней в дом прямо из парка. Взломал дверь, не оставив никаких следов взлома, и, пока Нора потягивала на кухне бренди, устроился на ее кровати. Омерзительнее всего было то, что Стрек поджидал Нору именно здесь: он ждал, предвкушая ее появление, и тащился, слушая, как она бродит внизу, не подозревая, что он уже тут.

А когда он с ней закончит, он что, ее убьет?

Нора повернулась и бросилась бежать по коридору.

Схватившись за стойку перил, начала спускаться и внезапно почувствовала, что Стрек уже у нее за спиной.

Перепрыгивая сразу через две-три ступени, Нора ринулась вниз по лестнице, терзаемая страхами, что в любую секунду подвернет ногу и упадет. И действительно, на площадке у нее подогнулось колено, она оступилась, но продолжала бежать, буквально перелетев с последнего пролета в коридор

первого этажа.

Подкравшись сзади, Стрек вцепился в обвисшие плечи мешковатого платья и развернул Нору лицом к себе.

9

Когда Трэвис свернул на обочину перед домом Норы Девон, Эйнштейн положил передние лапы на дверную ручку, налег на нее всем телом и открыл дверь. Еще один ловкий трюк. Трэвис даже не успел нажать на ручной тормоз и выключить двигатель, а Эйнштейн, выскочив из пикапа, уже мчался по дорожке к дому.

Оказавшись возле лестницы на веранду буквально пару секунд спустя, Трэвис увидел, что ретривер стоит на крыльце: встав на задние лапы, передними он нажимал на кнопку звонка. Пронзительный звон был слышен даже на улице.

Поднявшись по лестнице, Трэвис спросил:

– Ну и какой черт в тебя вселился? – (Пес снова позвонил в звонок.) – Дай ей время подойти...

Когда Эйнштейн нажал на кнопку звонка третий раз, Трэвис услышал истошный мужской вопль, полный боли и злобы, а затем женский крик с мольбой о помощи.

Яростно лая, совсем как вчера в лесу, Эйнштейн отчаянно царапал когтями дверь, словно и вправду верил, что может сквозь нее прорваться.

Наклонившись, Трэвис взгляделся в прозрачный сегмент

витражного окна. Холл был ярко освещен, и Трэвис отчетливо увидел двоих, боровшихся всего в нескольких футах от двери.

Эйнштейн лаял, рычал, бесновался.

Трэвис потянул на себя дверь, она была заперта. Выдавив локтем пару витражных стекол, он просунул руку внутрь, нащупал замок и цепочку, после чего вошел в холл как раз в тот момент, когда парень в шортах для бега, оттолкнув женщину, повернулся к нему лицом.

Однако Эйнштейн не дал Трэвису шанса проявить себя. Ретривер пулей пронесся по холлу прямо к бегуну.

Парень отреагировал, как и всякий другой человек при виде нацелившейся на него собаки такого размера: он побежал. Женщина попыталась подставить ему подножку, он споткнулся, но не упал. В конце коридора он влетел в распашную дверь и исчез из виду.

Эйнштейн пронесся мимо Норы Девон и, одним махом преодолев расстояние до распашной двери, влетел в нее как раз в тот момент, когда створки качнулись назад, после чего тоже исчез. Из комнаты за распашными дверями – Трэвис понял, что там была кухня, – донеслись лай, рычание и крики. Что-то с грохотом рухнуло на пол, затем послышался еще более оглушительный грохот. Бегун грязно выругался, Эйнштейн издал злобный рык, заставивший Трэвиса похолодеть, и какофония звуков пошла по нарастающей.

Трэвис подошел к Норе Девон. Она стояла, прислонив-

шись к столбику перил, на нижней ступеньке лестницы.

– Вы в порядке? – спросил Трэвис.

– Он едва меня... он едва меня не...

– Но к счастью, не успел, – догадался Трэвис.

– Да.

Трэвис дотронулся до ее подбородка:

– У вас тут кровь. Вы, наверное, ранены.

– Это его кровь, – объяснила Нора, увидев капли крови на пальцах Трэвиса. – Я укусила ублюдка. – Она оглянулась на распашные двери, которые перестали качаться. – Ради всего святого, защитите от него собаку!

– Непохоже, чтобы она нуждалась в защите, – сказал Трэвис.

Когда Трэвис толкнул распашную дверь, шум на кухне уже стих. Два деревянных стула с высокой спинкой были опрокинуты. На полу лежали осколки расписанной синими цветами керамической банки для печенья, овсяное печенье рассыпалось по кафельному полу: уцелевшее вперемешку с раздавленным. Бегун сидел в углу, подобрав голые ноги и опасливо скрестив руки на груди. Кроссовка с одной ноги куда-то подевалась, и Трэвис догадался, что обувь стянул Эйнштейн. Правая рука бегуна была в крови – это постаралась Нора Девон. Левая икра также кровоточила, похоже пострадав от собачьих зубов. Эйнштейн сторожил бегуна, держась на безопасном расстоянии, но готовый порвать негодяя в клочья, если у того хватит глупости покинуть угол.

– Хорошая работа, – похвалил Трэвис собаку. – Очень хорошая.

Эйнштейн тихонько тьякнул в знак благодарности. Но когда бегун дернулся, довольное тьяканье тут же сменилось злобным рычанием. Эйнштейн ощерил зубы, и бегун поспешно забился обратно в угол.

– Ну все, отбегался, – сказал Трэвис парню.

– Он меня укусил! Они *оба* меня укусили. – Обида. Удивление. Отрицание. – *Укусили* меня!

Подобно большинству агрессоров, всю жизнь добивавшихся своего с помощью насилия, этот человек был потрясен тем, что, оказывается, и ему тоже можно причинить физическую боль. Из своего опыта он знал, что люди сразу сдаются, если он надавит на них посильнее, а в его глазах появится злобный огонек безумия. Он считал, что не способен проиграть. И вот теперь он сидел белый как мел, явно пребывая в шоковом состоянии.

Трэвис подошел к телефону и вызвал полицию.

Глава 5

1

В четверг утром, 20 мая, Винсент Наско вернулся после однодневных каникул в Акапулько. В международном аэропорту Лос-Анджелеса он купил «Таймс», после чего сел в микроавтобус-шаттл, гордо именуемый лимузином, хотя это был самый настоящий микроавтобус, до округа Ориндж. Винс прочел газету по пути в свой таунхаус в Хантингтон-Бич, и на третьей полосе нашел заметку о пожаре в «Банодайн лабораториз» в Ирвайне.

Пожар возник вчера, в районе шести утра, когда Винс ехал в аэропорт, чтобы сесть на самолет до Акапулько. Прежде чем пожарные смогли справиться с огнем, одно из двух лабораторных зданий успело полностью выгореть.

Люди, которые дали Винсу заказ на убийства Дэвиса Уэзерби, Лоутона Хейнса, четы Ярбек и супругов Хадстон, наверняка наняли поджигателя подпалить «Банодайн». Похоже, заказчики пытались уничтожить все записи по проекту «Франциск» – и те, что были в файлах «Банодайна», и те, что хранились в головах ученых, работавших над проектом.

В газете не упоминалось о военных контрактах «Банодайна». Информация явно не для широкой публики. О компа-

нии говорилось как о лидере в генной инженерии, уделявшем особое внимание разработке новых лекарств на основе метода рекомбинантных ДНК.

В огне погиб ночной сторож. Правда, в «Таймс» не давалось никаких объяснений, почему он не смог покинуть горящее здание. Винс предположил, что чистильщики прикончили парня, а тело бросили в огонь, чтобы замести следы.

Водитель довез Винса прямо до входной двери его таунхауса. В комнатах было сумрачно и прохладно. Полы не были застелены коврами, и каждый шаг гулко раздавался по практически пустому помещению.

Винс купил этот дом два года назад, но так и не удосужился его полностью обставить. На самом деле столовая, кабинет и две из трех спален были абсолютно голыми, если не считать дешевых штор, защищающих от посторонних глаз.

Винс верил, что таунхаус для него всего лишь перевалочный пункт, временное жилье, из которого в один прекрасный день он переедет в дом на пляже в Ринконе, славившемся своими приливами и серферами, именно туда, где жизнь подчинялась лишь законам бескрайнего бурного моря. Но скудость обстановки дома в Хантингтон-Бич объяснялась отнюдь не его временным статусом. Винсу просто нравились голые белые стены, чистые бетонные полы и пустые комнаты.

Когда Винс рано или поздно купит дом своей мечты, то непременно отделает белой блестящей керамической плиткой и полы, и стены каждой комнаты. Там не будет ни дерева,

ни камня или кирпича, никаких текстурированных поверхностей для создания ощущения «тепла», которое так ценят другие. Мебель, сделанная на заказ, будет покрыта несколькими слоями блестящей белой эмали и обтянута белым вином. Единственным отклонением от обилия сверкающих белых поверхностей будут неизбежные при строительстве стекло и полированная сталь. И тогда Винс, инкапсулированный таким образом, наконец впервые в жизни обретет покой и чувство родного дома.

Распаковав чемодан, Винс спустился на кухню приготовить себе ланч. Тунец. Три крутых яйца. Полдюжины ржанных крекеров. Два яблока и апельсин. Бутылка спортивного напитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.